

Известия Восточно-Сибирского Отдела
Государственного Русского Географического Общества
Том I

ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ОТДЕЛА
за семьдесят пять лет
1851—1926

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК

ИРКУТСК

1926

О к р л и т № 1583.
Т и п о г р а ф и я
и з д а т е л ь с т в а
„В л а с т ь Т р у д а“.
— П р к у т е к —
1926.
З а к . 8821 Т и р . 750.

Этнографические изучения

Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического
Общества 1851—1926.

Краткий обзор

I.

Когда возник в Иркутске филиал Русского Географического Общества, Восточная Сибирь не могла рассматриваться как неведомая страна, и ее разноплеменное население не могло считаться совершенно неизвестным. Этнографические изучения Сибирского Отдела были продолжением работ, начатых по меньшей мере за целое столетие до его открытия. Минувшие ранние периоды ознакомления с нашей страной, следует называть Мессершмидта, в конце первой четверти XVIII в. побывавшего Енисеем до Туруханска, по нижней Тунгуске, в верхней Лене, в Даурии, Монголии, на Ангаре. В программу его исследований входили и вопросы этнографии, языкознания, археологии. Вскоре была снаряжена Камчатская экспедиция (1733—43). Самыми ценными результатами ее работ в части этнографической являются труды Стеллера и Крашенинникова. Их „Описание земли Камчатки“ представляет блестяще выполненную этнографическую монографию о камчадалах, коряках, курильцах, чукчах,—целом круге народов крайнего севера Азии. Кроме обстоятельных описаний всех областей культуры посещенных народов, кроме материалов по языку, их монография затрагивает важнейшие проблемы этнографических изучений. Во второй половине того же века проехал Сибирь до Даурии Георгий, собравший ценные сведения о туземном населении страны. Многолетнее путешествие по Сибири—Западной и Восточной—дало Гмелину возможность собрать большой и ценный материал как по языку, фольклору, так и быту туземного и русского населения. Богатые материалы по сибирской этнографии Миллера до сих пор не потеряли своей ценности. Паллас, выбравший маршрут через

Челябу, Тобольск, Омск, по Иртышу на Алтай, потом на Томск, Иркутск, Селенгинск, Кяхту и Читу, обратно прошел через Красноярск, Минусинск, Томск, Тару и Уральск. В своем описании путешествия он посвящает много места сведениям о различных народах; „это, — по оценке Кювье, — быть может, самое классическое из сочинений, когда-либо написанных по этнографии“. Морская экспедиция Биллингса и Сарычева на исходе XVIII века (1785 – 93) впервые дала картину быта чукчей, более обстоятельные и обильные сведения об алеутах, юкагирах, об охотских тунгусах, якутах и русском населении. Фердинанд Врангель и его спутники, Козьмин и лицейский товарищ Пушкина („чужих небес любовник беспокойный“) Матюшкин, впервые прошли, в первой четверти XIX столетия, всю территорию чукчей, юкагиров и северных тунгусов от Колымы до Чукотского полуострова, дав весьма обстоятельные сведения и об якутах и очень много о хозяйственном быте и языке русского населения далекого края. Немного позднее Эрдман дал характеристики бурят, тунгусов, русских и — особенно ценные — метисов. Миддендорф (в 40-х годах XIX в.) первый после казаков посетил манегров, негидальцев и др. тунгусские племена и дал подробное описание охотничьего промысла тунгусов, одежды, пищи, верований, языка; особенную цену имеют его записи по тунгусскому и якутскому фольклору. Иннокентий Вениамин в после длительного и нередко тщательного наблюдения над алеутами дал незаменимую до сих пор классическую книгу о их культуре, языке и фольклоре. В конце первой половины XIX ст. Кастрен в круг своих наблюдений принял несколько сибирских народностей; сюда вошли монголы, тунгусы, самоеды, енисейские остяки, буряты, койбалы, карагасы, котты. Он их исследовал со стороны языка, дав — во многих случаях впервые — материалы по словарю, грамматике, фольклору, а в своих письмах — интересные, тонкие наблюдения по этнографии виденных им народов. Далее следует напомнить имена и труды первых основоположников русской синологии — Бичурина, Горского, Захарова, Васильева, Попова, и первых русских монголоведов — Шмидта, Ковалевского, Березина, Бобровникова, Савельева, Банзарова. В середине прошлого века, уже ко времени открытия Сибирского Отдела, выполнены исследования Дитмара, давшего описание быта коряков и чукчей и составившего первую этнографическую карту Камчатки. В круг наблюдений Шренка вошли гиляки, алеуты и тунгусы. Его заслуга перед этнографией заключается не только в полевом материале, впервые добытом, но еще в большей степени в том,

что им расчищены пути для будущих изучений народов северо-восточной Азии. Он дал первую научную классификацию народов Амурского бассейна, предложил для них этническую терминологию, которою до сих пор пользуется этнография, выделил особую группу палеазиатских народов. Пути и приемы его изучений остаются образцовыми и для нашего времени: каждую культуру он рассматривает исторически и сравнительно-этнографически.

Особенностью представителей поколения кануна деятельности Сибирского Отдела был необычайный, редко встречающийся в истории умственной жизни размах энергии и многосторонность познаний; это были в истинном смысле слова носители энциклопедической культуры. Их уважение к привычкам, воззрениям, нравам, творчеству так называемых примитивных народов, необычайное для многих признанных умов эпохи, остается школой для всех будущих поколений исследователей народной жизни и культуры.

Учитывая идейную среду, в которой жило сибирское общество середины прошлого столетия, выделившее первых деятелей Отдела, необходимо помнить работу декабристов, которая заключалась и в непосредственном участии в первых наблюдениях над природой и населением края, а главным образом в создании необходимого условия всякого научного интереса—умственной атмосферы.

Едва ли случайно, что в это время появляются первые бытописатели - самоучки, пионеры сибирского краеведения (Авдеева, Хлебников, Калашников).

Таково, в кратком наброске, наследство, оказавшееся в распоряжении деятелей Сибирского филиала. Громадные пространства, населяющие их племена и народы, являющиеся представителями и носителями разных культур, были посещены и описаны—с их философией, религией, поэзией, языком, бытом, хозяйством—людьми европейской культуры. Как ни велико значение этих исследований и описаний, надо сказать, что это были только начатки сибирской этнографии, только небольшие отрывки большого, с трудом обозримого мира. Не все племена, не все народы были известны, а если большею частью и стали известными, то не во всех отношениях...

Было ясно, что путем посылки из столиц экспедиций или отдельных лиц невозможно произвести все нужные наблюдения в мало известном крае, что единственный путь, ведущий к приращению новых открытий, приобретению новых знаний об окраине и ее населении лежит через постоянные работы на месте постоянно действующего учреждения.

По мысли А. В. Головина, в центре наших окраин надлежало создать такие органы Русского Географического Общества, которые приняли-бы на себя часть его задач, явились бы наблюдательными станциями на местах. 17 ноября 1851 г. образовался новый центр исследований нашей окраины—Сибирский Отдел Географического Общества, которому предоставлена полная самостоятельность в научных предприятиях и обеспечена постоянная поддержка. В состав его деятельных членов вошли местные любители и ревнители науки и люди служащие, которые успели заявить себя участием в работах центрального Общества еще до учреждения Отдела. Начало деятельности Отдела было тем благоприятнее, что управление Восточной Сибирью было тогда в руках Н. Н. Муравьева, человека просвещенного, к тому же проявляющего интерес к географическим изучениям. Значительные пожертвования частных лиц обеспечивали возможность осуществлять серьезные и дорого стоящие предприятия.

Заметными работами при начале деятельности Отдела были поездки в Тункинский край Н. И. Башкевича (1853), собравшего сведения о бурятах и крестьянах (главным образом о хозяйственном быте их), и Г. М. Пермикина, составившего карту края. Несколько позднее Башкевич совершил поездку на Ольхон с целью собрать материалы для описания быта ольхонских бурят, „их нравственного состояния“, шаманских обрядов, записать песни, предания, легенды. И. К. Смирнов побывал в Селенгинской степи (по течению реки до Байкала) и в Тункинском крае, делая зарисовки „этнографических типов племен тамошнего края“. В издававшихся в эти годы „Записках“ Сибирского Отдела печатаются небольшие статьи, заметки и мелкие известия разных авторов: Д. П. Давыдова, совершившего археологическо-этнографическую поездку по Верхнеудинскому округу,² А. А. Мордвинова, выполнившего большую работу о туземцах Туруханского края,³ Н. И. Кашина, который занимался собиранием этнографических материалов в Даурии,⁴ Андрея Аргентова, собравшего материал большой ценности по чукотскому языку и быту,⁵ Хитрова—автора „Описания Жиганского улуса“. В это же время начинают выходить очерки и статьи кн. Н. А. Кострова о туземном и русском населении Енисейской губернии,⁷ затем—очерки о туземцах Енисейского округа М. Кривошапкина,⁸ автора монографии „Енисейский округ и его жизнь“.

Первое крупное предприятие Отдела—Вилуйская экспедиция—было выполнено на средства С. Ф. Соловьева. Долины Вилуя и его вершин представляли собою наименее из-

вестный край Восточной Сибири. Сюда и была снаряжена экспедиция под начальством Р. К. Маака.

Путешествие продолжалось с начала 1854 до конца февраля 1855 года. Маак отлично понимал задачи путешественника по неизученной стране. Натуралист по специальности, он не только описывает маршрут экспедиции, производит исследования климатических явлений края, собирает материалы для изучения естественно-исторических особенностей страны, — он, не ставя себе прямой целью этнографические наблюдения и делая их, как он сам говорит, „по мере сил“, не оставляет без внимания население края. Статистике и особенно этнографии он отводит не малое место в своих исследованиях, собирая сведения о туземном и русском населении, его быте, языке, занятиях, ведя наблюдения над физическим типом, над скрещиванием якутов с тунгусами и русскими; в круг наблюдений взяты особенности экономического быта туземцев (скотоводство, оленеводство, звероловство, влияние золотопромышленности и пр.). По разным причинам результаты экспедиции были опубликованы с большим запозданием. Первый том вышел через 30 лет после путешествия, последний (третий) — уже после смерти автора. Первые два тома содержат интересные для этнографа материалы о русском и тунгусском населении; третий том — этнографический по преимуществу. Интересно, между прочим, отметить внимание к языку описываемых народов: среди обильных материалов о быте, обычаях, преданиях находятся ботанические словари — якутский и тунгусский, записи местных особенностей русского языка у жителей Якутской области.

Описание путешествия, „читая которое, — признается историк нашей науки, — жалеешь, что оно не было более подробно“, снабжено многочисленными прекрасными рисунками одежды, утвари и пр. Это — классическое произведение, которое занимает место в ряду с трудами Врангеля, Миддендорфа, Шренка.

Чрезвычайно трудное путешествие не могло не отразиться на состоянии здоровья Маака; однако это не помешало ему вскоре же, в том же 1855 г., когда закончено было путешествие в Вилюйский край, принять новое поручение Сибирского Отдела. Только что была приобретена Амурская страна. Открывались новые возможности различных исследований, в том числе и этнографических. Отделом была снаряжена новая экспедиция — на Амур; руководство вверено и на этот раз Мааку. Самым многочисленным из тунгусских племен в новой стране были гольды. Естественно, что им и было уделено больше всего внимания. Путешествие продол-

жалось с апреля 1855 по январь 1856 г. Результатом его является первое описание гольдов, гиляков, орочей и других туземцев края.

Едва была окончена обработка материалов Амурской экспедиции, как в феврале 1859 года Отдел снарядил Уссурийскую экспедицию под начальством Маака. Этнографическую часть Уссурийской экспедиции принял на себя член Отдела А. Д. Брылкин; кроме небольшого гольдского словаря, он дал первый опыт гольдской грамматики. Две больших работы Маака — „Путешествие на Амур“ и „Путешествие по долине р. Усури“, снабженные прекрасным атласом рисунков, являются, по отзывам специалистов, первоисточниками. Названные работы Маака напечатаны отдельным изданием.

В это время продолжают выходить очередные книжки „Записок“ Отдела; из напечатанных в них интересных для этнографов работ можно указать статьи К. Стукова — о монголо-бурятах, их быте и религии,⁹ П. Э. Кларка — об оचेульских и тутурских тунгусах, также его работу „Вилуйск и его округ“¹⁰. В этот же период добыты этнографические сведения П. А. Кропоткиным и И. С. Поляковым, участниками Олекминско-Витимской экспедиции, снаряженной Обществом и выполненной на средства золотопромышленников, заинтересованных в поисках скотопроегонного пути¹¹. Здесь же уместно сказать о Туруханской экспедиции, снаряженной Отделом в 1866 году при значительной денежной поддержке (1.800 р.) енисейских золотопромышленников. Туруханский край был уже знаком по работам Мордвинова, Кривошапкина, но, трудно доступный и обширный, он все же мало был изучен, хотя и представлял глубокий интерес во многих отношениях. Экспедицию возглавлял И. А. Лопатин; в качестве этнографа принял участие А. П. Щапов. Щапов производил свои исследования только до Туруханска (ниже по реке вел наблюдения Лопатин). Широко понимая задачи этнографии, он придает своей работе антропогеографический характер. Кроме отличительных анатомических типов и индивидуальностей разноплеменных туруханских жителей, исследователь обращает внимание на их рост, на физическую, рабочую силу, на плодовитость женщин, описывает „физиологический день“ остяков и тунгусов, т. е. распределение втечение суток покоя, сна, работы (движения), еды и пр., останавливается на выяснении численного состава семейств, распределения браков и рождений по временам года, средней продолжительности жизни. Много внимания уделено вопросам метисации разнородного туруханского населения, — вопросам, твердо и смело поставленным Щаповым. Результа-

том наблюдений и исследований явился труд: „Народная жизнь на севере Енисея, между 60° и 65° сев. шир.“.¹²

Лопатин, путешествуя ниже Туруханска по р. Енисею, Тазу, Пясины, Анабары, Хотанги—почти до полярного круга, наблюдал остяков, самоедов, юраков, особенно тунгусское население долган, к востоку от Енисея, и якутов (оседлое русское население малочисленно).

В том же году командированный Отделом молодой Кропоткин совершает поездку через Тункинский край в Окин-ский караул. Имея цели далекие от этнографии (исследование Окинских водопадов), путешественник попутно добывает сведения по истории края, о характере населения—ясачных, казаков, бурят, их быте, религиозной жизни, дает ясное по изложению описание дацанов, подробное описание устройства „бурханов“ и образов. Попутно делает замечания о сойотах, о их взаимных отношениях с бурятами (заимствованиях, утере языка и пр.), о „корнотских братских“: „весь быт этих бурят представляет переходную ступень от степного бурята к оседлому русскому“.

Следующий год отмечен путешествиями Лопатина—на о. Сахалин и Пржевальского—в южную часть Зауссурийского края. Лопатин, производя геологические изучения мало обследованного острова, попутно собрал некоторые сведения о быте населения, главным образом айнов: о жилище, домашнем хозяйстве, обычаях, верованиях.

„Путешественник-скиталец“ Пржевальский выполнил большой маршрут: по Уссури—оз. Ханка—Владивосток; оттуда Цимуха—Сучан и к зал. св. Ольги; далее по р. р. Тузеху и Лефудин и перевал на Уссури. Эта поездка—первое его путешествие, в результате которого написаны работы: „Об инородческом населении в южной части Приамурской области“ и „Путешествие в Уссурийский край“. Воспользовавшись командировкой по делам службы, он одновременно с метеорологическими, зоологическими, ботаническими и иными вел наблюдения над современным ему состоянием деревни и возможностями развития ее благосостояния. Им дано описание наших колоний, туземного населения и жизни переселенцев из западной России. Главное внимание им уделено корейцам (внешность, быт, костюм, обычаи, верования), китайцам (их быт, занятия, промыслы), гольдам (характер, быт, верования, звериный промысел, рыболовство), орочам (общая картина их быта).

Южная Сибирь в это время исследуется И. С. Поляковым, который в 1867 году изучал разнородное население в Тункинской котловине и Саянах, уделяя главное внимание

занятиям, быту обрядовой жизни, культурным взаимовлияниям и явлениям метисации.

Азиатский северо-восток интересовал руководителей Отдела, как край малоисследованный. Все, что было известно об этом далеком крае, могло считаться только скромным началом изучения.

В 1868 г. снаряжена экспедиция в Колымский и Чукотско-Анадырский край под начальством Г. А. Майделя, имевшая целью „укоренение в чукчах сознания русского подданства“. В описаниях участника этой экспедиции К. К. Неймана (метеоролог и астроном) встречается, между прочим, некоторый этнографический материал (собранный частью Майделем): он делает замечания, касающиеся истории края, переселения народов—якутов, чукчей и др., дает некоторые сведения о промыслах в Нижне-Колымске, о хлебопашестве, о скотоводстве у якутов, юкагиров, чукчей; о характере этих народов, о жилище и пище, песнях и плясках. Довольно подробно описывает старую охоту на оленя на Колыме (теперь уже не существующую); дает описание ярмарки. Наиболее подробные сведения сообщает о дорогах и способах передвижения.

Сведения о населении далекого севера Сибири были пополнены Оленекской экспедицией, в снаряжении которой Отдел принял „самое живое участие, содействуя... всеми зависящими средствами“. Помимо прямых своих задач (геологические исследования), экспедиция, возглавляемая А. Л. Чекановским, попутно собирает материалы, касающиеся обьякутившихся и бродячих тунгусов, вилюйских якутов, приходящих на Оленек для рыбной ловли, о малочисленном населении долины реки Болькалак, известном из описания миссионера Хитрова.¹³

В 1874 г. Отдел принял участие в военно-топографической экспедиции, отправленной под начальством Л. А. Большеева для обследования берегов Японского моря и Татарского пролива; экспедицией, помимо общегеографических сведений, собирались и данные этнографические. В 1876 г. Отделом был прикомандирован Н. А. Гребницкий к особой экспедиции, снаряженной генерал-губернатором Восточной Сибири. Результаты поездки сообщены в работах: „Значение китайско-корейского элемента в деле колонизации Южно-Уссурийского края“¹⁴ и „Этнографический очерк Уссурийского края“.¹⁵

В изданиях Отдела этих и ближайших лет содержатся материалы, относящиеся к этнографии Якутской области; кроме прежде названных, можно указать Павловского—о

демонологии якутов¹⁶, Павлинова—об юридическом быте скопцов Мархинского селения¹⁷ и некотор. др.

Всматриваясь во все материалы, добытые большими и малыми путешествиями, опубликованные полностью и известные только по отчетам, видим, что в рассматриваемый период идет накопление материалов этнографического характера—попутно, часто случайно, с собиранием других (географических, статистических и пр.) материалов. В них еще никто не отдает себе отчета; они еще почти никем не используются с какими-либо целями—научными или прикладными и имеют лишь запасное значение. Исключение составляет названная работа Шапова, известная, впрочем, лишь из подробного отчета. Осмыслить накопленный материал, привести в известность и наметить пути использования его с теоретическими или практическими целями досталось в удел деятелям второго периода.

II.

Уже Шапов, в качестве этнографа Туруханской экспедиции, расширил понимание своих задач, придав исследованиям характер антропогеографический. Накопленные его предшественниками сведения о крае, как и добываемые участниками путешествия разнообразные материалы интересуют исследователя не сами по себе, а лишь как средство к разрешению стоящих перед ним вопросов первостатейной важности: распространение населения по стране, зависимость хозяйственной жизни и разных ее сторон от географической среды, культурные взаимовлияния, метисация, причины и условия образования новых „вариететов“, новых групп населения.

С определенными же целями путешествовал по Восточной Сибири и славист П. А. Ровинский. Изучение славян на юге и западе Европы, где они испытали многовековое влияние греко-римской культуры, не могло дать всего, что необходимо „для полного понимания их характера и способностей“; надлежало изучить их „там, где они... должны сами явиться элементом цивилизующим“. Такой страной представляется Ровинскому Восточная Сибирь. Он путешествовал здесь с 1870 до 1873 года, наблюдая население „между Леной и Ангарой“, в Приангарье, в пределах Иркутской губернии, в Тункинской долине, в Забайкалье—местности по рекам Селенге, Хилку, Чикюю, Ингоде, Онону и Аргуни. В 1872 году им выполнена поездка по Амуру и его притокам; в следующем—заканчивает свои сибирские наблюдения Минусинским краем. Результатом его наблюдений являются статьи, помещенные в „Известиях“ Отдела за годы путешествий по Во-

сточной Сибири. О характере его работ можно судить по описаниям жизни населения в Забайкалье, которому он посвятил две статьи („Этнографические исследования в Забайкальской области“, 1872 г. и „Материалы для этнографии Забайкалья“, 1873 г.). В них он набрасывает картину того, как „постепенно изменяется русский тип“ по мере удаления на восток, „где он иногда совершенно теряется в чуждом элементе“, а с изменением типа населения меняются и внешний вид селений, и построек и говор: „другой говор, другой обычай, иной характер во всем, которого вы сразу не определите, но тем не менее чувствуете“¹⁸. Русское население края он делит на несколько групп: 1) потомство первых вольных поселенцев, 2) ясачные, 3) семейские, 4) малороссияне. Забайкальские старообрядцы привлекли наибольшее внимание путешественника. „Огромное культурное значение семейских в Забайкалье сознается всеми; но роль их еще не кончена: много еще пустынь есть в Забайкалье, которые нуждаются в них“¹⁹. Менее определены суждения Ровинского о других группах русско-сибирского населения. Остановливаясь на разных элементах народной культуры, он во многих случаях усматривает подчинение русских туземному влиянию; говоря о характере населения, о взаимных отношениях отдельных групп населения, он находит у славян, осевших в Сибири, изменения не к лучшему. Вместе с тем он усматривает у русского сибиряка „черты, способные к здоровому развитию“. Интересны, хотя тоже не достаточно определены, его заключения относительно русского языка в Сибири, разбросанные в некоторых статьях, главным же образом в „Замечаниях об особенностях сибирского наречия“²⁰, являющихся, по отзыву современных языковедов, „наиболее замечательным явлением в области диалектологического изучения Сибири“ предпоследней четверти прошлого века²¹.

Ровинский делает попытку установить особенности сибирского наречия в звуках, словообразовании, в управлении слов, в ударении, определить условия, в которых образовались непривычные формы-провинциализмы, наблюдающиеся в сибирском „наречии“. В своих „Замечаниях“ он, как будто, склоняется к признанию русско-сибирской речи за отдельное наречие. С другой стороны, он сознается, что „как ни одинаков говор во всей Восточной Сибири, вы даже при мимоходном знакомстве заметите разноречия“.

Пользуясь известным нам научно-литературным наследством Ровинского, можно сказать, что оно в малой степени соответствует продолжительности и территориальному охвату его больших и малых путешествий по Сибири: мы имеем,

кроме отчетов, только путевые очерки, содержащие наброски, наскоро сделанные замечания; в соответствии с этим—незначительные выводы, колеблющиеся утверждения. Но для последующих сибирских изучений деятельность Ровинского не прошла бесследно: его работы озарены высокой и руководящей идеей; его поиски материалов вызывались и оправдывались необходимостью ответить на вопросы принципиального характера—о судьбах славянского племени в Сибири. Недостаточность подготовительных работ хорошо сознавал сам Ровинский, намечая на ближайшее время программу этнографических изучений Сибири: „нужно знакомиться с бытом народа, нужно подметить и собрать все особенности, как наружного типа, так и языка, образа жизни и духовной деятельности народа, выражающейся в песне, сказке и верованиях“.

Почти одновременно с Ровинским занимался изучением сибирского населения А. П. Шапов, об участии которого в Туруханской экспедиции уже была речь. В 1872—73 г.г. были напечатаны его работы: „Историко-географические и этнографические заметки о сибирском населении“ и „Историко-географические заметки о Сибири“. В 1874 году, при содействии Отдела, им была предпринята поездка в Братскую степь (долина р.р. Куды, Манзурки и Анги). Перед исследователем стояли задачи большого значения: 1) „выяснить историко-географическое и этнографическое распределение населения“, 2) выяснить „физическое и этнолого-генеалогическое развитие населения“, 3) собрать материал, обеспечивающий возможность судить „о психическом развитии населения“, 4) выследить „общественное и экономическое развитие населения“ и 5) изучить „семейную и домашнюю жизнь“. Главная особенность населения местности, избранной Шаповым для наблюдения, заключалась в длительном и широком соприкосновении и взаимодействии, в котором находились более многочисленное туземное население и менее значительное в количественном отношении население русское. Результаты его исследований выражены в значительных трудах: „Бурятская улусная и родовая община“, „Сельская оседло-инородческая и русско-крестьянская община в Кудинско-Ленском крае“, „Физическое и этнолого-генеалогическое развитие Кудинского и Верхоленского населения“²².

Взгляды Шапова на задачи народоведения сложились ранее его сибирских изучений. Главные работы казанского периода его ученой деятельности относятся к области исторической этнографии, работы петербургского периода носят антропогеографический характер. Объектом изучений Шапова-историка и этнографа была народная жизнь, с ее коренными

и унаследованными особенностями. Изыскания, по мысли Щапова, только в том случае могут быть успешны, если исследователь выяснит областные деления русской народности и затем—роль их в исторических явлениях. Менее продуманы и мало самостоятельны были мысли Щапова-антропогеографа, эрудиция которого в области натуралистических дисциплин была лишь плодом начитанности. Сибирские изучения Щапова были продолжением его работ, начатых по ту сторону Урала.

Русское население Сибири являлось, в представлении Щапова, своеобразным ответвлением русской народности, которое в свою очередь распадается, в зависимости от географических и иных условий, на более мелкие, областные деления. „Оторвавшись от общего корня исторической жизни и традиции великорусского народа“, это ответвление „среди новых физико-географических и этнографических условий“ стало формироваться в „самобытную своеобразную народность“ с новыми формами и особенностями жизни. В новых условиях жизни оно „больше искало новой жизни, чем думало о старой и вообще умственно и нравственно приспособлялось больше к новым местным физико-географическим и этнографическим условиям, чем к старым историко-традиционным основам и началам великорусской народной жизни“. Сибирский тип Щапов не считает вполне установившимся, но что он определенно обозначился,—это исследователь утверждает категорически, указывая на определившуюся тенденцию русско-сибирского населения вылиться в однородную своеобразную областную народность под различными воздействиями: смешение с туземцами, неблагоприятные географические условия и пр.

Выдающимися чертами этого типа Щапов считает пониженную физическую организацию, пониженные умственные способности, пониженный эстетический вкус, огрубелость нравов, узость, грубость и диковатость общественных и нравственных понятий. Сибиряки, в утверждении Щапова, забыли всю древне-русскую старину с ее полной жизни, поэзией и красотой.

Едва ли нужно говорить, что позднейшими изучениями эти утверждения были признаны несостоятельными. Его ошибки надо объяснить многими причинами. Оставляя в стороне нестроения его личной жизни, приходится иметь в виду недостаточность материалов, оказавшихся в его распоряжении, для разрешения широко задуманных им задач; к тому же и личные свойства характера исследователя мешали неторопливому накоплению и спокойному изучению фактов. То,

что сказал Ключевский²³ в начале его научной деятельности, можно применить—пожалуй, с большим правом—к его сибирским работам: „...автор страдает недостатком критической разборчивости в подборе и группировке явлений, иногда логической соразмерности выводов с явлениями, которые служат их основанием“... Но общие положения, соображения, домыслы Щапова, лежавшие в основе этнографических исследований, остаются плодотворными и до последнего времени. Его работы о бурятах представляют значительную ценность во многих отношениях и до наших дней: новейшие труды в области бурятоведения часто связаны материалами и общими положениями с исследованиями Щапова.

Легко заметить, что выводы Ровинского и Щапова опираются почти исключительно на наблюдения над внешними проявлениями жизни народных масс. Правда, Ровинский занимался языковыми наблюдениями, но только попутно; указывал на неотложность собирания и изучения произведений устного творчества, но сам в этой области дал весьма незначительный материал. О Щапове известно, что он занимался наблюдениями над русско-сибирским фольклором, но эти наблюдения не занимали особого и сколько-нибудь видного места в его работах; это сказалось и в его научно-литературных трудах. И вообще явления так называемой духовной культуры народных масс были далеко не на видном месте в кругу наблюдений деятелей рассматриваемого периода. Возможно, что здесь перед нами продолжение той полосы этнографических исследований, которая наметилась по ту сторону Урала вслед за крестьянской реформой: изучение хозяйственного быта, уклада народной жизни... Односторонность исследований породила те последствия, о которых уже сделаны замечания. Исправить ошибки удалось не скоро. Отголоски и повторения суждений авторитетных ученых, Щапова и Ровинского, будут встречаться еще много позже. Однако, восполнение указанных пробелов в изучении началось вскоре же—деятелями следующего, третьего периода в жизни Отдела, сосредоточившего (с 1878 года) внимание и силы на территории Восточной Сибири.

III.

Кажется, никогда Отдел не пользовался такой известностью и таким авторитетом, как в последние два десятилетия прошлого века, составляющие первую половину третьего периода. Результаты научной деятельности, которыми вправе гордиться Отдел, как своей славой, были и в первом, были и во втором периоде деятельности Отдела. Но популярность

и авторитет Отдел приобретает именно теперь, в период *соби-
рания сил*. Если прежде Отдел самостоятельно и вместе с
центральным Обществом организовывал экспедиции, питаю-
щие своими результатами науку далеко за пределами России,
то в этом периоде было подготовлено и осуществлено пред-
приятие (Сибиряковская экспедиция), которое посильно не
всякому и столичному научному обществу или учреждению.
Если прежде Отдел находил у местных людей материальную
поддержку, то теперь помощь притекает как никогда раньше
и после. Центральной фигурой („главным двигателем работ“,
как сказано в одном отчете) периода собирания сил является
Г. Н. Потанин, после него—Д. А. Клеменц.

Промежутки между большими путешествиями Потаниным
заполнялись не только подытоживанием результатов одних
и подготовкой к новым поездкам, но также небольшими экскур-
сиями и работами по организации работы в провинциаль-
ных научных обществах и учреждениях. Один из таких не-
больших промежутков был заполнен деятельностью в Во-
сточно-Сибирском Отделе.

Характер и направление деятельности Потанина в Иркутске
намечался ранее его избрания руководителем работ (правите-
лем дел) Отдела (1887—1889). Этнографические изучения,
имеющие объектом внимания культуру народных масс, осо-
бенно в стране, едва початой исследованиями, с желательной
степенью плодотворности не могут изучаться разрозненными
силами отдельных лиц. Здесь нужны силы, собранные опре-
деленной целью, направленные единством плана и намерений.
Отдел никогда не мог располагать достаточным количеством
работников со специальной этнографической подготовкой.
Делом руководителя было использовать имеющиеся и при-
влечь новые силы, собрать их, дать им очередную работу,
подготовить к ней. Из этих потребностей момента родилась
„Программа для собирания сведений о сибирском шаманстве“,
Иркутск, 1880, появившаяся в изданиях Отдела. Ею ставится во-
прос о планомерном, систематическом изучении т. н. духов-
ной культуры народов Сибири, их религиозной жизни, их
языка, памятников устного творчества, стоявших в то время,
кстати сказать, в центре внимания самого Потанина.

Для изучения народной религии, мировоззрения, много-
различного опыта, языка, поэзии делалось не мало и раньше
этого времени. Но поставить их на вид, сделать их предме-
том специального внимания, придать изучениям необходи-
мую планомерность и возможную полноту,—это заслуга, пре-
жде всего, Потанина.

Вскоре после опубликования его „Программы“ в изданиях Отдела появляется ряд работ разного значения, но в целом представляющих большую ценность. Имеют право на внимание очерки Горохова—„Следы шаманства у якутов“²⁴ и др., Припузова—„Сведения для изучения шаманства у якутов“²⁵ и др., А. Ю. Назарова—„О маньчжурах, даурах и китайцах Амурской области“²⁶, Приклонского—„О шаманстве у якутов“²⁷, Попова—„О верованиях якутов“²⁸, Шиманьского—„Пища якутов“²⁹. К этим годам относится начало изучений этнографа-бурята М. Н. Хангалова, уделившего много внимания верованиям, быту, фольклору своих сородичей. В 1883 г. Отдел печатает „Материалы для изучения шаманства в Сибири“ Н. Н. Агапитова и Н. М. Хангалова; вскоре же—„Опыт программы для изучения верований инородцев Сибири“—Агапитова. В 1888 г. Хангаловым опубликована работа об облаве на зверей у древних бурят³⁰, вызвавшая дополнения другого бурята-этнографа Вамбаицыренова, вскоре напечатавшего статью о старинной облаве зверей у хоринских бурят³¹. Из работ о русском населении за это время можно указать статью В. И. Вагина—„Нынешняя деревенская песня“³² да материалы Д. А. Клеменца, вышедшие под заглавием „Наговоры и приметы у крестьян Минусинского округа“³³.

Повышение научной работы против предшествующих десятилетий сказывается и на изданиях Отдела. С 1889 года, на ряду с „Записками по отделению статистики“ и „Записками по общей географии“, начинают выходить „Записки по этнографии“.

Два первых выпуска I тома „Записок по этнографии“ (1890—91), дающие в общей сложности трехсотстраничное собрание материалов по бурятскому фольклору, заполнены записями Н. М. Хангалова, Н. И. Затоплева и других собирателей; третий выпуск этого тома, такого же объема, представляет собою собрание гл. обр. якутского фольклора; это—Верхоянский Сборник, составленный И. А. Худяковым. Два выпуска II тома содержат материалы по шаманству туземцев Сибири, преимущественно бурят, собранные Хангаловым и другими фольклористами.

Какое положение заняла этнография, в частности фольклор, в работах Отдела, видно из того, что этнографические статьи и материалы находят себе место не только в специальных „Записках по этнографии“, но и в других изданиях Отдела. В первом выпуске I т. „Записок по общей географии“ (1890) напечатаны „Труды русских торговых людей в Монголии и Китае“, содержащие преимущественно описания и днев-

ники, не лишенные интереса и для этнографа; во II т. (1902)— „Очерк крайнего северо-востока“ И. Шкловского, насыщенный этнографическими материалами. В „Известиях“ Отдела за это время (1890—1895) печатались статьи Н. Виташевского—„Материалы для изучения якутской народной словесности“, Серошевского—„О якутских песнях и певцах“, Ковалика—„Верхоянские якуты“, Г. Н. Потанина—„Бурятские названия растений“, А. М. Африканова—„Урянхайская земля и ее обитатели“, И. А. Подгорбунского—„Идеи бурят шаманистов о душе, смерти, загробной жизни и загробном мире“³⁴, А. В. Потаниной—о молочном хозяйстве верхнеудинских бурят, А. А. Кузнецовой—тексты сказок минусинских татар, и др.

В народоведческих изучениях, как видим, доминируют темы фольклорные. Однако это не обозначает утраты интереса к другим сторонам народной культуры. В это время не прекращается научная деятельность Отдела и в других направлениях: в эти годы снаряжаются поездки, преследующие или прямые или попутные этнографические наблюдения. Можно упомянуть о поездке Я. П. Дубровы в Монголию, давшей некоторые сведения о монголо-бурятах, Д. А. Клеменца в Ачинский и Канский округа, где им добыты данные о кизильцах, о карагассах, Н. Е. Маковецкого, производившего медико-антропологические измерения и собравшего этнографические сведения среди карагасского племени, Н. Н. Сабурова—к северному концу Байкала, к устью р. Кичеры; поездка дала сведения по хозяйственному быту бурятского, тунгусского и русского населения.

По счастливой случайности продолжателем Потанина по руководительству предприятиями Отдела явился Клеменц. При нем и при его деятельном участии была подготовлена и осуществлена знаменитая в летописях нашей науки Сибириковская экспедиция.

К концу XIX ст. для изучения бурятской народности было сделано много. Народностью, по своей численности занимающей второе место на территории наблюдений и изучений Отдела, были якуты. Они оставались менее изученными. Академические экспедиции XVIII в., путешествия первой половины XIX ст., доставившие материалы высокой ценности и количественно обильные, не могли в достаточной степени исчерпать все вопросы, связанные с изучением этой большой народности. „Быт, мировоззрения, язык, антропологический характер племени, общественно-экономическое состояние его, отношение к русскому населению Якутской области и этого последнего к якутам и некоторые другие вопросы были весьма

мало и поверхностно изучены, а во многих частях даже совершенно не затронуты“,—сказано в отчете за 1894—95 год.

На специальных совещаниях в Якутске, в которых приняли участие А. И. Попов, Д. И. Меликов, Г. А. Кондаков, С. Я. Дмитриев, затем Виташевский, Иохельсон, Левенталь, Майнов, Пекарский и некот. др.), были выработаны подробные программы для исследования якутов и других народностей Якутской области и планы экспедиционных работ.

Общие указания задач экспедиции, выраженные И. М. Сибиряковым (на средства которого осуществлено это грандиозное предприятие, потребовавшее 12.000 рублей), легли в основу работ подготовительных совещаний.

„Экспедиция отправляется от В.-С. Отдела Геогр. Общества,—писал Сибиряков Клеменцу,³⁵—под руководством и наблюдением правителя дел Д. А. Клеменца“. Клеменц, прибывший в январе 1894 года в Якутск, взял на себя руководство работами совещаний.

Задачи, стоящие перед экспедицией, как они представлялись жертвователю, заключались в выяснении „экономических условий жизни инородцев, окружающих и живущих в приисковом районе Якутской области“, в „желании несколько отплатить соседям за любезно уступленные земли, когда-то бывшие в их полном распоряжении... Разумеется,—говорится в том-же письме,—я ничего не имею против употребления сил экспедиции и на общие исследования среди инородцев, не имеющие прямых отношений к приискам. Мне важно также, чтобы экспедиция, насколько возможно, выяснила исторический ход развития жизни инородцев. Вымирают они, или, наоборот, нарождаются и совершенствуются. Влияние на то и другое русской культуры... Затем важно составить представление о типе народа, т. е. якутов, тунгусов, и вследствие этого выяснение всех других сторон жизни, касающихся верований, обычаев, языка, антропометрии... Для выяснения характера народа—сборание сказок, поверий, пословиц, исследование обычного права... Экспедиция отправляется на два, три года“.

Широкие планы экспедиции, выработанные специальными совещаниями, громадные маршруты, многообразие культур насельников,—все это предполагало наличие большого числа специалистов, которые могли бы провести работу в течение двух-трех лет. Касаясь дело других областей Сибири, таких специалистов могло бы не оказаться. Другое дело—Якутская область. „Политические ссыльные, в изобилии посылаемые в

Якутской край,—писал Сибиряков Клеменцу,—представляют из себя как бы невольную экспедицию для исследования области, и нужно только уметь воспользоваться их наблюдениями“. И в самом деле: Осмоловский уже занимался изучением охоты и рыболовства со стороны техники, Ястремский—изучением якутского языка (грамматики), Пекарский—составлением якутско-русского словаря, Горинович—изучением якутской народной медицины... Совещением было решено пригласить в качестве сотрудников в работах экспедиции Ионов, Геккера и только что поименованных якутоведов.

Работы экспедиции охватили Якутский, Олекминский и Колымский округа. Большая часть участников выполняли план наблюдений и изучений в Якутском округе. По архивам и личным наблюдениям Н. А. Виташевский изучал якутское обычное право, Н. Л. Геккер, кроме антропологического исследования якутов, вел наблюдения над русско-якутской метисацией; В. Е. Горинович, продолжая занятия якутской народной медициной, изучал пищу, жилище и одежду якутов; В. М. Ионов исследовал дохристианские верования якутов; изучением хозяйственного быта и экономических отношений якутов в их историческом развитии и современном положении занимался Л. Г. Левенталь; В. Ливадин взял на себя труд по изучению искусства и ремесел якутов (архитектура, резьба, кузнечество и пр.); И. И. Майнов вел антрополого-демографические исследования среди населения Якутского края, в котором он различает пять племенных групп: русских, якутов, тунгусов и метисов—русско-якутского и якутско-тунгусского происхождения; вопросы, связанные с объядучиванием русских, выяснение общих причин и условий, при которых возникает и развивается это явление, также были предметом внимания исследователя. Д. И. Меликов принял на себя работу по криминальной психологии якутов на основании данных, находящихся в делах местных судебных и административных учреждений. На В. В. Никифорове лежало изучение семейного быта якутов; Г. Ф. Осмоловский продолжал изучение промыслов якутов (охота и рыболовство); в этой же области велась работа А. И. Некрасова. Якутским фольклором и, главным образом, языком занимался Э. К. Пекарский, пополняя из разных источников материалы для его многолетней работы—якутско-русского словаря. А. М. Попов взял на себя собирание материалов, освещающих быт и нравы якутов; С. В. Ястремский, продолжая изучения форм и строя якутского языка, занимался также собиранием материалов по якутскому художественному творчеству в слове.

С. Ф. Коваликом, изучавшим влияние золотопромышленности на быт туземцев Якутской области, произведены исследования в трех районах: в Витимской и Олекминской системах золотопромышленности, в северной части Киренского округа, населенной якутами, и в Олекминском округе.

В Колымском округе В. Г. Богораз изучал чукотское племя: язык, верования, быт, хозяйство, промыслы.

В. И. Иохельсон работал по изучению быта, языка, творчества, физического типа населения по р. Колыме—русских, якутов, преимущественно же юкагиров.

По числу участников, по продолжительности и тщательности изучений, по территориальному охвату и, конечно, по результатам эту экспедицию надо считать беспримерной в истории изучения северной Азии.

Результаты трудов участников экспедиции вскоре же стали—правда, сравнительно незначительными частями—опубликовываться в изданиях Отдела. В 1897 г. напечатана отдельным изданием „Программа издания трудов Якутской экспедиции“, сост. В. А. Обручевым (48 страниц). Далеко не все собранные тогда материалы и написанные исследования были опубликованы Отделом (часть их появилась на английском яз., часть в специальных изданиях столичных), все же интересная часть их напечатана Отделом. В 1896—97 гг. опубликованы статьи: Геккера—„К характеристике физического типа якутов“³⁶, Ястремского—„Остатки старинных верований у якутов“³⁷ и Иохельсона—„К вопросу об исчезнувших народностях Колымского округа“³⁸, в следующем году его же „Предварительный отчет об исследованиях инородцев Колымского и Верхоянского округов“³⁹; в 1899 г.—„Краткий отчет об исследованиях чукок Колымского края“ Богораз⁴⁰. В 1898—1900 гг. печатались „Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова“, куда вошли работы Ястремского („Падежные суффиксы в якутском языке“, „Грамматика якутского языка“) и Иохельсона („Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе“); здесь же надо назвать „Некоторые данные о тунгусах Якутского края“ И. И. Майнова.

Одновременно с работами участников Сибиряковской экспедиции членами продолжают изучения в других местах Сибири. Работы относятся преимущественно к бурятской этнографии. В это время (1894-95) заканчивает свои изучения М. А. Кроль, который с 1892 года вел наблюдения над изменением (под влиянием русского обычного права) брачных обычаев селенгинских бурят; среди баргузинских и агинских бурят им собраны дополнительные сведения по тому же во-

просу, произведены наблюдения над кочевой культурой, собран материал, освещающий вопрос о возможности или невозможности разложения кочевой культуры. Результаты исследований изложены им в статьях: „Предварительный отчет о работах по исследованию Забайкальских бурят за период 1892—1895 гг.“⁴¹, „Охотничье право и звериный промысел у бурят“⁴², „Брачные обычаи и обряды Забайкальских бурят“⁴³.

В 1895 г. была совершена поездка по Балаганскому и Иркутскому округам И. А. Молодых и П. Е. Кулакова с целью сбора материалов по народному быту и хозяйству для Нижегородской Всероссийской Выставки; кроме этнографических коллекций, доставлено большое количество фотографий. Наблюдения и сбор материалов производились, главным образом, среди бурят, но и русское—как старожилое, так и новосельческое—население не было обойдено. Статья Кулакова—„Буряты Иркутской губернии“, напечатанная в том же году⁴⁴, и книга, написанная экскурсантами, под названием „Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии“ (изд. под ред. П. П. Семенова, СПб. 1896), были результатом поездки.

Почти непрерывно идет накопление материалов по фольклору туземцев. Я. А. Чистохин печатает „Материалы по народному творчеству монголов“, предания, шаманские молитвы, загадки⁴⁵; А. И. Кытманов публикует юрацкие сказки⁴⁶, Н. Талызин—небольшие записи урянхайских сказок⁴⁷. Время от времени появляются небольшие работы по русско-сибирской этнографии. В 1895 г. Ф. Кон поместил в изданиях Отдела свои наблюдения под заглавием: „Хатын-Арынское скопческое селение“⁴⁸. Тремя, четырьмя годами позже появляются статьи об илимских свадьбах и свадебных песнях И. Суворова и А. Языкова⁴⁹; заслуживают упоминания материалы из Балаганского и Иркутского уездов по народной медицине русского и отчасти бурятского населения Я. П. Прейна⁵⁰. Значительной работой, появившейся в первый год нашего столетия, были „Материалы по этнографии Енисейского уезда“ В. С. Арефьева⁵¹, содержащие описание свадебных обрядов, образцы народной словесности, гадания, приметы, детский фольклор и пр. Годом раньше Арефьев, в сотрудничестве с С. П. Розенбаум, поместил в изданиях Отдела статью: „Свадьба в Ангарской деревне“⁵²; многие его работы разбросаны по разным провинциальным изданиям. Это же время отмечено работами, ранее не поставленными программой исследований окраины,—работами в области музыкальной этнографии. Начало их связывается с именем Н. П. Протасова.

В 1899 году, во время служебных поездок по нижнему течению р. Ангары, в Кежемской и смежных с нею волостях, Протасов собрал около полутора ста песен нижеангарских крестьян, записав не только тексты, но положив на ноты напевы песен. По отзыву Римского-Корсакова, эти записи отмечены „признаками древней чистой мелодии“, представляют собой „ценный вклад в литературу по народному творчеству“⁵³. Лестный отзыв компетентного лица имел последствием командирование Протасова к семейским в Забайкалье для собирания песенного материала. Летом 1902 года он собрал, главным образом, среди старообрядцев, пришедших сюда полтора ста лет тому назад и живущих обособленно от других групп населения, около ста пятидесяти номеров песен (текстов и мелодий), в том числе около десятка духовных стихов. До сих пор записи Протасова остаются не опубликованными⁵⁴; лишь нынче Этнологической секцией Отдела приступлено к напечатанию небольшой части мелодий из Забайкалья⁵⁵.

Примерно, в это же время вопросами музыкальной этнографии занимался Р. А. Иванов; его записи бурятских мелодий, как и его суждения о характере бурятской народной музыки, заслуживают большого внимания; к сожалению, и они опубликованы, кажется, только в незначительной части⁵⁶.

Протасов и Иванов с их работами в этом периоде этнографических изучений стоят одиноко, не имея предшественников, не имея в ближайшем будущем и продолжателей. В главном русле изучений стоят наблюдения над бытом туземцев и собирание произведений устного художественного творчества. В 1902 г. командирован Отделом к урянхайцам, живущим к северу от Косогола, Ф. Я. Кон; он наблюдал семейный быт, игры и развлечения, занятия и ремесла, изучал обычное право. В том же году им напечатан „Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю“. В 1903—5 г.г. А. М. Станиславский ведет попутные наблюдения и делает записи о населении побережий Байкала (с. с. Горячинское, Исток и др.). Его занимает хозяйственный быт населения, преимущественно русского; делает он наблюдения и над говорами, собирает обильный и разнообразный материал по русскому фольклору. Все эти записи позднее (в 1912) составили почти все содержание „Записок“ наблюдателя⁵⁷. Вообще намечается некоторое усиление внимания к изучению русской народности: появляются новые описания крестьянской свадьбы в Енисейской губернии, принадлежащие перу М. В. Красноженовой⁵⁸; вскоре печатаются ее материалы по народной медицине⁵⁹ и материалы по этому же вопросу М. П. Овчинникова⁶⁰. В 1911 году Д. М. Мишарин предпринимает экс-

курсию в Верхоленский уезд (Тутурская и Илгинская вол.) для записи свадебных песен, опубликованных через 5—6 лет ⁶¹. М. В. Красноженова продолжает печатание материалов по русской народной медицине Енисейской губернии ⁶². Этот год для сибирских народоведов, занимающихся русской этнографией, отмечен плодотворной поездкой Вяч. Шишкова в селения Подкаменской и Преображенской волостей Киренского уезда, расположенных по течению Нижней Тунгуски, где им собраны тексты народных песен (в том числе два значительных отрывка былин и несколько исторических песен), впоследствии, в 1914 году, составившие небольшой (в полсотни страниц), но хорошо выполненный сборник по фольклору почти неизвестного в нашей литературе Притунгусского края ⁶³. Вскоре, однако, этнографические изучения русского населения совершенно прекращаются. Последними работами были альбом „Памятники деревянного зодчества в Иркутской губернии“ И. И. Серебренникова, снабженный дельно составленным текстом,—труд, стоящий в изучениях Отдела особняком, и затем содержательная работа И. Ларина и С. Сизых—„Материалы к изучению народно-медицинских растений Иркутской губернии“, напечатанная в 1917 году ⁶⁴.

Изучение туземцев Сибири идет почти непрерывно до той же хронологической грани. Как и в первой половине этого периода, доминирует интерес к бурятской этнографии.

Заканчивая прошлое столетие, буряты-этнографы выступают с работами по хозяйственному быту (М. Н. Хангалов—„Молочное хозяйство у бурят“) ⁶⁵, по семейно-общественным отношениям (И. М. Этагоров—„Свадебный обряд у аларских бурят“) ⁶⁶. В 1903 году напечатан „Балаганский Сборник“ М. Н. Хангалова (под ред. Г. Н. Потанина), почти трехсот-страничный том, представляющий богатую коллекцию произведений бурятского художественного творчества в слове: сказки, поверья и пр. Затем надо указать небольшие заметки о бурятах и монголах А. М. Станиславского ⁶⁷, А. Д. Руднева, ⁶⁸ И. А. Можаяева ⁶⁹ и некот. др.

В 1910 г. снова появляются значительные труды по бурятской этнографии и языку: об онгонах у аларских бурят статья Н. Затопляева ⁷⁰, „Несколько заметок по фонетике бурятского языка“ и „Материалы для грамматики разговорного бурятского языка“—И. А. Подгорбунского ⁷¹, авторитетного монголо-и бурятоведа. Им же несколько позднее, в 1915 г., напечатаны „Сказания и песни бурят“ на бурятском языке с параллельным русским текстом ⁷². В 1916 г. Д. Э. Ринчино, прикомандированный к монгольской статистической экспедиции барона Витте, имел от Отдела поручение—

произвести сборы этнографических материалов; кроме записей, доставлены коллекции и фотографические снимки, „воспроизводящие природу Монголии и быт ее населения“. В следующем году М. Н. Хангалов для изучения бурятского шаманства совершил поездку в Верхоленский уезд и в Забайкальскую область.

К этому времени заканчиваются изучения нижеудинских бурят И. А. Евсенина, собравшего среди этой оторванной и никем до него не изученной группы весьма обильные материалы (записи, коллекции, фотографии), освещающие все стороны жизни, верований и обычаев. Тем же исследователем с 1913 г. и почти до наступления исторических событий велась работа по изучению карагассов (быт, верования, язык), к которым Евсенин совершил несколько поездок, жил с ними по несколько месяцев подряд⁷³. Что касается других сибирских туземцев, то о них в это время появилось только несколько заметок—И. Корнилова, М. П. Овчинникова и других собирателей. Наступил 1917 год и научная деятельность на некоторое время прекратилась.

Так заканчивается третий период в наших изучениях,—период, особенно плодотворный в его первой половине. Смысл и значение его в том, что теперь исследованы провинции и народности, о которых имелись весьма недостаточные сведения, в том, что теперь обращено внимание на все стороны, на все проявления народной жизни и культуры; явления духовной жизни теперь не только не оставлены в стороне,—преимущественно они и служат предметом заботливого и пристального наблюдения. Этот период характеризуется как время привлечения, собирания и использования сил: число деятелей в области этнографии, главным образом—фольклора, никогда прежде не было таким значительным и, что особенно примечательно, именно в это время появляются *местные* исследователи, работа которых достигает высшей меры „стационарности“. Немудрено, что в этот период собраны, как никогда раньше, богатые материалы, обеспечивающие возможность научного исследования многих вопросов и проблем этнографии.

Но эти исследования—еще только в первых стадиях. Идет, главным образом, собирание, накопление материалов; исследования их—явления еще редкие, как исключение. Еще нет подготовительных работ: материал не взят на учет, не приведен в известность, не выяснены пробелы, не сделано оценок источников краевой этнографии, не намечены пути дальнейших изучений.

Заслуживает внимания интересный факт, особенно характерный для обозреваемого сейчас периода: русские этнографы и бытописатели занимаются преимущественно наблюдением и изучением туземного населения; русско-сибирская ветвь славянства пользуется вниманием сравнительно немногих наблюдателей. Возможно, что некоторую реакцию вызвали суждения о русском сибиряке Шапова и Ровинского; в равной мере возможно, что имел значение взгляд на туземцев, как на более обездоленную и угнетенную часть населения страны в сравнении с русскими старожилами; несомненно, были и другие причины—может быть, более значительные.

Чем бы ни объяснялось такое явление, приходится констатировать, что в рассматриваемом периоде изучение русской народности в Сибири было далеко не на первом плане. Совсем недавно, двенадцать лет назад, И. И. Майнов не без оснований сетовал: „Специалиста, занимающегося этнографическим изучением русского населения Иркутского края, насколько мне известно, до сих пор не явилось“⁷⁴. Те наблюдения над русским населением, о которых говорилось при обзоре работ третьего периода, не были освещены и направлены какой-либо руководящей общей мыслью и потому совершались без плана, неравномерно для разных тем и вопросов, местностей и групп населения; та работа, которая велась, не могла быть до конца плодотворной, так как выполнение ее не было подчинено принципу разделения труда.

Нежелательным последствием всего этого оказались пробелы в наблюдениях, в накопленных материалах: в описываемом периоде почти не велось языковых наблюдений (некоторое исключение составляют Арефьев, Станиловский), не появилось ни одного сборника сказок (издание двух сборников, которыми счастливо начал Красноярский Подотдел этнографическую работу, в счет, конечно, не может идти) или других видов устного творчества, почти полностью упущено из виду изучение сектантства и раскола, едва начаты (М. В. Загоскиным) исследования крестьянской общины, почти отсутствуют работы по русскому обычному праву сибиряков, об артелях и пр.

Таково, в немногих словах, наследство—с его весьма большими достижениями и существенными недочетами,—которое досталось от деятелей третьего периода продолжателям. Характером этого наследства определяются цели, задачи, план, а отчасти и приемы изучения работников *четвертого периода*.

Теперь не настало время для оценок: мы еще живем и действуем в этом периоде и, хотелось бы думать, присут-

ствуем только при начале работ. Хотя бы и скромное участие в этих работах ставит обозревателя в положение заинтересованной стороны; поэтому правильное будет воздержаться от оценки деятельности, ограничившись ролью повествователя.

IV.

После 1917 года наступает почти пятилетний перерыв в этнографических изучениях Отдела, обусловленный историческими событиями. Революция и последовавшие события переместили людей из края в край; силы отвлеклись, возможностей для спокойного научного труда не оказалось. Конечно, отдельными членами их работы продолжают, но связь с Отделом, как руководящим органом, уже порвана, и только летом 1921 года возобновляется. Прежних деятелей в рядах восточно-сибирских этнографов почти уж нет. Пришли новые люди—то заброшенные событиями, то привлеченные возникшим в Иркутске университетом.

Работы 1921—22 года в области этнографии велись В. И. Подгорбунским в районе Аларского аймака, О. А. Зеленикиной и Т. А. Земляницким в Балаганском уезде—тоже среди бурятского населения, П. П. Хороших—у бурят на острове Ольхоне; Е. И. Титов продолжал свои работы по исследованию тунгусов; А. М. Попова вела наблюдения над бытом русского населения в с. Распутинском на Ангаре (в Балаганском уезде); среди русского населения по р. Оке, в пределах Тулунского уезда, вел наблюдения Г. С. Виноградов; там же И. С. Хромовских вел наблюдения над народной песней, делая записи мелодий.

Развитие деятельности, выразившейся, главным образом, в накоплении и обсуждении материалов по этнографии, повело (как это было и при Потанине, Клеменце) к организации специальной секции Отдела—этнологической, существующей с 1 мая 1922 года. В первый год ее существования руководство работами принадлежало Б. Э. Петри, которому удалось привлечь молодые силы в лице уже поименованных П. П. Хороших, А. М. Поповой, О. А. Зеленикиной, Е. И. Титова,—с тех пор постоянных деятелей в области этнографических изучений.

В 1922—23 году Отделу удалось выпустить четыре номера „Этнографического Бюллетеня“ (первые три под редакцией А. Н. Турунова, № 4—Д. А. Болдырева-Казарина). При помощи этого издания этнографы вновь вступили в связь с научными организациями по ту сторону Урала и за пределами России.

Словно припоминая плодотворную деятельность всех предшествующих периодов и связывая разорванную было цепь изучений, и теперь в меру материальных и иных возможностей ставятся вопросы старые, но до сих пор мало изученные: о взаимоотношении русского и монгольского населения (Э. Б., № 2, статья А. Н. Турунова), об изучении духовной культуры туземных племен Сибири (статья Е. И. Титова), об областном типе в этнографии (№ 3, статья П. К. Казаринова) и пр. Намечается и новое в изучениях: обращено внимание на влияния современности, т. е. совершившихся и совершающихся исторических событий на различные стороны культуры народных масс (там же, статьи П. Я. Черных, А. Бурдукова) и др. Так восстановилась и закрепились связь между прежними изучениями и изучениями периода начинающегося.

В 1923 году появляется в свет первый выпуск „Сибирской Живой Старины“ (под ред. М. К. Азадовского, Г. С. Виноградова, М. В. Муратова). Этот выпуск осторожно назван „этнографическим сборником“. „Тяжелые материальные затруднения, которые приходится преодолевать при издании сборника, не позволяют сказать с уверенностью, удастся ли превратить его в постоянный этнографический журнал“. Неуверенность, однако, не помешала тогда же определенно поставить задачи издания. „Следуя традициям *Живой Старины*, редакция отводит первое место работам по изучению современного населения, хотя считает желательным помещение и исследований, посвященных прошлому народов России, и статей по общим вопросам этнографии. Редакция считает очень желательным привлечение к участию в сборниках исследователей, живущих в разных пунктах Сибири, и надеется, что со временем удастся этого достигнуть“. В сборник вошло четыре статьи по русской этнографии: Азадовский — „Легенда о Шапове“, Виноградов — „Этнография и современность“, Муратов — „Духоборцы Иркутской губернии“, Попова — „Детские игры и забавы в сибирской деревне“; одна статья по этнографии тунгусов — Титова, и одна по бурятской истории культуры — Козьмина; сверх того, одна статья по археологии — Сосновского, „Указатель историко-этнографической литературы о бурятской народности“ — Хороших и библиографические заметки. Издание было встречено зауральскими краеведами весьма сочувственно.

В этом же году Отделу удалось выпустить две программы по важным вопросам этнографических изучений: В. И. Подгорбунского — „Опыт программы для изучения охоты у тунгусов и якутов“ и Г. С. Виноградова — „К изучению народной медицины у русского населения Сибири. Инструк-

ция и программа". Издана, кроме того, брошюра Б. Э. Петри — „Задачи этнологической секции ВСОРГО“.

В 1924 году руководителем работ этнологической секции избран М. К. Азадовский.

Этот год в деятельности секции ознаменован напечатанием второй книги „Сибирской Живой Старины“ (под ред. М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова). Выпуская в свет, редакция сопровождала книгу таким замечанием: „На первой Всероссийской Конференции Краеведческих Организаций этнографические изучения были признаны стоящими в ряду важнейших краеведческих задач. Конференция настойчиво рекомендовала деятелям краеведения в порядке срочной, первоочередной работы собирать материалы по местной этнографии в виду их исключительного значения, как для науки (истории, этнографии, истории искусств), так и для народного хозяйства. Этому призыву Конференции и стремится ответить наш сборник. Тем более, что поставленные Конференцией вопросы приобретают особую остроту в сибирских условиях. Несмотря на давний период этнографических изучений в Сибири, до сих пор остается неосвещенным целый ряд существенных и важных проблем местной этнографии. В особенности это относится к изучению русской народности в Сибири. Посильное восполнение этих пробелов в связи с изучением современного быта населения Сибири и является главнейшими заданиями нашего сборника“.

Книга сложилась из таких этнографических статей (археологических не называю): Д. А. Болдырев-Казарин — Народное искусство в Сибири; М. В. Красноженова — Взятие снежного городка в Енисейской губернии, Е. И. Титов — Конские бега в Восточном Забайкалье; Г. С. Виноградов — Детский народный календарь; П. Я. Черных — Несколько сибирских диалектизмов в „Коньке-Горбунке“ Ершова; Б. Э. Петри — Элементы родовой связи у северных бурят; П. П. Хороших — М. П. Овчинников, как краевед; П. К. Казаринов — Сибирское краеведение; М. К. Азадовский — Литература по этнографии Сибири за последнее десятилетие XIX века. В приложении даны „Сказки Верхнеленского края“ М. К. Азадовского, — образцово составленный сборник, ценность которого увеличивается большой вводной статьей-исследованием.

И этот выпуск „Сибирской Живой Старины“ в среде специалистов-этнографов, как и среди краеведов, встретил весьма лестные отзывы. В „Известиях“ Отдела за этот год напечатана статья В. И. Подгорбунского — „Две карты тунгуса с реки Май“, заслуживающая большого внимания интересующихся изучением культуры туземцев.

В течение летнего периода 1924 года членами Секции совершено несколько поездок—в окрестности Иркутска М. К. Азадовского для изучения изменений быта, Е. Я. Самойлович с целью собирания материалов по русскому фольклору; одна поездка, И. И. Веселова, была совершена в Забайкалье—в устье Селенги для собирания местных исторических преданий; В. А. Малаховский в Посольском районе вел наблюдения над русскими говорами и попутно записывал произведения устно-народного творчества. Г. А. Леонов осуществил поездку в долину р. Кондомы (в Кузнецком районе) с целью сбора материалов по народному искусству. Для продолжения работы о судьбах славянского племени в Сибири Г. С. Виноградов был командирован в Енисейскую и Ахматинскую губернии.

В этом же году положено начало непериодическому изданию Секции—*Библиотека Собирателя*. По мысли инициаторов, это издание должно дать ряд руководств для собирания материалов по всем существенным вопросам этнографических изучений. Прежние схематические программы-вопросники не оправдали возлагавшихся на них надежд. Особенно же они оказались малополезными теперь, когда перед секцией стояла задача придать этнографическим изучениям определенную систему, план. В соответствии с такими задачами, программы должны, наряду с вопросниками, заключать в себе теоретические указания, практические советы.

Осуществляя эту мысль, Секция в 1924 году успела выпустить два руководства из намеченной серии о собирании 1) памятников устно-народного творчества и 2) материалов для словаря русско-сибирского просторечия.

Последовавший из разных мест Сибири приток материалов со ссылками на программы, как на использованные руководства, послужил лучшим поощрением к продолжению издания. И в 1925 году Секция выпустила еще два руководства—об изучении русских говоров в Сибири и программу наблюдений над детским бытом и фольклором.

Вне этой серии напечатаны программы собирания материалов по детскому рисунку туземцев Сибири и по изучению народного ораторского искусства.

На I Восточно-Сибирском Краеведческом Съезде в Иркутске деятелями Секции были определены задачи ближайших этнографических исследований и наблюдений. Было указано, что, „сообразуясь с уровнем наших знаний о русской народности в Сибири, при изучениях должно преследовать задачу—вникнуть не в общие черты жизни и быта сибиряков, а в отличительные особенности их по отдельным райо-

нам". В числе районов, привлекающих к себе внимание этнографов и фольклористов, были названы: Баргузинский, Чунский и Тункинский край ⁷⁵.

В отношении чисто-фольклорных изучений, между прочим, замечено, что „особенное внимание должно быть обращено на изучение современного устно-народного творчества в связи с изучением отражений в фольклоре событий последних и недавних лет“ ⁷⁶.

„Полевое краеведение,—наметилось тогда же,—должно включить в число важных очередных задач внимательное собирание материалов по детскому фольклору“ ⁷⁷.

Как на главную задачу сибирской диалектологии, было указано на „всестороннее научное описание русско-сибирской речи (старожилого населения) в отдельных ее представителях—русско-сибирских говорах“ ⁷⁸.

Постановления Съезда укрепили руководителей этнографическими изучениями в правильности взятого направления и закрепили намеченный план и программу для дальнейших работ. Осуществление приведенных положений началось в том же году. Это сказалось частью на содержании III—IV выпуска *Сибирской Живой Старины*, а главным образом на летних работах. Сборник, кроме статьи по исторической этнографии („К вопросу о времени расселения бурят около Байкала“ Н. Н. Козьмина), очерков из истории этнографии („Николай Бестужев-этнограф“ М. К. Азадовского, „Исследователи Якутии. В. М. Ионов“ П. П. Хороших), статей по этнографии бурят, якутов и гольдов (В. И. Подгорбунского и П. П. Баторова, Э. К. Пекарского, Н. А. Липской-Вальронд), библиографических работ (М. А. Слободского, Е. Я. Самойлович) и др., содержит небольшие очерки (В. А. Малаховского и Н. М. Хандзинского, отвечающие второму положению—об изучении отражений в фольклоре событий последних лет. Ответом на третье положение служит работа о детской сатирической лирике (Г. С. Виноградова).

С еще большей полнотой были осуществлены выдвинутые на Съезде положения совершенными в этом году поездками. В Тункинский край состоялась поездка М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова. Выполняя поручение Секции и продолжая изучение русско-сибирской сказки, М. К. Азадовский произвел здесь разведку о сохранности и бытовании сказки, собрал материал большой ценности. Г. С. Виноградов, продолжая работу о судьбах славянского племени в Сибири, собрал материал о постройках, пище, одежде, хозяйственному быту, крестьянскому искусству и говору населения.

Результаты этой поездки привели к мысли о необходимости дальнейших изучений посещенного края.

В. А. Малаховский в этом году совершил диалектологическую поездку в Баргузинский район. Собираением материалов по словарю сибирского просторечия занимались попутно С. Ф. Гушина при работе по детскому фольклору в Забайкалье и А. М. Моловцева, собирая материал по народной песне (тексты и мелодии) в Тулунском уезде. Ценные качественно и значительно количественно материалы добыты Е. Я. Самойлович в Иркутском уезде (окрестности Иркутска) и особенно Н. М. Хандзинским—в Тулунском уезде (с. Кимильтей).

Продолжение этих работ идет и в следующем, 1926 году. В Тункинский край была снаряжена этнографическая экспедиция. Участник ее П. П. Хороших занимался наблюдениями среди бурятского и ясачного населения; Н. И. Удимова имела задачей изучение одежды русского и ясачного населения, С. Ф. Гушина—изучение народной кулинарии. Попутно ими собраны материалы, освещающие хозяйственный быт населения края, и сделаны зарисовки предметов домашнего обихода. Командированная в Чунский край А. М. Моловцева, располагавшая ничтожными материальными средствами, вела работу непродолжительное время; все же ей удалось собрать значительный и интересный фольклорный материал и сделать наблюдения над бытом чунарей. О. М. Блюменфельд занималась наблюдениями над бытом семейских на Амуре; ею собраны материалы по русскому фольклору, в частности—сказки. М. В. Бородкина была прикомандирована к экспедиции, снаряженной Экономической Секцией для изучения рыбных промыслов на Байкале; ею собраны материалы по рыбацкому быту. Г. В. Тропин занимался языковыми наблюдениями среди русского населения Иркутского уезда.

Пятый и шестой выпуски „Сибирской Живой Старины“, вышедшие в этом году, отводя место работам по этнографии туземцев (статьи: о бурятских бирках П. П. Хороших, об юрацких игрушках Е. Н. Орловой, о детских рисунках П. Ф. Требуховского, о пище тунгусов Н. П. Попова), главное внимание уделяют изучениям по этнографии русской; из статей, помещенных в сборниках, можно указать: „Рыбацкий быт в Прибайкалье“ М. В. Бородкиной, „Одежда русских тункинцев“ Н. И. Удимовой, „Народная педагогика“, „Детские тайные языки“ Г. С. Виноградова, „О составлении лингвистического атласа Сибири“ П. Я. Черных и др.

Преобладание тем и вопросов, относящихся к этнографии русского населения, объясняется тем, что изучение ту-

земных племен выделено и ведется в самостоятельных секциях—Бурят-монгольской, существующей уже два года (с февраля 1924 г.), и Якутской. За время существования Бурят-монгольской секции членами ее выполнено несколько этнографических поездок, из которых заслуживают внимания поездки П. П. Баторова в Кудинские степи и в Аларский аймак, П. П. Хороших туда же, Е. Н. Данилова, который работал в Боханском аймаке по общим вопросам бурятской этнографии; у бильчирских бурят занимался собиранием фольклорного материала А. Балдунников, по обычному праву бурят Аларского аймака вел работу И. М. Мункуев; заслуживает особого упоминания работа художника Р. С. Мырдыеева, собравшего материал по художественному творчеству бурятских детей и сделавшего много зарисовок предметов домашнего обихода бурятского населения.

Печатным органом Секции служит „Бурятоведческий Сборник“. В 1926 году вышло два выпуска; небольшие по объему, они только в некоторой части отражают этнографические изучения населения Бурятии. Значительную часть материалов печатают издания, выходящие в Верхнеудинске („Жизнь Бурятии“ и др.). В Сборниках помещен материал по народной медицине бурят, по ораторскому искусству, по бурятскому фольклору (П. П. Баторов, П. П. Хороших и др.), статьи по вопросу о вымирании бурят (К. Н. Миротворцев, А. Матвеев), о культурных взаимоотношениях бурят и русских (А. Н. Боржонова), о библиографии бурят и их края (П. К. Казаринов), библиографические указатели (П. П. Хороших) и программы изучений.

Приведенные перечисления работ характеризуемого периода далеко не отражают деятельности Отдела и отдельных его членов. По недостатку денежных средств только весьма незначительная часть накопляемого материала опубликовывается и входит в научный оборот. Об объеме собирательской работы более точно можно судить по отчетам и докладам, зачитываемым в Секции (о них здесь по недостатку места не говорится), а не по изданиям Отдела. Точно также и этнографические исследования членов Отдела или остаются не напечатанными или печатаются в изданиях других научных обществ и учреждений. Здесь для примера можно назвать работы большой ценности „Эпическая традиция в Сибири“ и особенно „Ленские причитания“ (изд. в 1922 г. в Чите) М. К. Азадовского, возглавляющего изучения по русско-сибирскому фольклору; К. Н. Миротворцева, работа которого о карагассах и особенно очерк „Иркутские ясачные“ могли бы украсить издания Отдела; лучший из тру-

дов Б. Э. Петри—„Семья и род у северных бурят“ лишь частью напечатан в изданиях Отдела; только что вышедший в свет „Тунгусско-русский словарь“ Е. И. Титова (изд. Читинским Государственным Музеем), появление которого составляет весьма приметное событие в этнографической литературе, был создан не без поддержки Отдела, выношен в научной атмосфере Отдела.

Сообщенный материал обнаруживает характерные особенности четвертого, еще только развернувшегося, периода в этнографических работах Отдела.

В значительной части деятельность этого периода выражается в продолжении и углублении разработки прежде поставленных проблем и вопросов; но есть существенные черты, отличающие переживаемый период от предыдущих.

В новом периоде обращено большое внимание на подведение итогов всего сделанного в области этнографии от начала изучений до наших дней. В этом направлении ведутся главным образом подготовительные работы: составляются библиографии по всем вопросам этнографических изучений (М. К. Азадовский, М. А. Слободский, В. А. Петрова) и по отдельным народностям или частным вопросам (П. П. Хороших); составлен и напечатан малый словарь восточно-сибирских этнографов (работа М. К. Азадовского, Г. С. Виноградова и П. П. Хороших), напечатано несколько больших и малых работ био-библиографического характера (о Кострове—О. А. Зеленикиной, о Хангалове—А. Н. Турунова и П. П. Хороших, о Банзарове, Ионове, Овчинникове—П. П. Хороших); итоги диалектологического изучения Сибири подведены П. Я. Черных.

Подведение итогов не могло не отразиться на новых изучениях. Обнаружившиеся недочеты и пробелы в накопленных материалах установили необходимость урегулировать собирательскую работу, сбор материалов вести в согласии с научными требованиями. Так было подсказано составление программ-руководств по отдельным темам и вопросам этнографических изучений; так были продиктованы новые темы для разработки, точнее определены пути изучений; так была указана неотложность создания Диалектологической Подсекции и мн. др.

Многие недочеты прежних изучений проистекали от недостатка подготовленных для этнографической работы лиц; теперь, в связи с открытием Иркутского университета и некоторыми другими причинами, представилась возможность в

этнографическую работу внести более строгий принцип разделения труда. В результате обособились изучения русского населения, населения бурятского, якутской народности. После образования секций Бурят-монгольской и Якутской должно считать стоящей на очереди организацию секций тунгусско-маньчжурской и палеазиатской.

Необходимость их создания едва ли нуждается в доказательствах. Углубленная разработка тем, подлежащих ведению этих двух секций, выводила бы исследовательскую работу, до сих пор по необходимости замкнутую в пределах условно ограниченной территории, за грани областных рамок, увязывая ее с проблемами этнографии народов тихоокеанского круга. Очередные задачи тунгусоведения (неразрешенные вопросы истории тунгусов, миграции, связь культуры этой народности с культурой народов Средней Азии, в первую голову—с Китаем, участие маньчжуро-тунгусов в создании китайской культуры и мн. др.), осуществляясь, открывали бы перед нами просторные горизонты новых изучений: судьба культуры китайской народности, связанной с нами географически и политически, несомненно, настойчиво нудит современного сибирского народоведа к признанию полной необходимости изучения языка, творчества, нравов и быта Срединного Царства. Наши дальневосточные соседи—японцы, убежденные в своем историческом, антропологическом и языковом родстве с тунгусами, подсказывают сибирскому народоведу завлекательно-интересную и необходимую работу по проверке основ их утверждений.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Составление настоящего обзора потребовало много времени и труда на пересмотр многочисленных отчетов, большого количества работ и пр. Этот труд со мною разделяла О. М. Блюменфельд. Ею же почти полностью написана последняя глава статьи. Не оставил меня своими указаниями Е. И. Титов.

Обозреть в небольшой статье всю деятельность Отдела в области этнографии за три четверти столетия—задача не легкая, и не только по причине обилия накопленного материала, но и потому, что среди деятелей находим величины разной величины, разного понимания задач, работающих в разных направлениях. Многие из них заслуживают самостоятельной монографии. Поэтому настоящая статья является не столько обзором, сколько краткой и не полной летописью, перечислением по возможности *всех больших и многих малых трудов и предприятий* в области познания сибирских народов.

1 О научной и краеведческой деятельности декабристов в Сибири см.: М. К. Азатовский—„Н. Бестужев—этнограф“, Иркутск, 1925, и „Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири“, Иркутск, 1925.

2 *Записки Сибирского Отдела Русск. Геогр. Общ.*, кн. II, 1856.

3 *Вестник* Р. Г. О. 1860, ч. 28.

4 *Записки Сибирского Отдела*, кн. IX—X, 1867.

5 Там же, кн. III и IV, 1857.

6 Там же, кн. I, 1856.

7 Там же, кн. II, 1856; кн. IV, 1857; кн. V, 1858; кн. VI, 1863; кн. VIII, 1865.

8 Там же, кн. VI, 1863.

9 Там же, кн. VIII, 1865; *Отчет* за 1863 г.

10 *Записки*, кн. VI, 1863, кн. VII, 1864.

11 *Записки по общей географии* Р. Г. О., т. III. Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции... СПб. 1873. Во II части разбросаны этнографические материалы (тунгусские названия промысловых животных и мн. др.); ими пользуется Кр опоткин и позднее, напр., в труде „Взаимопомощь, как фактор эволюции“ (буряты, тунгусы).

12 Рукопись этого труда погибла во время пожара 1879 г.; сохранился только подробный отчет. *Известия* Р. Г. О. 1868, т. II.

13 Там же, 1874 и 1875; *Отчет* Р. Г. О. за 1874 г.

14 *Известия* Сиб. Отд., т. VIII, 1877.

15 Там же, т. IX, 1878.

16 Там же, т. I, № 2—3, 1870.

17 Там же, т. V, № 3—4, 1874.

18 Там же, т. III, № 3, 1872; стр. 120.

19 Там же, стр. 133.

20 Там же, т. IV, № 1, 1873. Точное заглавие: „Об особенностях сибирского наречия и словарь“. Этот словарь заслужил немало похвал; ссылки на него постоянны. В одном отчете, напр. (*Известия* Вост.-Сиб. Отд. т. XXVII, № 1, 1906, стр. 52) читаем: „Из собранных им (Ровинским) материалов несомненный интерес представляет словарь, заключающий 1119 слов наречия Восточной Сибири“. Далее указывается поименованная статья. Но в ней, как и в других статьях, *такого словаря нет*.

21 П. Я. Черных—„Итоги и задачи диалектологического изучения Сибири“. Библиотека собирателя (изд. Этнол. Секции ВСОРГО). № 3, 1925.

22 *Известия* Сиб. Отд., т. III, №№ 3, 4, 5; т. V, № 3—4; т. VI, №№ 3, 5—6; т. VII, № 2—3.

23 „Отзывы и ответы“ В. Ключевского. М. 1914; стр. 141.

24 *Известия* В.-Сиб. Отд., т. XIII, № 3; т. XIV, № 1—2; т. XV, № 5—6.

25 Там же, т. XV, № 3—4; *Зап. по этн.* Вост.-Сиб. Отд., т. II, в 2.

26 *Известия*, т. XIV, № 1—2.

- 27 Там же, т. XVII, № 1—2; т. XVIII.
- 28 Там же, т. XVII, № 1—2.
- 29 Там же, т. XVI, №№ 1, 2—3.
- 30 Там же, т. XIX, № 3.
- 31 Там же, т. XXI, № 2.
- 32 Там же, т. XVIII.
- 33 Там же, т. XIX, № 3.
- 34 Лучшие работы этого исследователя относятся к буддизму.
- 35 Известия В.-Сиб. Отд., т. XLV, 1916; стр. 159—160.
- 36 Зап. по этн. 1896, т. III, в. I.
- 37 Известия, 1897, т. XXVII, № 4.
- 38 Там же, № 2.
- 39 Там же, XXIX, № 1.
- 40 Там же, т. XXX, № 1.
- 41 Там же, т. XXVI, №№ 4 и 5.
- 42 Там же, т. XXV, № 4—5.
- 43 Там же, № 1.
- 44 Там же, т. XXVI, №№ 4 и 5.
- 45 Там же, т. XXV, № 2—3; XXVI, №№ 1, 2, 3; и др.
- 46 Там же, т. XXV, №№ 1, 4 и 5.
- 47 Там же, № 1.
- 48 Там же, т. XXVI №№ 4 и 5.
- 49 Там же, XXIX, № 2.
- 50 Там же, № 1.
- 51 Там же, т. XXXII. № 1—2.
- 52 Там же т. XXXI, № 1.
- 53 Там же, т. XXXIV, № 2.
- 54 Из всех накоплений Протасова до сих пор опубликовано только 22 мелодии и то—в переложении. См.: „20 народных песен Сибири для одного голоса из собранных в 1900 г. в Иркутской губернии и Забайкальской области Н. П. Протасовым. Переложил Алексей Петров.“ Изд. Песенной Комиссии Р. Г. О., 1902. Той же Комиссией было издано еще две песни.
- 55 Часть мелодий, записанных у Забайкальских старообрядцев, печатается в выпуске VI *Сибирской Живой Старины*.
- 56 Статьи его о бурятской музыке печатались в газ. „Сибирь“ и в „Русск. Муз. Газ.“
- 57 Труды Вост.-Сиб. Отд., т. VII, 1912.
- 58 Известия, т. т. XXXVI и XXXVIII.
- 59 Там же, т. XXXIX.
- 60 Там же.
- 61 Там же, т. XLV.
- 62 Там же, т. XLII.
- 63 Там же, т. XLIII.
- 64 Там же, т. XLV.
- 65 Там же, т. XXXI, № 1—2.
- 66 Там же, т. XXX, № 1—2.
- 67 Там же, т. XXXIV.
- 68 Там же, т. XXXV, № 3.
- 69 Там же, т. XXXVI.
- 70 Там же, т. XII.
- 71 Там же.
- 72 Там же, т. XLIV.
- 73 Обильные материалы напечатаны в газетах, частью журналах: „Земский Журнал“, „Сибирские Огни“ и др.
- 74 Живая Старина, 1914, в. I—II, стр. 46.
- 75 Бюллетень Вост.-Сиб. Отд. Р. Г. О. № 6, 1925; стр. 66.
- 76 Там же, стр. 67.
- 77 Там же, стр. 69.
- 78 Там же, стр. 71.

Этнографические экспедиции и поездки, организованные Вост.-Сибирским Отделом Русского Географического Общества.

Указатель литературы.

1851—1926.

Этот указатель должен, по мысли составителя, восполнить краткие указания, заключающиеся в статье Г. С. Виноградова—„Этнографические изучения Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества“.

Автором указателя приняты во внимание издания Отдела, вышедшие за все время его существования.

Здесь не перечисляются такие крупные работы, хотя бы и носящие отчетный характер, как сочинения Маака, большие статьи Ровинского, Труды Сибиряковской экспедиции, так как в названном обзоре этнографических изучений им уделено специальное внимание.

Распределение материала хронологическое.

В виду краткости этой работы она не снабжена ни алфавитным указателем авторов, ни указателем географическим.

Принятые сокращения:

Зап.—Записки.

Отч.—Отчет.

Изв.—Известия.

- 1856.** 1. **Башкевич, Н.** Описание р. Иркутка от Тунки до впадения в Ангару. Зап., кн. I; стр. 1—50.
2. Вилюйская экспедиция. Отч. за 1855, стр. 36—40.
3. **Сельский, И.** Описание дороги от Якутии до Средне-Колымска. Зап., кн. I; стр. 87—108 [быт насел.; кр. якутск. словарь].
4. **Пермикин.** Путевой журнал плавания по р. Амуру от Усть-Стрелочного караула до впадения ее в Татарский пролив. Зап., кн. II, стр. 3—78 [сведения о маньчжурах, гольдах, гяляках].
- 1857.** 5. **Свербеев, Н.** Описание плавания по р. Амуру экспедиции ген.-губ. Восточной Сибири в 1854 г. Зап., кн. III, 1857, Отд. I, стр. 1—78 [свед. о тунгусах, китайцах, маньчжурах, гяляках].
6. Путевые записки священника-миссионера А. Аргентова в приполярной местности. Зап., кн. IV, 1857 г., стр. 3—61. [Маршрут: Нижнеколымск, Алюйская крепость, ост-в Ай; сведения о чукчах (жилище, торговля с русскими)].
7. **Раевский и Шенурин.** О новом пути из Николаевского поста, что на р. Амуре, в Удский острог, по северо-восточному берегу, близ Охотского моря [маршрутные описания с картой оленного пути кап.-лейт. Чихачева; сведения о тунгусах]. Зап., кн. III; 1857 г. Отд. III, стр. 1—14.
8. **Гаупт, В.** Заметка на пути из Кяхты в Ургу. Зап., кн. V, 1858 г., стр. 1—101 [сведения о монголах—их быт и обычаи].
- 1863.** 9. Об экспедиции к оз. Косоголу. Отч. СОРГО за 1863, стр. 5—7. [Сведения Пермикина об урянхах, дархатах].
10. **Павловский, А.** Поездка из Якутска на Учурскую ярмарку. Зап., кн. VI, стр. 1—24. [Сведения о тунгусах (одежда)].
- 1864.** 11. Письма Брыкина с Сахалина. Зап., кн. VII, стр. 1—55. [Сведения об айнах; внешность, одежда, жилище, промыслы, верования].
12. **Ушakov, В.** Из путевых записок по Вост. Сибири. Зап., кн. VII, стр. 206—244.
13. **Малевич.** Поездка в Цицикар в 1863 г. Зап., кн. VII; стр. 32—47 [свед. о жителях попутных деревень].
14. Обзор действий Сиб. Отд. в первое десятилетие его существования. Зап., кн. VII, стр. 1—30 [экспед.: Вилюйская, Амурская; поездки].
- 1865.** 15. **Кропоткин П.** Две поездки в Маньчжурию в 1864 г. Зап., кн. VIII, стр. 1—121 [солоны, дауры, орочены, китайцы].
- 1866.** 16. Экспедиция для исследования Туруханского края. Отч. за 1866 г. стр. 2—8. [Маршруты экспедиции, о материалах этой экспед.].

17. Поездка в Окинский караул князя Кропоткина. Отч. за 1866 г., стр. 23—35 [маршруты, кратко о материале поездки].
- 1867.** 18. **Кропоткин П.** Поездка в Окинский караул. Зап., кн. IX—X. Отд. I, стр. 1—94. [Маршруты: от Иркутска до Тунки, Нилова пустынь, от Туранского караула до Нуху-Дабана, Алиберовский прииск и Окинский караул. Промыслы; жилище, одежда, быт бурят; сведения о сойтах].
19. **Сельский И.** Путь до Култука по направлению в Тункинский край. Зап., кн IX—X, 1867 г. Отд. II, стр. 527—555 [сведен. о русских в Тункинской долине, о беглых каторжниках (отношение к ним бурят)].
20. **Лопатин И.** Краткий отчет о действиях Витимской экспедиции в 1865 г. Зап., кн. IX—X. Отд. II, стр. 508—526. [Маршрут: от Баргузина до вершины Витима, по р. Аргунь; сведения о тунгусах: пища, одежда, промыслы].
- 1868.** 21. Изыскания штабс-капит. Пржевальского в За-Уссурийском крае. Отч. за 1868 г., стр. 12 17. [О материале (по китайцам, корейцам и др. туземцам); маршрут].
22. Исследование горн. инж. И. А. Лопатина на о-ве Сахалине. Отч. за 1868 г., стр. 10—12. [О материале (по айнам), в прилож. к отч. "Извлечение из письма И. А. Лопатина"—материал поездки, сведения об аймах].
23. Чукотская экспедиция. Отч. за 1868 г., стр. 2—10 [маршруты, о материалах экспедиции].
24. **Поляков И. С.** Отч. о поездке в Вост. Саян. Приложение к отч. за 1868 г. стр. 109—197. [Маршрут: Култук, долина р. Иркуты, Тунка, Ургудейский караул, караул Ключевский, Шара-Азаргинский, Модонкульский, Сакирский, с. Армакское, улус Снежинский. Сведения о бурятах, русских, тунгусах (словарный материал), монголах, взаимовлияния, хозяйство, обычаи, верования].
25. Занятия Н. М. Пржевальского в Амурской крае. Отч., стр. 7—10.
- 1870.** 26. Сообщение действ. члена А. П. Орлова о бывших в 1869 г. чрезвычайных наводнениях в Забайкальском обл. Изв. т. I, № 1 [Маршрут: Лиственничное, Посольск, Кабанск, через дер. Жилину в с. Кудару, по рч. Енхолок опять к Байкалу, Кабанск и Верхнеудинск (бурятск. легенды)].
27. Этнографическая экспедиция в Амурской и Южно-Уссурийский край, под начальством арх. Паладия. Изв., т. I, № 1, стр. 4—5 (Журн. общ. собрания).
28. **Добровольский.** Южная часть о-ва Сахалина. Изв., т. I, № 2—3 [сведения об аймах (быт, хозяйство, обычаи) и японцах].
29. Сведения о Чукотской экспедиции. Изв., т. I, № 1, стр. 30—31.
30. **[Апакидзе].** Поездка к границам Монголии. Изв., т. I, № 2, стр. 53—55 [сведения о монголах].
- 1871.** 31. Сообщение Ровинского о поездке его на Тунку и на Оку до Окин-ского караула. Изв., т. II, № 4—5, стр. 31—52.
32. О поездке Ровинского по Вост. Сибири. Изв., т. II, № 1, стр. 3—4 (Журн. общего собрания).
33. **Бр. Бутины.** Описание пути с границы Нерчинского округа в Тянь-дзин. Изв., т. II, № 1—2, стр. 9—30. [Маршрут: Кулуеутаевский караул, до реки Керулика, Урго, Малые Пески (Бага-Улуссун) до Долон-Нора. (Быт и верования монголов. Общие вопросы)].
34. О поездке Ровинского в Тунку. Изв., т. II, № 3, стр. 4—6 (Журн. общ. собрания).
35. **Майдель.** Ответы Чукотской экспедиции на вопросы академика Бера. Изв., т. II, № 1—2, стр. 60—70 [общие вопросы].
36. **К. К. Нейман.** Исторический обзор действий Чукотской экспедиции. Изв., т. II, № 1—2, стр. 1—28. [Маршрут: Нижне-Колымск, Походск, Каменный о-в, урочище Край Лесов, Нижне-Колымск, Медвежий о-ва].
37. Сообщение Ровинского о поездке его по Ангаре и Лене. Изв., т. II, № 3. стр. 45—63. [Русское население. быт, внешность, говор (Продолжение "Между Ангарой и Леной", в № 4, стр. 5—20)].
38. Исследования в Тункинском крае и на оз. Косоголе. Отч. за 1871 г., стр. 11—15 [сведения Пермикина об урянях].
39. Этнологические исследования в Вост. Сибири действ. чл. Отдела П. А. Ровинского. Отч. за 1871 г., стр. 9—11 [маршруты его и вопросы им затронутые].
40. О поездке Ровинского за Байкал. Изв., т. II, № 1, стр. 4—5 (журн. общ. собран.).
41. Этнографическая поездка П. А. Ровинского по северным пределам Монголии от Хангинского караула до выхода Енисея из Саянских гор и далее в Минусинском крае. Отч. за 1872 г., стр. 14—15 [типы русского населения].
42. Этнографические исследования П. А. Ровинского за Байкалом и на Амуре. Отч. за 1872 г., стр. 4—8. [Общие вопросы (типы населения, взаимовлияния и культурное значение их)].
- 1873.** 43. **Ровинский П. А.** Письма о путешествии по Амуру. Изв., т. IV, № 1, стр. 1—11 (журн. общ. собрания).
- 1874.** 44. **Усольцев, А. Ф.** Доклад о летних и текущих занятиях Отдела. Изв., т. V, № 1, стр. 1—10.
- 1875.** 45. Экспедиция А. П. Шапова. Изв., т. VI, № 5—6, стр. 220—226 (Отч. за 1874 г.).
- 1877.** 46. **Нейман, К. К.** Плавание по Восточному океану. Изв., т. VIII, № 1—2, стр. 43—56; № 3—4, стр. 87—94 [свед. о чукчах]; № 5—6, стр. 147—155.
47. **Н. П.** Путевые заметки с верховьев Енисея. Изв., т. VIII, № 5—6, стр. 170—175. [Сведения о русском населении; взаим-

- отношения раскольников и православных; внешний вид деревень].
48. **Большев Л. А.** Русское побережье Тихого океана. Изв., т. VIII, № 3—4, стр. 135—144.
[От залива Пластун до залива Де-Кастри. Манзы, тазы и орошены, их жилище, пища, внешность, характер].
1882. 49. О поездке **Н. Н. Агапитова**. Отч. за 1882 г. стр. 8—10. [У унгинских бурят. (Материал по шаманству)].
1883. 50. **Горохов, Н. С.** Дневник пути от Верхоянска до верховья р. Дулгалаха и обратно. Изв., т. XIV, № 4—5, стр. 1—14 [занятия жителей].
51. **Горохов, Н.** Старый тракт от Верхоянска в Якутск. Изв., т. XIV, № 4—5, стр. 14—20 [свед. о якутах].
1884. **Дуброва, Я. П.** Поездка в Монголию. Изв., т. XV, № 1—2, стр. 1—93; т. XVI, № 1, 2, 3, стр. 24—237.
[Маршрут: Тунка, Шимки, Турап, Мондинский пограничный караул, Дархатский курень, Бальбрук. Быт, верования монголов; отношения с русскими].
1885. 53. **Черский, И. Д.** Естественнo-исторические наблюдения и заметки, сделанные по пути от г. Иркутска до с. Преображенска по Н. Тунгуске. Изв., т. XVI, № 1, 2, 3; стр. 238 и сл. [на стр. 267—274 свед. о тунгусах].
1886. 54. **Кириллов, Н.** Отчет по командировке на Селенгинские рыбные промысла, в сентябре 1886 года. Изв. т. XVII, № 3—4, стр. 106—151. [О рыболовных снарядах, артелях русских].
55. **Кирилов.** Поездка в Нижнеангарск Баргузинского округа на Байкале в 1885 г. Изв., т. XVII, № 1—2, стр. 1—83 [сведения о верхнеангарских тунгусах, рыбный промысел у тунгусов и русских. Маршрут: от Баргузина до села Верхнеангарского, по р. Ангаре до ее устья в Байкал].
1889. 56. **Ядринцев Н. М.** Отчет о поездке в Монголию и вершины Орхона. Изв., т. XX, № 4, стр. 1—13 [Сведения о монголах].
57. О поездке Потанина в Ургу. Изв., т. XX, № 4, стр. 7 (отчет за 1888 г.).
58. **Клеменц Д. А.** Предварительные сведения об экскурсии Д. А. Клеменца в Агинский и Канский округа. Изв., т. XX, № 1, стр. 43—69. [Сведения о кизыльдах; шаманство, орнамент; о карагассах, их деление на роды, язык, внешность].
1890. 59. **Григоровский Н.** Поездка на Верхнюю Ангару. (Приложена карта долины Верхней Ангары). Изв., том XXI, № 2, стр. 1—29. [Сведения о тунгусах: промыслы, оленеводство, взаимоотношения с русскими и торговля].
1892. 60. **Коржинский, С. И.** Отчет об исследованиях Амурской обл. как земледельческой колонии. Изв., т. XXIII, № 4—5, стр. 73—136. [Маршрут: от Сретенска по Шилке и Амуру до Хабаровска, низовья Уссури и реки Кура. От Благовещенска по Зее, Бурею, опять Благовещенск, станица Черняево, Покровка. (Сведения о корейцах и казаках—их хозяйстве; о бродяжестве русских крестьян)].
1893. 61. **Потанин, Г. Н.** Путь из Урги в Лхассу... Изв., т. XXIV, № 1, стр. 38—43.
62. **Потанин, Г. Н.** Сайр-Усинский тракт по Монголии. Изв., т. XXIV, № 1, стр. 56—63.
1895. 63. Работа М. А. Кроля. Отч. за 1895 г., стр. 47—49. [У баргузинских и агинских бурят].
64. Якутская экспедиция И. М. Сибирякова. Отч. за 1895 г., стр. 41—47. [Сведения о работе экспед. в Витимской и Олекминской обл., в сев. части Киренского округа].
1896. 65. **Кроль М. А.** Предварительный отчет о работах по исследованию Забайк. бурят за период 1892—1895 г. Изв., т. XXV, № 4—5, стр. 171—182 [степное право бурят].
66. **Обручев В. А.** Краткий обзор экспедиций, снаряженных Р.Г.О. для исследования материка Азии с 1846 по 1896 г. Изв., том XXVI, № 1. стр. 1—40.
67. **Першин Д. П.** Краткий очерк 50-л. деятельности Р.Г.О. по этнографии в пределах Азии. Изв., т. XXVI, № 1, стр. 41—85.
68. О поездке Н. Е. Маковецкого к карагасам. Изв., т. XXVII, № 2, стр. 14—15 (отчет за 1895).
69. О работах Якутской экспедиции. Изв., т. XXVII, № 2, стр. 42—47 (отчет за 1895).
70. **Стефанович, Я. В.** От Якутска до Аяна (Аянская экспедиция 1894 г.). Зап. по геогр. т. II, в. 3, стр. 1—184.
1897. 71. О работах Якутской экспедиции. Изв., т. XXVIII, № 1, стр. 1—26 (действия отдела); № 3, стр. 1—49.
1898. 72. **Иохельсон, В. И.** Предварительный отчет об исследовании инородцев Колымского и Верхоянского округов. Изв., т. XXIX, № 1, стр. 9—42.
73. Работы Сибиряковской экспедиции. Изв., т. XXIX, № 3; стр. 1—90 (отчет за 1897).
74. **Богораз В. Г.** Краткий отчет об исследовании чукчей Колымского края (прилож. карта маршрута). Изв., 1899 г., т. XXX № 1, стр. 1—52 [маршруты, сведения о чукчах, быт, хозяйство, язык, верования, обычное право и пр.].
1900. 75. Исследования А. И. Станисловского. Отч. за 1900 г., стр. 58—62. [Маршруты его].
1903. 76. **Кон Ф.** Предварительный отчет по экспедиции. Изв., т. XXXIV, № 1, стр. 19—69. [Ойнарский хошун, земля Сальфасов (по правому берегу Енисея). Сойоты: быт, жилище, одежда, пища, верования, игры, музыка, обычное право, промыслы].

77. **Протасов, Н. П.** Как я записывал народные песни. Изв., т. XXXIV, № 2, стран. 131—135 [маршруты].

1904 78. **Козьмин, Н. Н.** Исторический очерк деятельности В.-Сиб. Отд. Изв., т. XXXV, № 2, стр. 1—43.

1924 79. Краткий отчет Г. А. Леонова о поездке на р. Кондому летом 1924 г. Отч. Этнол. секции за 1924 год, стр. 8—10.

80. Из отчета Г. С. Виноградова о поездке в Енисейскую и Акмолинскую губ. Отч. Этнол. секции за 1924 г., стр. 6—8. [Маршрут и перечисление материала].

81. Отчет Вс. Ант. Малаховского о диалектологической поездке в с. Посольское (озеро Байкал) в августе 1924 г. Отч. Этнол. секции за 1924 г., стр. 10—13.

82. Отчет Е. Я. Самойлович о летних наблюдениях. Отчет Этнолог. секции за 1924 г., стр. 13—16. [Деревня Марково и др. Смоленской вол. Иркутской губ.; сведения о хозяйстве крестьян, о песне и частушке, детская этнография].

83. Предварительный отчет И. И. Веселова о летних полевых работах 1924 г. Отч. Этнол. секции за 1924 г., стр. 16—18 [маршруты].

1925 84. Отчет Г. С. Виноградова о работе в Тункинском крае летом 1925 г. Отч. Этнол. секции за 1925 год,

стр. 6—8. [Маршрут: Култук, Тунка, Ахалик, Никольское, Хобок, Шимка и Туран. Сведения о чудиках и балагурах, о собранном материале].

85. Отчет М. К. Азадовского о летних работах в Тункинском крае. Отч. Этнол. секции за 1925 г., стр. 8—11. [Сведения о сказочниках, о сказке].

86. Краткий отчет С. Гузиной о поездке в Забайкалье летом 1925 г. Отч. Этнол. секции за 1925 г., стр. 11—13. [Материал по детской этнографии].

87. Краткий отчет А. М. Моловцевой о поездке в Тулуновский район летом 1925 г. Отч. Этнол. секции за 1925 г., стр. 13—15 [сс. Перфилово и Шарагул. Сведения о песенниках].

88. Отчет В. А. Малаховского о диалектологической поездке в Баргузинский район. Отч. Этнол. секции за 1925 г., стр. 15—18. [Маршрут: Горячинское, Исток, Устье, Катакель, Нестерово, Макарино].

89. Краткий отчет Е. Я. Самойлович о летних наблюдениях среди крестьян д. Марково и др. соседних с ней, Иркут. уезда. Отч. Этнол. секции за 1925, стр. 18—19. [Сведения по хозяйству, о песенниках].

90. Отчет Н. М. Хандзинского о поездке в с. Кимильтея осенью 1925 г., Отч. Этнол. секции за 1925 г., стр. 20—21. [Сведения о сказочниках].

Очерк палэтнологических исследований и достижений ВСОГРГО за 75 лет (1851—1926 г.).

Первое археологическое исследование в В. Сибири было произведено д. ч. Мордвиновым—древних развалин, найденных около крепости Тунки в 1809 году (Зап., к. I, 1856 г.); впрочем, впоследствии г. Черский разъяснил, что это не искусственные сооружения, а естественные известковые, туфовые, отложения.

Следующими по времени являются исследования Д. Давыдова „О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Забайкальской области Верхнеудинского округа“ (Зап. к. 2, 1856 г.). Памятники, или маяки по автору, на р. Иволге, в Хоринской степи, и вообще в окрестностях В.-Удинска, расположены большей частью группами в безлесных местах и представляют, во первых, четырехугольные сооружения из стоящих не вплотную плит, при чем часто в некотором расстоянии от ограды стоят 1—2 отдельные „сторожевые“ камни. Стоящие плиты большей частью наклонены несколько кнаружи; огороженное ими пространство имеет вид трапеций, параллелограмов и квадратов и почти не возвышается над окружающей почвой. Плиты возвышаются над землей в полроста человека. Трапеции, квадраты и т. п. в среднем имеют размеры 3—4×5—6 аршин. Земля внутри сооружений состоит из крупных камней, далее ниже идет щебень с землей, затем просто насыпанная земля; на глубине от поверхности в $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ арш. положены плиты, под ними—погребение. Это—первый тип.

Второй тип—площадки земли, обозначенные на поверхности лежащими камнями, несколько возвышенные, сплошь вымощенные плитами; под плитами—щебень, рыхлая земля; погребения. Поперечник площадок 3—5 аршин. Третий тип—кольцеобразная насыпь из камней и мелких плит в виде стен или валиков, суживающихся кверху; ширина их по основа-

нию до 6 арш., высота до 2 арш., окружность 37—40 аршин; поверхность внутри слегка вымощена плитами, ниже щебень, рыхлая земля, погребение.

Автор раскопал погребения всех трех типов; особой разницы в погребениях не оказалось; в общем обнаружены погребения с расчленением трупов, иногда со следами боевых повреждений, следы сгнившего платья, сложенного в кучу, четок, древесный уголь в небольшом количестве, горшечные черепки, лошадиные кости. Некоторые погребения уже были исследованы Кастреном—результаты автору неизвестны.

На берегу р. Селенги, в 2 в. от ст. Половинной к Верхнеудинску, стояли три кургана; наибольший из них имел 31 с. в окружности, высоты $2\frac{1}{2}$ арш., кругом канава—ров; автор раскопал его—нашел только пласт мелких раковин—улиток.

На р. Оке на правом берегу г. Давыдов на утесе Хотогай-Хабсагай нашел 4 древние надписи, снимки с коих отослал в Казань проф. Ковалевскому; к статье автора приложен также снимок с надмогильной плиты, найденной в 22 в. от В. Удинска; это впервые найденный, так назыв., „оленный камень“.

Три типа могил г. Давыдова относятся к позднему железному веку.

Чл. сотр. Юринский сообщил Отделу о пещере и древних письменах на берегах р. Мангута в Ю.-З. Сибири (прот. 15/II—55, Зап., кн. III, 1857).

П. Кропоткин в статье „Поездка в Окинский караул“ описывает „надписи (писаницы) клинообразно-сердцевидной формы с точками по середине, сделанные на камне красною и малиновою краскою“; утес этот—Монголоджин—можно найти, „если ехать из караула в падь (р.) Джумбулака, то придется проехать мимо него“.

На другом берегу р. Оки автор заметил следы древних или старинных построек—конически сложенные из камней круги (Зап., к. 4, 1858).

А. Павлуцкий сообщил „Краткое описание т. наз. чудских древностей, имеющихя вблизи Кличкинского серебросвинцового рудника, с указанием их местонахождения и в других местах Нерчинского округа“ (Зап., к. 4, 1858 г.). Рудник лежит от с. Кондуевского прямо на восток верстах в 25; все окрестности его и частью само село покрыты древностями (прил. карта), в которых, впрочем, нет ничего чудского. Следует отметить: 1) раскопку автором на холме Кара-Боян могилы № 1 Давыдова; приложенный рис. № 1 автора дает вполне ясное представление об этом типе; на глубине 1 саж. дошли до настила из гнейсовых плит, толщиной в 1 аршин,

под которым в рыхлом песке на глубине 2 аршин был найден череп человека, ручные кости, сгнившая береста и немного древесного угля. 2) Автор дает в своем описании вполне отчетливое понятие о древностях Кундуевского городища: т. наз. курганы городища оказались основаниями кумирен или буддийских часовен и вообще все древности Кундуевского городища носят ясно выраженную буддийскую, китайскую архитектуру. 3) Хоркоронское городище относится к той же эпохе; близ него имеются насыпанные могилы, большую часть обложенные по основанию гранитными камнями, которые можно бы назвать курганами; погребальные ямы обложены по бокам и сверху прикрыты тяжелыми гранитными плитами до 20 пуд. весу. Высота наибольшего из них $1\frac{1}{2}$ с., длина 8 саж., ширина около 3 саж. Есть круглые курганы. Автор раскопал наибольший из продолговатых и один круглый. В первом найдены сверху кости животных, ниже человеческие и 2 наконечника стрел; всего 3 погребения. В круглом такое же одно погребение без вещей.

И. С. Поляков в своем „Отчете о поездке (летом 1867 г.) в Восточный Саян“ (приложение к отчету Отдела за 1868 г.) гл. III, описывает кратко дюны Тункинской котловины и находки там погребений, подъемного археологического материала в виде керамики, каменных орудий и т. п.

О той же замечательной местности трактует И. Д. Черский в статье „Яловский отрог, как связь между Тункинскими Альпами и Саяном“ (Изв., т. VI, № 4, 1875 г.); автор дает стратиграфию и палеонтологию археологических находок, как своих, так и предшествующих исследователей (г.г. Полякова, Пуцилло, Ровинского) в тункинских дюнах и песках; краткое сообщение автора весьма важно в виду его компетентности в вопросах геологии.

Далее мы переходим к обзору фундаментальных исследований Н. И. Попова. Они начинаются „Общим историческим обзором археологических изысканий в Сибири“ (Изв. т. II, № 1—2, 1871 г.), являющимся как бы введением к последующим исследованиям автора; он не потерял своего значения и в наше время, так как автор использовал литературные источники, недоступные ныне для сибирского исследователя; они, повидимому, были в богатой библиотеке Отдела, сгоревшей в иркутский пожар 1879 года. Свой обзор г. Попов начинает с Гмелина и кончает раскопками г. Радлова в окрестностях Барнаула (1862—63 г.г.). Далее следует „О каменных бабах Минусинского края“ (Изв. т. II, № 4, 1871 г.). Это исследование обладает теми же достоинствами, как и предыдущее. „О писаницах Минусинского края“ (Изв. т. III,

№ 4, 1872 г.; № 5—1873 г.). „О чудских городках и чудских копиях в Минусинском крае“ (Изв. т. IV, № 1 и 3 за 1873 г.). „Краткий исторический обзор различных родов фонетического письма у народов Сев. и Сред. Азии“ (Изв. т. V, № 1, 1874 г.). „О рунических письменах в Минусинском крае“ (Изв. т. V, № 2, 1874 г.); „О памятниках Тангутского и Монгольского письма в Минусинском крае“ (Изв. т. V, № 3—4, 1874 г.), „Общий взгляд на писаницы Минусинского края“ (Изв., т. VI, № 5—6, 1875 г.; т. VII, № 1—2, 1876 г.); „О чудских могилах Минусинского края“ (Изв. т. VII, № 2—3, 1876 году, № 4—5, 1876 году; том VIII, № 1—2 и № 3—4, 1877 г.).

Обещанного Н. И. Поповым продолжения серии его исследований не появилось вследствие преждевременной его кончины; вся серия, собранная в один том, дала бы 204 стр. с 3 табл. рисунков и по полноте обзора и количеству библиографии до нашего времени представляется исключительной. Многие древности—каменные бабы, писаницы—исчезли и единственным свидетелем о них является труд г. Попова.

Относительно писаниц он справедливо указывает, что творцов их надо искать в близь лежащих могилах, городищах и т. п. Однако, до нашего времени древности Минусинского края все еще не стали предметом методического научного исследования. Г. Аспелин с уважением отзывался о трудах Н. И. Попова в издании „Надписи Енисея“ (inscriptions de l'Enissei, Hlstgs, 1889).

Г. Попов из сочинения акад. Гмелина приводит его разделение минусинских могил на 5 типов (т. VII, № 2—3, 1876 г. стр. 71). Для археологии Вост. Сибири отметим тип I—„маяки или могильники“ (названия заимствованы Гмелином от местных хищников-бугровщиков), соответствовавший первому типу Давыдова, типы Гмелина II—„сланцы“ и III—„творильные курганы“ соответствуют второму типу Давыдова; IV тип Гмелина „земляные курганы“ соответствует „насыпным могилам“ Павлуцкого; V—„киргизские могилы“ Гмелина—могильные ямы, до поверхности земли заполненные мелкими камнями и насыпь мало возвышается над землей в виде небольшого бугра, пока не описаны в Вост. Сибири.

Сам г. Попов произвел раскопку одной могилы „маяк-сланца“ из более сотни их, находящихся в 20 в. от д. Дарасун по дороге в Акшу, в 4 в. к югу от д. Больдцы, на равнине близ озера; как внешний вид могил, так и их содержание, аналогичны типу I Давыдова (Изв. т. VIII, № 3—4, 1877 г. стр. 111). Такую же могилу он раскопал на восточном конце

Маккавеевской станицы (47 в. от Читы по дороге в Нерчинск), но в ней ничего не нашел (Изв. VIII, № 4—6, стр. 173, Мелкие известия).

Могилы типа № 1 Давыдова раскапывались еще около Улясутая и Селенгинска (Изв. т. VII, № 2—3, 1876, 122—23).

Наконец, в статье г. Попова „Об орудиях каменного века на Севере и Востоке Сибири“ (Изв. т. IX, № 1—2, стр. 56, с таб. рис.) мы имеем почти единственные (другие принадлежат Черскому) изображения предметов из сторевшего музея Отдела.

Краткий некролог почтенного археолога Сибири Н. И. Попова помещен в т. IX, № 3—4, стр. 108, Изв. Отдела.

И. Д. Черский был первым геологом, интересовавшимся также и доисторическим человеком Вост. Сибири; первой археологической его заметкой были „Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода“ (Изв. т. III, № 3, 1872 г.); вследствие случайности находки они не могут быть приурочены к тому или другому культурному периоду, но они ценны попыткой определить состав фауны, окружавшей ископаемого человека. В „Заметке об ископаемых остатках северного оленя, вырытых в окрестностях г. Иркутска, и современной им фауне“ он значительно пополнил ее список (Изв., т. V, № 2, 1874 г. стр. 69). Наконец, он был окончательно установлен г. Черским при исследовании Н.-Удинской пещеры (Изв. т. X, № 1—2, 1879 г. стр. 7—35).

Весьма важной для археологии нужно считать заметку г. Черского «*Antilope saiga borealis*» (Изв. т. VII, № 45, 1878 г. стр. 145), в которой автор выясняет, что в Сибири водилась (Вилуйский округ) ископаемая северная разновидность этого семейства, отличная от пустынно-степной сайги, обитающей еще и теперь в Сред. Азии, чем разъясняется прежнее противоречие между тундровой фауной и ее якобы пустынной формой сайги, так как последняя оказалась *Saiga borealis*.

К таким же исследованиям, поясняющим последнедиковые эпохи Вост. Сибири и разъясняющим окружавшие доисторического человека фауну и флору, относится исследование археолога г. Агапитова о степном черноземе в Иркутском и Балаганском уездах (Краткий отчет о поездке в Балаганский и Иркутский округа летом 1877 года, Изв. т. IX, № 3—4, 1878 г., с картой черноземных областей) с соответствующей флорой, подобной чернозему Ю. и Ср. России. По автору, чернозем лежит над лессом, моложе последнего и образовался после поднятия Прибайкальской горной страны; подчерноземный лесс включает слои с костями вымерших

крупных млекопитающих. Впрочем, автор мимоходом отмечает (стр. 98), что время и причины возникновения степного чернозема в Вост. Сибири нельзя еще считать решенными.

Среди многочисленных археологических исследований г. Агапитова следует отметить „Городища Иркутской губернии“ (Прибайкальские древности, Изв. т. XII, № 4—6, 1882 стр. 8), называемые местным населением „китайские дворы“ (укрепления). Попутно в этой статье он перечисляет курганы по якутскому тракту и древности на острове Ольхоне (оз. Байкал), как-то: погребения в каменных ящиках, напоминающие по устройству дольмены, затем погребения, отмеченные на поверхности земли пирамидами из каменных плит, высотой (пирамид) до 4—5 ф., шириною—1 ф., могилы первого типа Давыдова у дер. Тыргинской (маяки), круглые могилы, обозначенные камнями, в 1 с. диаметром и, наконец, каменные стены. Все эти древности железного века. Произведенные им поверхностные раскопки особенных результатов не дали, лишь встретилось интересное погребение шамана. В Косой степи он видел и измерил поломанный древний скифский медный котел, найденный кем-то подвешенным на дереве, вероятно, из шаманских целей.

Городища Вост. Сибири не подверглись систематическому исследованию, какового они несомненно заслуживают. Для справки приведем, что Я. П. Дуброва в статье „Поездка в Монголию в 1883 г.“ описал много городищ-укреплений (Изв. т. XV, № 3—4, 1884 г. стр. 10 и сл., и т. XVI, № 1—3, 1885 г. стр. 24 и сл.), также приписываемых населением китайцам и называемых „керегесе-чило“. Здесь же автор описывает могилы типа первого Давыдова.

Г. Черский, в последнем своем труде, напечатанном в Известиях Отдела (т. XVI, № 1—3, 1886 г.), „Естественно-исторические заметки, сделанные на пути от г. Иркутска до с. Преображенского на р. Н. Тунгуске“ поместил археологические замечания о неолитических изделиях с упомянутой реки (стр. 274), о месторождениях нефрита (276) и, наконец, список постплиоценовой фауны бассейна р. Н. Тунгуски.

Археологическая деятельность Н. И. Витковского, поставленная строго научно, явилась первым лучом света, ярко прорезавшим тьму праистории В.-Сибири. Первые свои раскопки он произвел в 1880-1881 г. г. (Краткий отчет о раскопке могил каменного периода. Изв. т. XI, 1881 г. № 3-4 и тоже „...на левом берегу Ангары“, т. XIII, № 1-2, 1882 г.). Особой удачей нужно считать посещение раскопок геологом г. Черским, определившим палеонтологическую часть добытого материала и породы каменных орудий.

Раскопанные г. Витковским могилы находились в Тельминской волости Иркутского уезда (в 50 верстах на С. З. от Иркутска), в 10 в. к Ю.-Зап. от ж. д. ст. Тельмы, на левом берегу р. Ангары, ниже устья р. Китоя в 4-5 в. За два года было найдено 24 погребения, из коих 23 при самом погребении были засыпаны слоем песка, смешанного с измельченной естественной охрой, коей найдено было 90 кусков; погребения без гробов, прямо в неглубоких ямах, на спине, головою на С.-В. Инвентарь погребений поражает необыкновенным богатством высоко отделанной индустрии, главным образом из нефрита и др. пород камня, из кости, без всяких следов металлических изделий. Костяные поделки часто просверлены, каменные—нет; многие из последних шлифованы. Среди костяных орудий поразительны швейные иглы в костяных футлярах, кинжалы с кремнями—вкладышами по одному краю (лезвию), остроги или гарпуны, расколотые кабаньи клыки—украшения и др., из каменных—большие топоры с ушками и пока загадочные (до 160 штук) изделия, по мнению одних исследователей—г. Анучина—символические изображения рыб—амулеты, по мнению других—г. Полякова, самого г. Витковского—тоже и украшения, г. Афанасьева—части раболовных крючков; последний автор удачно сконструировал таковой из предметов раскопок г. Витковского („К доисторической археологии Сибири“. Арх. Изв. и Зам., изд. Им. Моск. Арх. О-ва, т. VI, № 2, 1898 г.).

Керамика китойских погребений довольно первобытная, от руки, слабого обжига, круглодонная, часто с отпечатками наружнооплетавшего горшок (до обжига) плетения из травы или тростника (Binsen Keramik). Почти никаких следов домашних животных, хотя кости животных вообще полагались в могилы; мы говорим—почти, так как найдены были кости по видимому лошади, которая едва ли могла быть дикой, так как состав остальной китойской фауны современный (кабан, козуля, медведь, волк, заяц, бобр, изюбрь, лисица, несколько птиц); только бобр теперь не водится на берегах Ангары. Человек китойских погребений принадлежал в общем к длиннголовой расе. Г. Витковский отнес свои находки к неолиту и указал их сходство с некоторыми находками из Тункинской котловины.

Исследования г. Витковского в связи с исследованием других древностей Сибири Д. Н. Анучиным (О некоторых своеобразных изделиях из Сибири, Тр. VI Археолог. Съезда в Одессе, 1886 г. ч. I), главным образом из раскопок Витковского и каменных рыб послужили основанием к созданию понятия и термина „Ангарский неолит“ или „Ангарская куль-

тура“, место коих в общей истории культуры В.-Сибири до сих пор еще точно не определено.

Во всяком случае китайские погребения до сих пор служат исходной точкой для последующих исследований В.-Сибири; они обратили на себя внимание всей русской археологии и проф. В. А. Городцов пишет о них следующее: „Таким образом, не смотря на огромное расстояние, отделяющее одну область (Екатеринославская губ.) от другой (Иркутская губерния), погребения доказывают положительную связь их древнейших обитателей. В настоящее время эта связь для нас загадочна и темна, но при развитии знаний разъяснение ее не представит затруднений“ (Цит. по В. В. Гольмстен „Материалы по археологии Самарской губернии“, Бюлл. Об. Арх. Ист. Этногр. и Естествозн. при Сам. Унив. 1925 г. № 2).

Насколько другие результаты дали исследования г. Витковского у с. Чадобец, расположенного при впадении речки того же названия в Ангару в Енисейском у. (Изв. т. XX, № 2); здесь были обнаружены три культуры—неолит, медная и железная. Относительно неолита исследователь указывает на сходство с его же разведками в предместьи г. Иркутска (Следы каменного века в долине р. Ангары, Изв. т. XX № 1, 21889 г.), т. е. с ангарским неолитом, где после с успехом работал М. П. Овчинников; относительно медных орудий—кельтов о влиянии Минусинской культуры. Чадобиский неолит, повидимому, имеет широкое распространение в северной части В.-Сибири; г. Витковский справедливо обращает внимание исследователей на р. Ангару, по которой могли распространяться в древности культуры с Енисея и вообще с запада в бассейн реки Лены и обратно.

Краткий некролог Н. И. Витковского, умершего 24 сентября 1892 года, составленный Ал. Ивановским, помещен в Арх. Изв. и Зам. № 1—1893 года.

В 1885 г. И. Т. Савенкову было отпущено Отделом 200 руб. на археологические исследования в окрестностях Красноярска; в т. XVII Известий (№ 3-4, 1887 г.) напечатан отчет г. Савенкова „К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея“ (стр. 26-105).

Исследования г. Савенкова послужили началом исследований Красноярского палеолита на Афонтовой горе (г. Красноярск) и других местах, составляющих заслугу Отдела и яркую и важную страницу в археологии не только Сибири, но и всего мира.

Еще с начала 1880 г. г. Савенков собирал при содействии рабочих на кирпичных сараях под горой каменные орудия, казавшиеся ему палеолитическими, в чем, однако, он сам

не был уверен. Приезд в 1885 г. г. Черского в Красноярск на раскопки г. Савенкова рассеял сомнения исследователя; знаменитый сибирский геолог точно установил постплиоценовый возраст лесса под Афонтовой горой и определил среди палеонтологических остатков кости современников палеолитического человека: носорога, мамонта, быка первобытного (*b. primigenius*) и древнего (*b. priscus*) и особенное обилие *c. olens* (*c. tarandus*).

Г. Савенков в своем замечательном по новизне мыслей отчете, развитых им в целую сеть исследований палеолита, неолита и писаниц (см. его „О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее“ М., от. из. I т. Трудов XIV Черниговского Арх. Съезда 1910 г.), отмечает заслуги Н. И. Попова по археологии Сибири и его совет искать творцов писаниц в близь лежащих памятниках древнего населения (курганы, городища и проч.). Незначительное количество костей носорога в своих находках палеолита он объясняет тем, что это животное уже вымирало ко времени наступления палеолита. В ближайшие затем годы г. Савенков расширил свои исследования (см. „Ив. Тим. Савенков. 1846-1914 г.г.“ А. Штернберги „Савенков Ив. Тим.“ — автобиографическая справка, Сборн. Музея Антр. и Этногр. им. Петра В., т. III, 1916 г.) и обнародовал их результаты.

Но так как ледниковый период и археология не только Сибири, но и Европ. России, не только 40 лет тому назад, но и теперь, не разработаны, и Сибирский каменный век обладает своеобразными, нигде не встречающимися особенностями (единовременное бытование орудий грубой и тонкой техники), неизученными даже до нашего времени, то енисейский палеолит оказался не связанным ни с русским, ни с зап. европейским; эти сомнения, повидимому, не переставали мучить г. Савенкова и через 30 лет (в 1914 г.) он предпринял на средства Академии Наук вторичные обширные раскопки на Афонтовой горе, но смерть пресекла его труды; результаты, как первых, так и вторых его раскопок остались необработанными; о судьбе его коллекций см. „Сибирский палеолит“ г. Петри (Иркутск, 1923 г.).

Открытия г. Савенкова на Афонтовой горе вскоре заинтересовали весь ученый мир; в 1892 г. он выступал с докладом о них на 2 Сессии Международного Конгресса доисторической археологии и антропологии в Москве и демонстрировал образцы своих находок; его сообщение произвело громадное впечатление.

Французский археолог Де-Бей (*Bar.de Baye*), присутствовавший на докладе, дал об открытиях г. Савенкова самый

блестящий отзыв в заседании Парижской Академии Наук (27/II 1893 г.): „Эти факты являются настоящим событием в науке. Мы можем сказать, что новая эра открылась в исследованиях о начальном периоде существования человека, и там именно, где предполагалась колыбель его... Я кончаю это сообщение счастливым сознанием того, что я осведомил вас об имени и трудах ученого, который на берегах великой сибирской реки страстно работает над развитием науки” — говорил докладчик.

Г. Савенков свой первый отчет о своих исследованиях справедливо закончил выражением глубочайшей благодарности Восточно-Сибирскому Отделу за материальную поддержку в его исследованиях.

Через 10 лет после смерти г. Савенкова и через 40 лет по открытии им Красноярского палеолита, в 1923 г., исследование последнего возобновилось Г. П. Сосновским и Н. К. Ауэрбахом на средства ВСОРГО и Красноярского Отдела РГО, при содействии, как денежном, так и трудовом, местных краеведческих организаций. Исследователи работали в другом месте, чем ранее г. Савенков, воспользовавшись небольшой ж. д. выемкой, в которой был замечен ими культурный слой. Раскопки производились с чрезвычайной тщательностью и вполне научно, дали громадный археологический материал, палеонтологический и впервые — антропологический. Палеолитический характер стоянки окончательно установлен.

Исследование Афонтовой горы продолжалось теми же лицами, но уже без субсидий со стороны нашего Отдела, в 1924/25 г. г. с теми же важными и благоприятным для науки результатами.

Печатную публикацию о раскопках мы имеем только за 1923 г. „Остатки древнейшей культуры человека в Сибири. Предварительное сообщение“. (Жизнь Сиб., № 5-6, 1924 г.) Археологическая часть сообщения подписана г. г. Ауэрбахом и Сосновским, палеонтологическая г. Громовым.

Самой интересной находкой на стоянке нужно считать обнаружение обломков лучевой и плечевой костей человека, залежавших вместе с палеолитическим орудиями и костями мамонта, с оленя и других животных.

Предварительное определение палеонтологических находок сделано г. Громовым и дало следующий состав фауны. 1) мамонт (*El. primegenius*) 2) сев. олень (*c. Tarandus*) 3) Заяц (*Lepus spv.*), 4) Песец (*alopex lagopus*), 5) Бизон (*bison prisc.*), 6) лошадь (*eb. caballgs*), 7) волк (*can. upus fossil*), 8) лисица (*c. Vulpes*), 9) рассомаха (*gulo borealis*), 10) Сайга (*antelope*

colus saiga), 11) горный баран (*Ovis. spov. ammon fossil*), 12) неопределенные кости птиц, мелких грызунов и оленей (*Cerv. Megaceros.*).

„Относительно классификации палеолита Афонтовой горы, говорят исследователи, существуют различные взгляды. Остановимся на позднейшем из них. Проф. Петри в работе „Сибирский палеолит“ сближает культуру Афонтовой горы с Верхоленской стоянкой близ гор. Иркутска и датирует ее Мадленом. С этим взглядом проф. Петри мы не можем согласиться. По нашему мнению следует воздержаться от датировки сибирского палеолита подразделениями французской классификации.. Мы должны сибирский палеолит изучать самостоятельно, сравнивая наши находки с остатками этого периода в соседних областях Евразии.“ К этому мнению г. г. Ауэрбаха и Сосновского следует присоединиться, чего, однако, нельзя сделать в отношении их заключения, что для установления сибирской классификации палеолита нужны новые раскопки на Афонтовой горе, и это с тем большим правом и в настоящее время, когда пожелания их уже исполнились: в течение двух лет после того (1924-25 г. г.) они тщательно еще исследовали эту знаменитую гору и, кроме того, много других палеолитических стоянок вообще по Енисею (см. Новые стоянки палеолитического периода в окрестностях Красноярска Г. П. Сосновский. Изд. Иркут. Научн. Музея. Иркутск 1924 г.); археологический и палеонтологический материал г. Савенкова и добытый ими исчисляется, конечно, десятками тысяч предметов—наступило время путем усидчивого и методического изучения заложить основы сибирской археологии.

На лето 1889 г. Отдел командировал Н. М. Ядринцева на скромную сумму в 300 руб. в Монголию для определения точного местонахождения развалин Каракорума, столицы Чингис-хана; исследователь расширил свою задачу и открыл знаменитые древнетурецкие орхонские надписи, составившие в науке и истории Отдела страницу не менее блестящую, чем открытие г. Савенковым Красноярского палеолита. Из экспедиции г. Ядринцев вывез до 15 тысяч снимков древних письменных знаков, планы развалин и мн. др., и между прочим два больших осколка с надписями. Открытие турецких надписей VIII в. вызвало отправление в Монголию финляндской экспедиции в 1890 г. и от Академии Наук во главе с г. Радловым в следующем 1891 г. Мы не будем излагать далее всем известный ход изучения надписей и их историческое значение. Упомянем только, что личное сообщение г. Ядринцева об его открытии в Парижском Географическом Обще-

стве в 1890 г. произвело громадную сенсацию, а сам докладчик был встречен с большим почетом и шумными авациями.

А между тем столь блестящее открытие скромно изложено г. Ядринцевым всего на 12 страницах—„Предварительный отчет о поездке с археологической и этнографической целью в С. Монголию и вершины Орхона“ (Изв. т. XX, 4), 1889.

Далее, в хронологическом порядке мы должны упомянуть об исследовании древних могил около Селенгинска Л. Залькинда (Изв. XXI, № 1, 1890); автор кроме могил первого и второго типа Давыдова указывает еще новый тип круглых могил, часто намеченных по окружности двумя концентрическими кругами из лежащих камней.

Н. М. Козьмин открыл при золотопромышленных работах какой то древний помост, напоминающий свайные постройки (Следы кам. века в долине р. М. Патом. Изв. XXIX, № 1, 1898 г.).

Далее следуют археологические исследования М. П. Овчинникова (Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях г. Иркутска. Изв. XXXV, № 3, 1904 г.), давшие, благодаря неутомимой энергии исследователя заметный толчок к дальнейшей работе в этой области; главной заслугой г. Овчинникова было открытие им в самом г. Иркутске и ближайших его окрестностях многого множества стоянок, позволивших в последствии, в годы войны и революции, иркутским исследователям работать без затраты значительных средств и времени.

Г. Овчинников выработал в себе особый дар, можно сказать—прозорливость, усматривать стоянки там, где другие проходили мимо их; сам он раскопок не производил. Земляные работы по левому берегу р. Ангары в предместьях гор, Иркутска—Глазково-Свердлово—по проведению линии Забайкальской железной дороги, дали ему возможность собрать огромный подъемный материал, но вследствие спешности железно-дорожных работ г. Овчинников не вел никаких записей о способе залегания древностей; только в немногих случаях ему удалось установить способ погребения: погребальная яма, до 1—2 арш. глубиной, выкладывалась и перекрывалась плитами в виде гроба, а отступя на 1 арш. от могилы на С.-З. или Ю.-В., складывалась куча камней в виде усеченного конуса до 2 аршин вышиной; между ними иногда находили обугленные кости животных и угли, а сами камни покрытыми слоем сажи и пепла. Погребения в подобных могилах сопровождалось медными ножами.

В разное время от г. Овчинникова и его наследников поступили в музей Отдела следующие предметы древности

из Глазкова: 1) черепов человека—13, прочих костей скелета—21; многие черепа и кости густо окрашены охрой; 2) нефритовых изделий, большей частью шлифованных,—топоров, ножей, долот, колец, круглых пластинок (дисков) с отверстием по середине, бус и других украшений и проч.—77; 3) изделий из других горных пород—скребки, долота, молоты, пилки, точильные камни, стрелы копья, бусы и другие украшения, секиры и проч.—332; 4) костяные изделия—шилья, проколки, копья и др. колющие орудия и оружие, кинжалы, гарпуны, долота, части рыболовных крючков, иглы с футлярами, бусы и другие украшения—182; 5) древности из железа—3; 6) каменные изображения рыб—18; 7) охра—7 кусков; 8) камни для растирания красок—6; 9) так наз. загадочные предметы (по Афанасьеву стержни рыболовных крючков) из мягких пород камня—101; 10) костяные ложки—1; 11) горшок в осколках (склеенный)—1; 12) медные ножи—6; 13) фрагменты медного сосуда (скифского котла); 14) нефритовых валунов со следами распила—3 и песчанниковых плиток, служивших для распила,—4; 15) кроме того много коробок с более мелкими предметами и обломками, почему число пожертвованных древностей (776) должны быть значительно увеличено.

Отметим также, что администрацией Заб. ж. д. были доставлены в музей: 1) черепов человека—4; 2) прочих костей скелета—148; 3) нефритовых изделий—7; 4) из других пород камня—6.

Большинство поступлений из Глазково имеют аналогию в раскопках г. Витковского на Китое и подробнее характеризуют Ангарскую культуру, но случайность сборов г. Овчинникова лишает исследователей возможности делать на основании их какие либо выводы.

Стоянки древнего человека, открытые г. Овчинниковым, тянутся по обоим берегам Ангары от г. Иркутска вверх и вниз на несколько верст; среди них заслуживает особого упоминания Верхоленская гора, где г. Овчинников нашел на пашнях и под горой каменные орудия палеолитической обработки.

Исследования Б. Э. Петри производились по поручению и на средства Академии Наук; это, во первых, исследования на северо-западном берегу оз. Байкала близ мыса Улан-Хада (см. Вторая поездка в Предбайкалье. Изв. Р. Комитета для изуч. Ср. и Вост. Азии, 1914 г. сер. 11, № 3 и Предварит. сообщение о раскопке стоянки Улан-Хада. Сб. Музея им. Петра В. т. III, 1916 г.), и, во-вторых, Неолитической колонии в бухте Песчаная на Байкале (Сб. Трудов проф. и преподавателей Гос. Иркут. унив. Отд. 1, в. 2, 1921 г.).

Раскопкам здесь г. Петри придает решающее значение в вопросе классификации сибирского неолита, о чем он неоднократно докладывал в секциях ВСОРГО.

Местоположение стоянки Улан-Хада не было подвергнуто ни до, ни после раскопок г. Петри геологическому исследованию, а также не изучено в связи с историей и жизнью Байкала; при раскопках не было найдено никакого палеонтологического и антропологического материала; насчитанные исследователем XI слоев стоянки возбуждают сомнение в своей чистоте и обособленности, что следует из слов самого же г. Петри: „Культурные слои переходят, повидимому, один в другой постепенно, без перерывов и прослоек пустых пород, поэтому мне пришлось наметить их до известной степени провизорно..... Так, слои VII и VIII имели вид скорее одного слоя в 55 с. толщиной; слои IX и X сливались в один слой в 60 с. Разрез показал, что в большинстве слоев средняя толщина колеблется между 25—30 с., что и заставило меня разбить более мощные слои на 2 слоя каждый“. (Вторая поездка в Предбайкалье); наконец, г. Петри ограничился только типологическим обзором находок с. Улан-Хада в общей массе, не входя в изучение эволюции по слоям, а между тем поверхностное даже знакомство с добытой им керамикой указывает, что на стоянках различная по технике и достоинству керамика перемешана самым прихотливым и случайным образом. Упомянем также, что Г. П. Сосновский указывает на находку г. Петри бронзы среди древностей на обеих стоянках (К археологии Ангарского края, Сиб. Жив. Ст., т. I, стр. 135, прим. 1). Поэтому приводимая в статье о Песчаной бухте синхроническая таблица сибирского неолита с западно-европейскими не может быть принята.

Г. Петри посвятил много труда (с 1919 г.) расследованию указанной г. Овчинниковым Верхоленской горы (см. „Сибирский палеолит“ проф. Б. Э. Петри, Сб. Труд. проф. и преподавателей Гос. Ирк. унив. 1923 г., в. 5), главным образом на свои средства.

Сам г. Петри таким образом характеризует стоянку: „Культурного слоя в полном смысле этого понятия нет.... Залегание предметов заставляет предполагать какое нибудь движение их в массе. Подробное изучение характера и особенностей залегания предметов приводит меня к заключению, что мы имеем перед собой процесс складчатого сползания всей массы лесса вниз по склону горы, отчего культурный слой приобрел волнообразное положение, а предметы уплотнились“. В соответствии с смещениями исследователь получил крайнее разнообразие древностей, очевидно попавших сюда

из разных горизонтов или с соседних, далеко расположенных друг от друга, стоянок различных возрастов, включительно до „ряда орудий—скребки, скребки-ядрища, указывающего на крайнюю близость к неолиту“ (стр. 45). „Датируя культуру мы должны равняться на поздние ее элементы. Поэтому и стоянку на Верховенской горе мы должны отнести к Мадленской эпохе“ (там же). Следуя же своему правилу, г. Петри должен был бы отнести ее к неолиту; впрочем, сам автор называет свое определение временным, с чем нельзя не согласиться ввиду отсутствия изучения стоянки геологами-специалистами.

Наконец, исследования г. Петри коснулись древностей железного века. Летом 1921 г. он обнаружил в долине р. Мурина—левый приток р. Куды, в свою очередь правого притока р. Ангары, около улуса Шохтой Курумчинского ведомства (Иркутский уезд) в пади Утуелга, доисторическую шахту—разработку железной руды, ныне заброшенную и заплывшую землей, своеобразного устройства горны для выплавки железа, аналогичные минусинским, описанным Гmeliном, Клеменцом и др., массу шлаков, землянки жилые и кузнечные, обильную керамику, предметы из железа—стрелы, ножи, принадлежности конской сбруи, удочки, огнива, костяные стрелы, берестяную посуду и мн. т. п. Техника и назначение этих предметов, по автору, имеют аналогию с современной якутской культурой; найденую около Шохтой культуру г. Петри назвал „культурой курумчинских кузнецов“. (Доисторические кузнецы в Прибайкалье. К вопросу о доисторическом прошлом Якутов. Проф. Б. Э. Петри. Журнал „Изв. Инст. Нар. Образ. в Чите, 1923, № 1, 21—39 стр.).

За время войны и в первые годы революции по понятным причинам археологические исследования отошли на задний план; с 1920 г. исследователи снова вернулись к своей научной работе, но она могла быть произведена только урывками, наездами, без общего плана, и носила исключительно разведочный характер со сбором случайного и подъемного материала.

Здесь особенно пригодились указания М. П. Овчинникова и окрестности Иркутска покрылись экскурсиями вышеуказанного характера на расстоянии 1—2 десятков верст, особенно по левому берегу Ангары, вверх от Иркутска.

Две экскурсии следует отметить—Г. П. Сосновского и П. П. Хороших.

Первый исследователь участвовал в этнологической экспедиции в Балаганский уезд, организованной Иркутским научным музеем в 1921 г. (К археологии Ангарского края. Сиб.

Жив. Ст., в. 1, 1923 г. Г. П. Сосновский). Добытые исследователем древности, изготовленные из камня, кости, меди, бронзы и железа, найдены на балаганских дюнах; именно — м. бронзовые обломки ножей, кельта с геометрическим орнаментом, иглы, пряжка и т. п. К м.—бронзовой эпохе автор между прочим причисляет каменные „набалдашники палиц“, о назначении которых г. Витковский давно уже сделал несколько предположений (Просверленные камни. Изв. т. XXI, № 4, 1890 г.). По нашему мнению, наиболее приемлемо его предположение, что они суть принадлежность земледелия. Г. Сосновский делает краткий обзор находок м.—бронзовых древностей в Вост. Сибири; усматривая сходство их, почти тождество, с некоторыми древностями Минусинского края, он объясняет это явление импортом оттуда, но следует скорее примкнуть к тут же высказываемой автором мысли, что „бронзовая культура Вост. Сибири отчасти имела самостоятельный характер, но вместе с тем находилась под воздействием различных культурных течений Сибири“. Доказательством самостоятельности м.—бронзового века в Вост. Сибири служат указания автора на находки литейных форм, на следы древнего горного дела и доисторических медных рудников по р. Лене, в Киренском уезде Иркутской губернии, а также следы варочного соляного промысла (близь с. Усоля, Иркутского у.) в медно-бронзовую эпоху.

Г. Хороших в 1921—23 г.г. совершил поездки на о. Ольхон (север оз. Байкала), на котором, а также и по пути туда, производил археологические исследования. На самом острове он открыл неолитические стоянки, затем из литературы собрал указания на находки м.—бронзовых древностей на Ольхоне и близь лежащих местах (Исследования каменного и железного века Иркутского края. Изв. биолого-географ. научно-исслед. института при Гос. Ирк. Унив., т. I, в. 1, 1924 г. здесь же и литература по полэтнологии за годы 1851—1924 г.г.); и особенное внимание обратил на железный век на острове Ольхоне, при чем описывает пещеры, кладбища „хара-монголов“ (народность местных преданий) и отдельные погребения. Местность эта была посещена г. Агапитовым в 1881 г. (см. выше) и г. Хороших в общем подтверждает исследования Агапитова. Новыми являются „погребения в камнях“ с использованием естественных пустот между камнями, покрывающими большие пространства на острове; на кладбище у дер. Тырган с этими погребениями, кроме того, установлено погребение с трупосожжением и просто в земле, без гроба; ему посчастливилось найти столь же интересное погребение шаманки, как и г. Агапитову — шамана.

Наконец, г. Хороших посвятил много внимания писаниям Ольхона. По этому вопросу он приготовил к изданию сочинение: „Писаницы Прибайкалья“.

Упомянем также о поездке В. И. Сосновского (Стоянка у с. Суховского Ирк. у. Унив. Слово, 1923 г., № 25), С. Н. Лаптева (Следы пребывания доисторического человека в окрестностях с. Усолья, Иркут. у. Труд проф. и преподавателей Ирк. Гос. Унив., в. 5, 1923 г. и Археологические заметки по пути в Монголию. Труды секций ВСОРГО, 1926 г.).

По недостатку средств Отдел не всегда финансировал исследования последних лет своих членов и они совершались часто на средства местных краеведческих организаций при использовании трудовой помощи широких слоев населения—рабоче-крестьянских, учащихся, комсомольских и т. п.

Лиц. подробно интересующихся печатными сообщениями о деятельности членов Отдела в области палеонтологии, мы отсылаем к изданным уже „Систематическим указателям всех изданий Отдела“ с 1851 г. по 1911 г., к печатаемому Отделом „Библиографическому указателю“ с 1911 г. по 1926 г. и к приготавливаемому к печати таковому же с 1917 г. по 1926 г. к Научно-Исследовательскому съезду в Ново-Сибирске.

О Ч Е Р К

исторической деятельности ВСОРГО за 75 лет
его существования.

Изучение исторического прошлого, казалось бы на первый взгляд, совсем не должно было входить в круг занятий Р. Г. О., как специально географического. Но все же устав Р. Г. О. а также и Положение о Сибирском его Отделе, не только не исключали возможности для своих членов занятий разработкой вопросов, относящихся к русской истории вообще и истории местного края в частности, но они представляли для этого даже и формальные основания. Так, Положение о Сибирском Отделе, перечисляя его обязанности, между прочим, говорит, что он „отыскивает и приводит в известность собранные уже сведения о Сибири, хранящиеся в местных архивах и у частных лиц“. Затем в круг занятий Г. О. на ряду с изучением географии, этнографии и антропологии входило также изучение археологии и исторической географии. Все это давало широкий простор членам Географического Общества для занятий всякого рода историческими изысканиями. Но и не зависимо от этого, как мы сказали, формального права на исторические исследования, занятия этими исследованиями для членов Г. О. являлись логическим следствием также и той тесной связи, какая существует вообще между историей и географией.

С первых же лет существования Русского Географического Общества среди его членов мы встречаем виднейших историков и историков права того времени. Весьма деятельное участие в работах Общества принимали: К. А. Неволин, И. Д. Беляев, Н. В. Калачев, К. Н. Бестужев—Рюмин, Н. И. Костомаров и др. И также уже с первых лет существования Обще-

ства исторические исследования заняли видное место среди работ его членов.¹⁾

И это произошло в Петербурге, где равно и в соседней с ним Москве, на ряду с Географическим Обществом существовало много различных научных учреждений и обществ, деятельность которых была посвящена специально изучению истории. Тем более изучение прошлого местного края должно было сделаться одним из предметов занятий членов вновь открытого в Иркутске Сибирского Отдела Г. О. Здесь это был в буквальном смысле слова в то время единственный центр, к которому могли примкнуть местные научные силы без различия занимавших их научных вопросов. И деятельность Сиб. Отдела с самого начала его учреждения была действительно настолько многосторонняя и разнообразная, что с полным правом автор одной из статей Иркутских губернских ведомостей, относящейся еще к пятидесятым годам прошлого столетия, обозревая деятельность Отдела, высказал мысль, что может быть „на наш Сибирский Отдел и не следует смотреть как на специально-географическое общество, а скорее как на „общее—ученое общество“ для Сибири, общество, которое возбуждает и облегчает не только географические исследования, но и многие другие ученые деятельности, какие найдутся в Сибири. Может быть, говорит автор, что теперешний Сибирский Отдел есть зародыш, из которого впоследствии разовьется и выделится несколько ученых обществ: географическое, статистическое, археологическое, историческое, сельско-хозяйственное и пр.“²⁾

Помимо Отдела другой организацией, в известной степени также объединявшей вокруг себя местных исследователей—краеведов, в Иркутске был, возникший через некоторое время уже после открытия Сибирского Отдела, Губернский статистический комитет. В провинции повсюду, особенно где не было каких либо научных обществ, статистические комитеты играли роль научных центров, около которых группировались местные научные силы. Хотя в Иркутске ко времени учреждения здесь статистического комитета уже существовал более сильный в научном отношении центр в виде Отдела Г. О., но как бы то ни было, комитет все же, так сказать, оттянул на себя часть, если не самих научных работников, так как почти все они

¹⁾ В „Записках“ И.Р.Г.О. в первые же годы его существования были напечатаны напр. такие исторические труды, как известное исследование К. А. Неволлина „О Новгородских пятинах и погостах“, удост. Обществом Константиновской золотой медали; Г. В. Воронова „Истор. стат. обозрение учебных заведений СПб. учеб. округа с 1815 по 1853 г.“, удост. премии Жукова; Е. И. Ламанского „Исторический очерк денежного обращения в России“ и длинный ряд других, перечень которых занял бы целые страницы.

²⁾ „Записки Сибирского Отдела“, книжка IV. Ирк. губ. ведом., 1858 г. Неоф. ч. № 19.

работали и тут и там, то во всяком случае оттянул некоторую часть их работ.

В издававшихся Ирк. губ. статистическим комитетом „Записках и Трудах“ этого комитета, а также в Ирк. губ. ведомостях, начавших выходить в 1857 году под редакцией одного из будущих столпов Сибирского Отдела М. В. Загоскина, и в „Памятной книжке Иркутской губернии“, издававшейся комитетом, должны были, как и повсюду, согласно самого закона, печататься „известия и статьи всякого рода, относящиеся до местности“, доставляемые членами статистического комитета. И в перечисленных изданиях, особенно за 50-ые и 60-ые годы, действительно появилось чрезвычайно много интересных и имеющих с точки зрения краеведения большое значение работ и среди них целый ряд всякого рода исторических описаний. Почти все эти статьи принадлежали членам Отдела, бывшим в то же время и членами комитета, и большинство из этих статей, если бы не было Иркутского статистического комитета, неизбежно появились бы на страницах „Записок“ Сибирского Отдела.¹

В виду указанного взаимоотношения между Сиб. Отделом и Ирк. статистическим комитетом небезынтересно отметить, что в 50-х годах прош. стол. существовало даже мнение о ненужности в Иркутской губернии статистического комитета в виду существования здесь Отдела Г. О., который вполне может заменить собою и выполнять все функции губернского статистического комитета. Это мнение было высказано иркутским губернатором К. К. Венцелем, бывшим в то же время и первым председателем Сибирского Отдела. Венцель в 1853 г. на требование статистического комитета Министерства Внутренних Дел представить сведения о работе Иркутского губернского статистического комитета донес, что в делах иркутского общего губернского управления ни найдено никаких сведений о существовании здесь статистического комитета, при чем Венцель высказал свое соображение, что „за открытием ныне в Иркутске Сибирского Отдела Г. О. в существо-

¹) В виде примера, а также и в доказательство того, что литературная деятельность членов Сиб. Отдела еще далеко не исчерпывалась тем, что мы находим в изданиях самого Отдела, можно привести на выдержку хотя бы статьи: д. чл. Отдела В. Н. Чудовского „Покорение Иркутской губернии.—Истор.—стат. очерк“, работу Н. С. Шукина „Материалы для сибирской библиографии“, являющиеся первым опытом такой библиографии; напечатанные в первой же „Памяти книжке Иркутской губ.“ издан. стат. ком., д. чл. Н. М. Павлинова „Истор.—стат. обзор главнейш. отраслей горно—завод. промысл. в Ирк. губ.“ в „Зап. и Тр.“ стат. ком. 1869 г. Что касается Ирк. губ. вед., то они, особенно за первое десятилетие своего существования, прямо переполнены всякого рода материалами краеведного характера, историческими, географическими, статистическими и этнографическими и т. д., печатавшимися, в большинстве случаев также членами Отдела. Здесь, напр. была напечатана (1858 и 59 гг., „Летопись города Иркутска“. д. чл. П. И. Пежемского.

вании губернского статистического комитета надобности уже не представляется".¹⁾

В появившихся через несколько лет после Ирк. губ. ведомостей, Ирк. епарх. ведомостях также была опубликована, особенно за первое десятилетие их существования, масса статей и материалов по истории В. Сибири, авторы которых, как напр. свящ. Прокопий Громов, известный своими историческими исследованиями, а также и некоторые другие, были в то же время и членами Сибирского Отдела и делили свою работу, подобно членам статистического комитета, между Отделом и епарх. ведомостями.²⁾

В издававшихся в Иркутске в последней четверти мин. стол. газетах „Сибирь“ и „Восточное Обозрение“ (первонач. СПб.) и особенно в „Литературных Сборниках“, выпускавшихся редакцией „Вост. Обозр.“, также напечатано весьма много материалов, статей и даже больших исследований по сибирской истории, часть которых опять таки принадлежит членам Отдела.³⁾

То же относится к журналу „Сиб. Архив“, переименованному впослед. в „Сиб. Летопись“, выходившему в Иркутске во втором десятилетии настоящ. столетия, и к „Трудам Ирк. Учен. архив. комисси“ (три тома—1919—16 г.г.), в которых мы находим целые запасы материалов, а также и исследований по истории Сибири.⁴⁾

В 1918 году открыт был в Иркутске долгожданный Иркутский университет. Результаты открытия университета и наличия среди его профессорско-преподавательского состава историков—специалистов сказались очень быстро и в ближайшие же годы из стен университета вышел целый ряд ценных работ, относящихся к истории Сибири.⁵⁾

¹⁾ Дело Ирк. Губ. стат. комитета, 1853 г., № 39 „Об учреждении и преобразовании Ирк. губ. стат. комитета и о его действиях до 1863 г.“ л.л. 6—8.

²⁾ Так напр., Громов напечатал в Ирк. епарх. вед. в течение 1863—66 г.г. ряд статей по истории Иркутска в эпоху архиепископа Иннокентия Кульичицкого, которые в 1868 году были изданы отдельной книжкой под заглавием: „Начало христианства в Иркутске. . .“ Чрезвычайный интерес представляют напечат. также в И. еп. в. за 1877 г. собранные арх. Модестом „Материалы для характеристики нрава жителей В. Сибири в конце XVII и начале XVIII стол., извлеч. из древн. свитков, хранящ. в общем губ. архиве“, а также много и др. статей.

³⁾ Напр., в „Лит. Сб.“ за 1885 г. напечатаны интереснейшие воспоминания д. чл. Отдела В. И. Вагина „Сороковые годы в Иркутске“. Здесь же напечатаны работы: Н. М. Ядринцева „Начало оседлости“, А. В. Оксенова „Сношения Новгорода Великого с Югорской землею“, „Сведения о неиздан. Сибир. летописях“ и мн. др.

⁴⁾ Напр., в т. 3-м „Тр. И. Уч. ар. ком. напечатана большая работа д. чл. ВСОРГО Я. А. Корейши „Иркутская гимназия с 1805 г. по 1829 г.“—1—304 стр. В. Сиб. Арх. печатались работы А. А. Ионина, Н. С. Романова, И. И. Серебренникова и др. член. Отдела.

⁵⁾ Напр., уже в 1920 г. появилась I часть известного труда проф. В. И. Огородникова „Очерк истории Сибири до начала XIX стол.“, а затем ряд работ Селищева, Кубалова и др.

Почти все профессора и преподаватели, особенно историки, географы, этнографы и археологи, состоят членами ВСОРГО, так что и к ним относится все то, что было сказано нами выше о членах Ирк. статистического комитета и других иркутских организаций, занимавшихся научной работой.

Такова была окружающая историко-исследовательская обстановка, среди которой, в течение подлежащих нашему обозрению 75 лет, происходила работа Сибирского Отдела Р.Г.О. по изучению исторического прошлого В. Сибирского края, в котором он был призван действовать.

По словам Ил. С. Сельского, бывшего правителем дел Отдела, когда возник вопрос об издании „Записок“ Отдела, то уже при обсуждении программы этих Записок, согласно общему желанию в нее был включен и исторический отдел, весьма важный, как замечает Сельский, в том отношении, что большая часть интересных событий, бывших в Восточной Сибири, осталась или вовсе неизвестной или передана не в том освещении и не с тою достоверностью, как надлежало бы это сделать.¹⁾

Уже Отчет И.Р.Г.О. за 1852 год, отмечая замечательную деятельность Сибирского Отдела, которую он успел обнаружить в первый же год своего существования, обращает между прочим особое внимание на предпринятую Отделом вслед за своим открытием разработку архивов Главного управления Вост. Сибири, заключавших в себе любопытные и важные для истор., геогр. и стат. Сибири материалы.²⁾ Работу по осмотру архивов и извлечению из них дел, имеющих научный интерес, взял на себя, по поручению Отдела, И. С. Сельский, являющийся одним из самых деятельных членов Отдела за все время его существования. Сельский еще до открытия в Иркутске Сибирского Отдела Г. О. уже в течении многих лет занимался разработкой архивных исторических материалов. Приняв поручение Отдела, Сельский весьма энергично взялся за работу и на первых же шагах ему удалось натолкнуться на весьма любопытное дело о пребывании графа Лаперуза в Камчатке. Извлечение из этого дела И. С. Сельским и работавшим совместно с ним П. В. Грозовым было тогда же опубликовано в „Вестнике“ Р. Г. О.³⁾

Последующие разыскания дали много новых материалов, наиболее интересные из которых Сельский время от времени также опубликовывал в изданиях Отдела. Так, в 1857 году он поместил в Записках Сиб. Отдела найденные им в Иркут-

¹⁾ Записки С. О. 1858 г. кн. V. Отд. I стр. 101.

²⁾ Отчет И. Р. Г. О. за 1852 г. стр. 75.

³⁾ Сведения о пребывании Лаперуза в Камчатке. „Вестник“ И.Р.Г.О. 1852 г. ч. VI отд. VI и „Зап.“ С. О. 1856 г. кн. I отд. II.

ском архиве „Исторические материалы о сношениях европейцев с Японией“. ¹⁾ В следующем году Сельский напечатал написанную им на основании также архивных данных и кроме того некоторых китайских источников работу „Осада Албазина китайцами в 1686 году“. В своей работе Сельский сообщил много неизвестных дотоле сведений как вообще о героической защите этого города 450 русскими казаками против осаждавшей его 10.000 китайской армии, так в особенности о главном герое обороны Албазина неустрашимом полковнике Бейтоне. ²⁾

Кроме Сельского и некоторые другие члены Отдела в первые же годы его существования принялись также за разработку вопросов, относящихся к истории края, пользуясь при этом материалами местных архивов. А. А. Мордвинов в 1852 году сделал в общем собрании Отдела доклад о „Кругоморских дорогах“ ³⁾ Продолжая заниматься и дальше тем же вопросом, в 1854 г. Мордвинов делает вновь доклад „Об открытии и проложении путей кругом Байкала“—в последней четверти XVIII-го и первой половине XIX столетий. Доклад этот впоследствии был также напечатан в Записках Отдела. ⁴⁾ В Якутске в тамошнем областном архиве работал д. чл. В. А. Райский. В Записках Отдела за 1856 г. он напечатал небольшие по своим размерам, но чрезвычайно интересные с исторической точки зрения, материалы о распространении христианства в Якутской области в XVII столетии. Документы, приводимые Райским, неоспоримо устанавливают, что в до—Петровское время Московское правительство, весьма возможно—по чисто утилитарным соображениям, но как бы то ни было, все же стремилось охранять свободу вероисповедания сибирских наименьшинств и весьма строго карало даже малейшие попытки со стороны ревнителей православия к распространению христианства путем какого либо, хотя бы даже и незначительного, принуждения. ⁵⁾ Также на основании дел областного якутского архива Райским был составлен „Исторический очерк якутского Тамгинского железоделательного завода и Юндыбальского серебряного рудника в Верхоянском округе.“ ⁶⁾ Райским были напечатаны некоторые и отдельные, казавшиеся ему наиболее интересными, небольшие отрывки из разобран-

¹⁾ Зап. С. О. 1857 кн. IV.

²⁾ Сельский, И. С. „Последняя осада Албазина Маньчжу—Китайцами в 1687 г. (Из древних свитков Восточной Сибири и китайских источников)“. Зап. С. О. 1858 г. кн. V. отд. I стр. 101—118.

³⁾ Зап. С. О. 1856 кн. I отд. II.

⁴⁾ Зап. 1856 г. кн. II. отд. I стр. 101—144.

⁵⁾ Райский, В. „Взгляд на распространение православной веры в Якутской области. (По делам обл. якут. архива)“. Зап. 1856 г. кн. I.

⁶⁾ Зап. 1863 г. Кн. VI отд. I стр. 24—38.

ных им столбцов.¹⁾ Опубликовывали подобные же материалы и другие члены Отдела, напр., А. С. Сгибнев опубликовал найденное им в старых делах иркутского архива описание пути от Анадырской до Гижигинской крепости—1765 года.²⁾

В результате указанных работ членов Отдела в различных архивах и извлечения ими оттуда наиболее важных с исторической точки зрения дел Сибирскому Отделу удалось довольно быстро создать у себя своего рода древлехранилище. Уже в 1861 году в архивном собрании Отдела насчитывалось 304 свитка, 268 рукописей и 325 дел, взятых преимущественно из архива Главного управления Восточной Сибири.³⁾ Есть сведения, что в нем хранились такие важные даже с государственной точки зрения дела, как напр. „Собрание дел о дипломатических отношениях между Российским и Китайским государствами“, „О посольстве графа Головкина“, „О давности и законности обладания левым берегам р. Амура“ и др.⁴⁾ В 1873 году поднимался в Отделе даже вопрос о желательности поручить специалистам пересмотреть все находящиеся в нем старинные свитки XVII-го и начала XVIII-го столетий и выбрать из них наиболее важный материал для издания „Актów Восточной Сибири“.⁵⁾ За эту работу взялись Д. Р. Большаков и А. Ф. Усольцев, но к сожалению осуществить задуманное издание не представилось возможным вследствие недостатка средств, а в 1879 г. большой иркутский пожар истребил все эти архивные сокровища Сибирского Отдела.

К первым же годам существования Отдела относятся еще и следующие три работы членов Отдела исторического характера. Это, во первых, сообщение Н. А. Юринского об открытии им в 1854 году в Нерчинской Даурии холма Дэлун—Болдока (Селезенка—холм), каковой является местом лагеря Богадура, отца Чингис—хана. Банзаров этому открытию придавал важное историческое значение.⁶⁾ Затем воспоминания Н. В—ского о Шелехове, в которых приведены новые для того времени данные для истории открытия Алеутских островов и образования Российско-Американской компании.⁷⁾ И наконец, в третьих, необходимо указать на предпринятую в 1856 году членом сотруди́ником Отдела Г. Г. Пейзын работу по составлению „Истории ссылки в Сибирь“, в виду чего

¹⁾ Напр. о населении г. Якутска в 1668 году и цек. др. Зап. 1863 г. кн. VI смесь.

²⁾ Зап. кн. VII.

³⁾ Романов, Н. С. „Сибирские архивы“. „Тр. Ирк. учен. арх комис.“ Вып. I, 1913 г. стр. 225.

⁴⁾ Зап. 1863 г. кн. VI. Летопись, стр. 6.

⁵⁾ Отчет С. О. за 1873 г. стр. 8 и 10.

⁶⁾ Отчет. И.Р.Г.О. за 1854 год. стр. 68. Зап. С. О. 1856 г. кн. II. Отд. III. Зап. 1857 г. кн. IV. Отд. III.

⁷⁾ В—ский, Н. Воспоминания о Шелехове. Зап. 1865 г. кн. I, Отд. III.

Пейзын и приступил в этом году к разработке дел экспедиции о ссыльных.¹⁾ Результаты этой работы нам неизвестны.

К шестидесятым годам помимо названного уже выше исторического очерка Райского о Тамгинском заводе относятся еще следующие исторические работы членов Сибирского Отдела. Доклад Д. А. Мажного „Исторический и топографический обзор Минусинского края“, явившийся результатом его поездки в этот край со специальной целью исследовать его историю²⁾ Затем богатый содержанием „Историко-этнографический очерк Иркутской губернии“ В. Н. Чудовского, в котором автор тщательно собрал все имевшиеся в современной ему литературе сведения о населении Иркутской губернии, при чем он очень внимательно останавливается на вопросе о времени прихода на территорию этой губернии каждого из населяющих ее туземных племен³⁾.

Особое внимание наше вызывают исторические исследования А. П. Щапова, жившего последние двенадцать лет своей жизни (1864—1876 г.г.) в ссылке в Иркутске. Хотя в этот период своей жизни Щапов и занимался по преимуществу вопросами этнографии, но значительное число его работ и этого периода посвящено истории, отчасти общим историческим темам, главным же образом истории Сибири. В Сибирь Щапов приехал, будучи занят вопросом об „Историко-этнографической организации русского народонаселения“. Над этим вопросом он и работал в первое время по приезде в Иркутск, но самая работа эта, носящая приведенное нами заглавие, появилась не в изданиях Сибирского Отдела, а в „Русском Слове“. В Сибирском Отделе Географического Общества Щапов начал работать лишь с 1866 года, когда он принял участие в снаряженной Отделом в этом году Туруханской экспедиции. А. П. Щапов все собранные им за время этой экспедиции материалы представил в Отдел в виде обширной статьи, озаглавленной „Народная жизнь на Севере Енисея, между 60° и 65° с. ш.“ Один из отделов этой статьи был посвящен историческому очерку колонизации и культуры Туруханского края⁴⁾ Кроме того во время пребывания своего в Красноярске, по пути в Туруханский край, Щапов розыскал в тамошнем архиве много интересных документов, важных для истории внутреннего быта, колонизации и культуры Восточной Сибири, особенно конца XVIII-го столетия и начала XIX-го,

¹⁾ Зап. 1857. кн. IV. Летопись стр. 18.

²⁾ Семенов, П. П. История полувековой деятельности Р.Г.О. ч. I., стр. 244 и Зап. И. Р. Г. О. 1864. Кн. II, стр. 77

³⁾ Зап. С. О. 1865. Кн. VIII. Отд. II, стр. 17—96.

⁴⁾ Сиб. Отдел за недостатком средств не мог издать названный труд Щапова. Отчет за 1867 г., стр. 25.

но, к сожалению, разработка найденных Щаповым материалов осталась незаконченной вследствие его смерти ¹⁾ Результатом изучения Щаповым Приленского края явился ряд его статей, помещенных в Известиях Отдела за 1872 год под общим заглавием „Историко — географические и этнологические заметки о сибирском населении ²⁾“. В этой работе Щапов высказывает между прочим свой взгляд на чрезвычайно важный с исторической точки зрения вопрос об изменении славяно — русской народности в сибирском населении. В том же году Щапов представил в Отдел и еще одну свою историческую работу „История первоначальных географических разведок и открытий в Сибири“, совершенных в XVII веке служилыми и промышленными людьми и изложенных в отписках воевод и служилых людей. Эта работа, по верному замечанию отчета Сибирского Отдела за 1872 год, значительно восполняет историю Сибирского царства. Щапов в этой статье указывает, что завоевание Сибири и открытие вместе с тем ее природы имело огромное влияние на умственное развитие московского государства. Открытие природы Сибири и ее богатств вынудило Петра I-го призвать с Запада не только „рудознатцев“, но и ученых натуралистов подобных Мессершмидту, специально для исследования чудес сибирской природы, о которых в XVII веке западные государи с удивлением спрашивали московских послов. Без предварительных разведок и открытий казаков и промышленных людей, говорит Щапов, не было бы дорог и почвы для научных экспедиций Стеллера, Гмелина, Палласа и др. ученых ³⁾ В несколько переработанном виде эта статья Щапова была напечатана в „Известиях“ Отдела за 1873 год под заглавием „Историко — географические заметки о Сибири. I. Значение первоначальных географических открытий в Сибири“ ⁴⁾ Затем Щапов, живя в Иркутске, написал еще две статьи специально по истории сибирского общества — „О развитии высших человеческих чувств. Мысли сибиряка при взгляде на нравственные чувства и стремления сибирского общества“ и „Сибирское общество до Сперанского“. Первая из этих статей хотя и напечатана была не в изданиях Географического Общества, а в „Отечественных Записках“ (1872 г.), но не упомянуть о ней, говоря о работах Щапова по истории Сибири, нельзя в виду чрезвычайной характерности высказываемых в ней взглядов. Что же касается второй — „Сибирское общество до Сперанского“, написанной

¹⁾ Отчет за 1867 г., стр. 3 и 4, 63—85 и Семенов, П. П. История полувека. деятельности Р. Г. О. ч. I. 226 и 227.

²⁾ „Изв.“ 1872 г. т. III. №№ 3, 4 и 5.

³⁾ Отчет за 1872 г., стр. 19 и 20.

⁴⁾ „Изв.“ 1873 г. Т. IV, № 2, стр. 65—82.

по поводу выхода в свет сочинения В. И. Вагина о деятельности гр. Сперанского в Сибири, то она и формально принадлежит Отделу, так как была напечатана в его „Известиях“¹⁾

В обеих этих статьях Шапов развивал взгляд, высказанный впрочем им уже и ранее в „Историко-географических и этнологических заметках“, о чисто животных, эгоистических чувствах и наклонностях сибирского населения. Шапов дает чрезвычайно мрачную характеристику сибирского общества — грубость, обман, насилие, самодурство, ненасытная жадность и преступная эксплуатация — вот характерные черты сибиряков. В XVIII веке и в начале XIX-го, до Сперанского, все эти свойства сибирского населения проявлялись еще более резко. На этом периоде Шапов особо останавливается во второй из названных статей; в ней он выясняет генезис обрисованного между прочим в сочинении Вагина своеобразнейшего явления в истории сибирского общества рассматриваемого времени — это именно резкого проявления общественного преобладания в сибирских городах купеческого сословия и его антагонизма с местной администрацией. В заключение рассмотрения исторических работ Шапова, как члена Сибирского Отдела Географического Общества, необходимо упомянуть еще о том, что работая в течении многих лет над обширным историческим сочинением „О ходе умственного развития в России“, Шапов с зимы 1872 г. открыл в Отделе ряд чтений по отдельным вопросам, входившим в это сочинение. Чтения эти имели для иркутского общества особый интерес в виду множества приводившихся в них данных из истории сибирской жизни²⁾.

Желание рассмотреть работы А. П. Шапова все вместе заставило нас несколько забежать вперед, отступив от принятого нами хронологического порядка обзора. Вернемся к концу 60-х годов.

В 1868 году правителем дел Отдела А. Ф. Усольцевым была составлена приложенная к отчету Отдела за этот год историческая записка о произведенных в Восточной Сибири ученых исследованиях³⁾. В следующем году д. ч. А. С. Полонский представил в Отдел обширную статью „Анадырский острог“ с картою Чукотского края. Статья эта есть результат многолетнего труда автора в Петропавловском, Якутском, Охотском и Иркутском архивах и представляет собою систематически изложенную историю Чукотской и Коряцкой земель и Анадырского края. А. С. Полонскому за этот труд Советом

¹⁾ „Изв.“ 1873 г. Т. IV. №№ 4 и 5 и 1874 г. Т. V. № 1.

²⁾ Отчет за 1872 г., стр. 21.

³⁾ Отчет за 1868 год, стр. 247—258.

Русского Географического Общества была присуждена малая золотая медаль, а работа его была напечатана в „Записках“ Общества ¹⁾

П. А. Ровинский, известный своими исследованиями по этнографии и археологии славянства, предпринял в 1870 году поездку с научными целями вверх по Иркуту в Тункинский край, а затем также и на Оку. Помимо непосредственно занимавших его этнографических, филологических и археологических вопросов, Ровинский интересовался также и историей местностей, население которых он изучал. В своем „Сообщении о поездке на Тунку и на Оку“, сделанном в общем собрании Отдела ²⁾ Ровинский приводит между прочим результаты произведенного им обследования двух местных архивов — казачьего правления и мирской избы, документы которых хотя и не восходят дальше 70-х годов XVIII в., но за конец этого столетия и первую половину XIX-го дают возможность, хотя бы в общих чертах, изобразить прошлое Тунки, весьма для нас темное не смотря на то, что оно так не далеко от нашего времени. В следующем году Ровинским была предпринята подобная же поездка по Ангаре и по Лене. В отчете об этой поездке Ровинский также касается истории осмотренного им края между Ангарой и Леной. Главным образом он останавливается здесь на в высшей степени, по его словам, интересной истории, „в настоящее время лишенного всякого значения, заштатного городишки Илимска ³⁾“, являющегося в известной степени предшественником будущего Иркутска.

В 70-м году в Известиях был напечатан „Общий исторический обзор археологических изысканий в Сибири“, составленный д. чл. Н. И. Поповым ⁴⁾ и представляющий значительный интерес для всякого историка Сибири. Сделав в начале своей статьи общий обзор отдаленного прошлого племен и народов Сибири, теснивших и сменявших друг друга и оставивших на местах своего жительства следы своего существования в курганах, разного рода постройках и других памятниках, Попов далее излагает кратко историю завоевания и заселения Сибири, с особенным вниманием останавливаясь при этом на первоначальном знакомстве русских с древнейшими курганами и памятниками и на расхищении их, обратившемся у некоторых даже в своего рода промысел. После этого исторического введения автор переходит уже к

¹⁾ Отчет за 1869 г., стр. 60 и 61.

²⁾ Отчет за 1870 г., стр. 17—21. „Сообщение“ напечатано в „Изв.“ 1871 г. Т. I. № 4—5, стр. 31—52.

³⁾ Ровинский, П. А. „Между Ангарой и Леной“. „Изв.“ 1871 г. II. № 4, стр. 9—14

⁴⁾ „Изв.“ 1871 г. II. № 1—2, стр. 46—59.

непосредственно интересующему его вопросу—истории археологических исследований в Сибири с научными целями, начавшихся со времени Петра Великого.

Еще в 1869 году Совет Русского Географического Общества задумал непосредственно сам снарядить особую экспедицию в Амурский край специально для изучения амурских инородцев. Здесь, помимо различных этнографических вопросов, весьма важным представлялось произвести изыскания относительно находящихся многочисленных остатков старины, а также собрать возможно подробные географические и исторические сведения о соседних малоизвестных частях Манчжурии, Кореи и Монголии. Во главе экспедиции Советом Общества был поставлен член Сибирского Отдела архимандрит Палладий, бывший в то время начальником Пекинской духовной миссии, глубокие познания которого по части географии, истории и словесности Манчжурии, Китая и Кореи, по словам П. П. Семенова, представляли наилучшее ручательство в том, что поездка его принесет самые обильные и важные научные результаты. Независимо от археологических и этнографических исследований, явившихся в результате этой экспедиции, арх. Палладий сделал также интересную характеристику и исторического значения пройденной местности¹⁾.

Чрезвычайно плодотворна была в отношении интересующего нас вопроса относящаяся преимущественно к 70-м же годам деятельность д. ч. Отдела Вс. Ив. Вагина. Результатом этой деятельности явился целый ряд ценных работ в области исторического изучения Сибири²⁾. Наибольшее значение из всех исследований В. И. Вагина имеет обширный двухтомный его труд, более чем в 1500 страниц „Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год“ (СПб. 1872 г.)³⁾. А. Н. Пыпин в своем обозрении сибирской историографии называет этот труд Вагина особенно замечательной книгой⁴⁾. Материалами для этого сочинения, кроме печатных источников, послужили архивные дела Гл. управления В. С., дневник и переписка Сперанского, его отчет по обозрению Сибири и рассказы и записки старожилов. Независимо от описания административной деятельности самого Сперанского автор в своем сочинении дал, во первых, весьма интересно написанный очерк „Прошедшее Сибири“, в котором излагает предшествующую Сперанскому административную

¹⁾ Семенов, П. П. Назв. соч. ч. I, стр. 252—255.

²⁾ Перечень трудов Вагина см. Яковлева, К. А. „Все. Ив. Вагин. Библиография“. Изв. ВСОРО. 1889. XIX, № 5, стр. 83—96.

³⁾ Отчет ВСОРО за 1869 г., стр. 65 и за 1872 г. стр. 20.

⁴⁾ Пыпин, А. Н. „Сибирь и исследования ее. VIII. Сибирская историография“ В. Е. 1888 г. авг., стр. 667.

практику Сибири, а затем он посвятил целый ряд глав своего сочинения отдельным наиболее важным вопросам сибирской истории, как напр., положение края, поземельные дела, фабричная промышленность, торговля, народное продовольствие, ссыльные, дела об инородцах, и т. д. В рассматриваемом труде помимо чисто исторических данных находится множество статистических и этнографических сведений о Сибири 20-х годов XIX столетия. Кроме того труд Вагина снабжен массой приложений в виде выписок из всевозможных документов, которыми пользовался автор и большинство которых погибло в пожар 1879 года. Все это вместе взятое делает сочинение Вагина трудом, без которого положительно не может обойтись ни один исследователь истории Восточной Сибири первой четверти прошлого столетия.

Помимо только что рассмотренного сочинения Вагин написал и представил в Отдел еще целый ряд статей по истории Сибири. Так, в 1869 году он представил статью „Петр Добель в Камчатке и Петербурге. 1812—1817 г.г.“¹⁾. В следующем году Вагин представил интересную статью „Английские миссионеры в Сибири“. В этой статье изложена на основании документов архива Гл. управления В.-Сибири история пребывания сначала в Иркутске, а потом в Селенгинске, с 1817 по 1841 год, нескольких английских миссионеров, занимавшихся здесь с разрешения русского правительства изучением языков сибирских инородцев, переводом на эти языки св. писания и обращением инородцев идолопоклонников в христианство. Чрезвычайно характерна эволюция отношений к английским миссионерам местных властей, как гражданских, так и духовных, начиная с покровительственного и сочувственного в эпоху библейских обществ и кончая совершенно нетерпимым в 30-х годах²⁾.

В последующие годы Вагиным были написаны еще следующие статьи:—„Хвостов и Давыдов в Японии“,—„Дополнения и поправки к запискам Головина и Рикорда“, в которых находится много новых сведений о наших первоначальных сношениях с Японией; „Материалы к истории сибирского межевания“, в которых рассматривается история вопроса о разграничении Восточной и Западной Сибири³⁾; „Посольство графа Головкина в Китай в 1805 году“, написанная почти исключительно на основании вновь розысканных автором архивных данных, ярко рисующих это так постыдно окончившееся посоль-

¹⁾ Отчет за 1869 г., стр. 65.

²⁾ „Изв.“ 1870 г. I. № 4—5, стр. 69—77.

³⁾ Отчет за 1871 г., стр. 31. Последняя из указанных работ напечатана в „Изв.“ 1872 г. III, № 2, стр. 99—109.

ство, которому, как известно, пришлось возвратиться из Урги, не побывав даже в Китае¹⁾. И, наконец, краткий исторический очерк находящегося в Нижнеудинском уезде Николаевского железоделательного завода, представляющий собою первую главу работы, посвященной общему описанию названного завода²⁾. Работа В. И. Вагина в области изучения истории Сибири не ограничивается опубликованием только что перечисленных нами исторических его трудов. Кроме них Вагин, начиная еще с 1872 года, много поработал также над разборкой и чтением свитков второй половины XVII века, хранящихся в иркутском губернском архиве³⁾.

Чтобы закончить обзор исторических работ членов Отдела за 70-е годы надо упомянуть еще о сделанном членом Отдела и в то же время членом Пекинской духовной миссии иеромонахом Исаией переводе „Дорожника китайского чиновника Юй-цай, веденного им во время переезда от Пекина через Губэй-коу по Монголии в царствование императора Кон-си (1690 году)“. В этом дорожнике указаны между прочим развалины некоторых важных исторических городов, которые были или незамечены или оставлены без внимания всеми проезжавшими по Восточной Монголии нашими путешественниками, не исключая экспедиции Пржевальского⁴⁾.

В конце 70-х и в начале 80-х годов в области рассматриваемого нами вопроса по сравнению с предыдущими годами наблюдается почти полное затишье. Возможно, что в этом отношении известную роль сыграл иркутский пожар 1879 года. За все время можно указать, кажется, всего лишь на две статьи исторического содержания, напечатанные членами Отдела. Это, во первых, небольшая статья Б. В. Струве „К истории торговых путей в Восточной Сибири“, представляющая собой извлечение из его же собственной работы по этому вопросу, помещенной в журнале *Petermann'a*⁵⁾. И затем статья М. Я. Писарева „О народах Амурского края в историко-географическом и антрополого-этнологическом отношениях“⁶⁾. Помимо этих двух статей деятельность Отдела в области исторического изучения Сибири за указанное время выразилась еще в сообщении бывшего учителя иркутской гимназии И. В. Щеглова „Хронологический обзор первых страниц истории Сибири“, сделанном им в общем собрании Отдела 4 апр.

1) „Изв.“ 1872 г. III № 3, стр. 133—142 и № 4, стр. 173—185.

2) „Изв.“ 1887 г. XVII, стр. 92—149.

3) Отчет за 1872 г. стр. 20.

4) „Изв.“ 1872 г. III. № 4, стр. 213—223.

5) „Изв.“ 1880 г. XI. № 3—4, стр. 34—35.

6) „Изв.“ 1882 г. XIII. № 3, стр. 10—36.

1882 года¹⁾). Это сообщение было началом изданного Вост.-Сиб. Отделом в следующем году известного обширного (в 778 стр.) труда Щеглова „Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032—1882 г. г.“. Мечтая написать историю Сибири, Щеглов увидел, что для этого недостает еще многих предварительных работ, между прочим правильно установленной хронологии событий сибирской истории. Вследствие чего Щеглов и предпринял составление названного „Перечня“, который вышел в свет уже после преждевременной кончины автора, умершего еще молодым человеком. Книга Щеглова составляет полезное пособие для всякого занимающегося сибирской историей, в особенности для начинающего, так как она помогает ориентироваться среди массы повсюду разбросанного и несистематизированного материала по истории Сибири. К сожалению рассматриваемый „Перечень“ лишен указаний источников приводимых в нем фактов и как историческое руководство нуждается вообще в проверках²⁾). Но как бы то ни было, издание Отделом труда Щеглова представляет собою крупное явление в области деятельности его на поприще разработки истории Сибири.

В 1883—1884 годах в Отделе поднимался вопрос о необходимости принятия мер к охране, разборке и описанию весьма ценного старинного киренского архива. Но вследствие отчасти недостатка средств, а отчасти вследствие вообще вялости деятельности тогдашнего Распорядительного комитета Отдела никаких мер в этом отношении принято не было, а только по просьбе Отдела киренским исправником Крымским было составлено самое краткое описание этого архива. Не смотря на то, что Вагин представил в Отдел свое заключение, сделанное им на основании указанного описания, о большом историческом значении киренского архива, вопрос о нем тогда так и загдох³⁾).

С конца 80-х годов, с приездом в Иркутск Г. Н. Потанина и вместе с тем с избранием его правителем дел Сибирского Отдела, его деятельность оживляется, оживляется и загложая

¹⁾ Отчет за 1883 г., стр. 9.

²⁾ См. отзыв о труде Щеглова А. Н. Пыпина, „Сибирь и исследования ее. VIII. Сибирская историография“. В. Е. 1888 г. авг., стр. 665 и 666, а также разбор его в „Литер. Сб.“, изд. ред. „Вост. Обзор“, под ред. Н. М. Ядринцева. СПб. 1885 г. Библ.; стр. 477-488.

³⁾ „Изв.“, XVI, № 4—5, стр. 1, 2, 18, 27 и 37. О состоянии киренского архива имеется чрезвычайно интересный отчет покойного М. П. Овчинникова, командированного Иркут. уч. арх. комиссией в гор. Киренск в 1914 г. специально для осмотра тамошних архивов. „Тр. Иркут. уч. арх. ком.“. Вып. 3. 1915 г., стр. 339—389. В настоящее время от богатейшего киренского архива сохранилась лишь только часть дел XVIII столетия, перевезенная Овчинниковым в 1914 году в Иркутск. В самом же Киренске, по словам Овчинникова, оставалось еще около 1000 пудов. дел. По полученным нами несколько лет тому назад сведениям в Киренске уже тогда не осталось и следа от всего его архива.

в предыдущие годы историческая работа. В отчетах вновь появляются сведения о прочитанных докладах на различные исторические темы. В 1888 году д. чл. Писаревым был прочтен в отделении этнографии доклад „Зэггэтэ-аба—облава на зверей у древних бурят“, составленный на основании материалов, собранных Хангаловым; доклад этот, напечатанный в том же году в „Известиях“, дает массу интереснейшего материала по истории быта, а также и обычного права бурят¹⁾. В отделении статистики А. А. Ионин сделал доклад „Об экономическом положении населения Якутской области в XVII столетии“, составленный на основании столбцов Якутского воеводства, находившихся в библиотеке Отдела, а также и материалов по этому вопросу, найденных им в церковно-археологическом музее при Киевской Духовной Академии. И в этом докладе, также как и в предшествующем, приведено много чрезвычайно интересных исторических сведений о существовавших в XVII веке взаимоотношениях между победителями русскими с одной стороны и побежденными—тунгусами, якутами, юкагирами и отчасти бурятами—с другой. Отношения эти были крайне неприязненные. По свидетельству приводимых автором документов, относящихся к середине XVII-го века, „Якутские люди бороды драли русским,... всяко им ругались,... стреляли в избы служилых людей и повыбивали окна, порубили судовые снасти“ и пр., якутские и тунгусские люди вели такие похвальные речи: „много-де мы русских людей убивали и грабили и по сие время на нас ничто не бывало“... С другой стороны автор приводит сведения и об ужасающем грабеже инородцев, производившемся русскими сборщиками ясака²⁾. Затем в отделении статистики в том же году был заслушан обширный реферат К. П. Михайлова. „Переселенческое движение из Европейской России в Сибирь“; прежде чем перейти к обзору современных крестьянских переселений, докладчик представил исторический очерк переселенческого вопроса, начиная с конца XVI века³⁾.

В 1887 году Потанин и Ядринцев решили перенести издание „Восточного обозрения“ из Петербурга в Иркутск; в связи с этим обстоятельством оба эти замечательные человека переселились в Иркутск—Г. Н. Потанин осенью 1887 года, а Н. М. Ядринцев—в начале следующего года. По приезде в Иркутск и тот и другой приняли самое деятельное участие в

1) „Изв.“ XIX. № 3, стр. 1, 26 и 88. Отчет за 1888 г.. стр. 12.

2) Протокол засед. отд. стат. 2 апр. 1888 г. „Изв.“ 1888 г. XIX. № 3, стр. 93—95.

3) Протокол засед. отдел. стат. 10 сент. 1888 г. „Изв.“ 1888. XIX. № 4, стр. 62—69.

работе Отдела¹⁾. В нашем распоряжении имеется интересное письмо Григория Николаевича к одному из его иркутских друзей свящ. А. А. Ионину. В этом письме, написанном незадолго перед отправлением из Петербурга в Иркутск, Потанин пишет: „я уже строю планы, какие мы работы с вами заведем в Иркутске. Первое всего примемся за историю города Иркутска; это и интересно, потому что в историю этого города входит история первых проявлений общественной и умственной жизни сибирского общества, и потом такая история скорее другой может быть издана, так как, можно будет на издание получить средства от городской думы“²⁾. К крайнему сожалению необъятное количество дел, за которые взялся Потанин по приезде в Иркутск, лишило его возможности осуществить задуманную им историю Иркутска.

Что касается Н. М. Ядринцева, то хотя он, также как и Потанин, не был специалистом—историком, но, как известно, он всегда с огромным увлечением занимался различными историческими изысканиями и особенно историей народов, живших в Сибири до прихода сюда русских³⁾. И, кажется, у Ядринцева среди его многочисленных, как научных, так равно и публицистических работ нет ни одной, в которой мы не встретились бы с большим или меньшим экскурсом в область истории и притом основанном на самостоятельном и самом тщательном изучении источников.

Примером может служить главнейшее сочинение Ядринцева „Сибирь как колония“. Почти каждая глава его, наряду с описанием современного положения того или другого вопроса, представляет в тоже время и обстоятельную его историю. Здесь мы находим и историю колонизации Сибири, и историю инородческого вопроса, и историю управления в Сибири, историю ссылки, историю экономической жизни и т. д. Хотя „Сибирь как колония“ и была написана Ядринцевым еще к юбилею трехсотлетия русской Сибири и таким образом поя-

¹⁾ Потанин, будучи еще двадцатилетним юношей и живя в то время в Западной Сибири, с любовью уже занимался изучением Сибири и между прочим изучением и ее прошлого. Свою работу он начал с разборки старинных актов омского архива и, на основании добытых в этом архиве материалов, Потанин написал первые свои работы, посвященные истории Сибири, которые были напечатаны в „Вестнике“ Р. Г. О. В 1895 году им была напечатана статья „О торговле Томска в XVII в.“, а в 1860 г. „О числе жителей в Западной Сибири в XVIII в.“ (Семенов, П. П. Назван. соч. ч. I, стр. 281 прим. 1 и 457 прим. 3 и 4). В 1867 году Обществом Истории и Древностей Российских были изданы собранные Потаниным весьма важные для сибирской исторической науки „Материалы для истории Сибири“, представляющие собою прекрасно классифицированное собрание Сибирских исторических актов.

²⁾ Это письмо Потанина принадлежит фундаментальной библиотеке Иркутского университета, которой оно, в числе других документов, принесено в дар Н. С. Романовым.

³⁾ См. письма Н. М. Ядринцева к А. А. Ионину в „Сиб. Арх.“. 1914 г. № 5, стр. 222, а также его сочинение „Начало оседлости. Исследование по истории культуры угро-алтайских племен“. Литер. сборн. изд. ред. „Вост. Обзор.“ 1885 г., стр. 139—176.

вилась в свет еще до вступления Ядринцева в Вост. Сиб. Отдел, но в 1892 году, уже в бытность его членом ВСОРГО, сочинение это было им переработано, дополнено и издано вновь. В 1889 году Ядринцев напечатал в „Записках“ Р.Г.О. свое исследование „Статистические материалы к истории ссылки в Сибирь“¹⁾). В этой работе Ядринцев представил результаты своего самого детального изучения вопроса о ссылке в Сибирь с 1807 года по 1872 г. Для нее он в течение пятнадцати лет собирал материалы в архиве Приказа о ссыльных, находившегося сначала в Тобольске, а потом переведенного в Тюмень, и затем в архивах Главных управлений Западной и Восточной Сибири. Исследование это имеет большое значение как для истории Сибири, так и для истории русского уголовного права.

В 1890 году Отделом была организована экспедиция в Забайкалье под руководством Д. А. Клеменца для изучения быта бурят. Не ограничиваясь собиранием сведений о современном быте бурят, записью бурятских пословиц и поговорок и шаманских молитв, Клеменц занялся изучением и архивов местных степных дум, причем ему удалось извлечь из них сведения, во первых, о поземельных отношениях бурят, а затем также и об историческом развитии власти Бандидо-хамболамы. Найдены им были кроме того также и весьма любопытные известия о потомках тонгутов, переселившихся в Забайкальскую область вероятно в начале XVIII века, ко времени экспедиции уже слившихся с бурятами и образовавших особое небольшое племя тонгут-харганат²⁾).

К началу же 90-х годов относится изучение бурятской народности и еще одним членом Отдела. Проживавший в Селенгинске и занимавшийся изучением обычного права бурят кандидат прав М. А. Кроль в 1892 году, получив от В. Сиб. Отдела небольшую субсидию, совершил несколько поездок по Селенгинскому округу, причем ему удалось в архивах местных степных дум собрать представляющий интерес материал по брачному обычному праву бурят. Данные, приводимые Кролем, свидетельствуют о значительной эволюции степного обычного права под влиянием русского обычного права, воздействию которого оно подвергалось в течение примерно двух с половиною столетий³⁾). Кроль продолжал свои исследования и в следующие годы, результатом чего явилось еще несколько его работ по изучению быта бурят, причем неко-

¹⁾ „Записки“ И.Р.Г.О. По отд. стат. VI. 1889 г. стр. 311—396.

²⁾ Отчет за 1890 г. „Изв.“ XXIII. № 4—5, стр. 149—150.

³⁾ Отчет за 1892 год, стр. 14 и 15. Статья М. А. Кроля „Брачные обряды и обычаи Забайкальских бурят“ напечатана в „Изв.“ 1894 г. XXV. № 1, стр. 54—87.

торые из них, как напр. „Охотничье право и звериный промысел у бурят“, были в значительной степени посвящены истории данных вопросов¹⁾.

Д. чл. Отдела, директор иркутской мужской гимназии, Н. Н. Бакай в 1895 году опубликовал в „Известиях“ Отдела извлеченные им из хранящихся в б. Главном архиве Мин. Иностр. Дел. неистощимых портфелей Г. Ф. Миллера „Историко-географические материалы, относящиеся до Якутской области во второй четверти XVIII века“, представляющие собой собранные Миллером современные ему краткие описания города Иркутска и всех находившихся тогда в его ведомстве острогов, зимовий и прочих поселений²⁾.

Остановимся теперь на рассмотрении трудов д. чл. Отдела свящ. А. А. Ионина, о докладе которого, относящемся к Якутской области, мы уже упоминали выше. Ионин, еще с восьмидесятых годов занимавшийся изучением принадлежавших Отделу старинных столбцов, касающихся истории В. Сибири, в 1895 году закончил свой большой труд, написанный на основании разобранных им столбцов, а также и некоторых других архивных источников, и в том же году труд этот был напечатан в „Известиях“ под заглавием „Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века. (Г. Иркутска, Иркутского Вознесенского монастыря, Якутской области и Забайкалья)“³⁾. Обширная работа А. А. Ионина, состоящая свыше чем из 200 страниц, подразделяется на десять глав, к каждой из них приложены копии грамот и других документов, относящихся к рассматриваемому в ней вопросу. Как видно из подзаголовка работы, она касается истории города Иркутска, Иркутского Вознесенского монастыря, Якутской области и Забайкалья—в XVII веке. В частности в отношении Иркутска автору удалось выяснить совершенно новые данные из истории этого города во времена воевод Кислянского и Никалева. Сообщает автор много новых и интересных сведений, относящихся к первоначальной истории и Вознесенского монастыря. Отдельная глава посвящена им вопросу о постройке церквей в XVII в. в Сибири, их архитектуре, условиях постройки, ценах на рабочие руки и материалы и проч. Более половины всей работы посвящено изложению столбцов якутских; они яркими красками рисуют нравы, обычаи и порядки в Якутском крае по занятии его русскими. Подобный же характер имеют и приводимые автором акты, относящиеся к Селенгин-

¹⁾ „Изв.“ XXV. № 4 и 5, стр. 52—81.

²⁾ „Изв.“ XXV. № 4 и 5, стр. 82—94. Н. Н. Бакаю принадлежит значительное количество работ, относящихся к истории Сибири, но все они за исключением указанной нами, помещены были не в изданиях ВСОРГО, а в различных других.

³⁾ „Изв.“ 1895 г. XXVI. № 1—3. Прилож. Стр. 1—230+4+1 таблица.

скому, Нерчинскому и другим острогам Забайкалья. Важность труда Ионина заключается в том, что другие историки Сибири, так, напр., Словцов, Андриевич, совершенно не имели в своем распоряжении подобного архивного исторического материала, можно сказать, впервые после Миллера так широко использованного нашим автором. В силу этого работа Ионина навсегда останется одним из самых ценных источников для всех будущих историков Восточной Сибири. Другим трудом Ионина, также чрезвычайно важным, является его сочинение „Описание о поставлении городов и острогов в Сибири“, — представляющее собою критико-библиографический обзор неизданной сибирской летописи, найденной автором еще в 1883 году в одном рукописном сборнике XVIII столетия, принадлежавшем библиотеке Киево-Печерской Лавры. Над обработкой этой летописи Ионин трудился в течение многих лет. Ядринцев называет рассматриваемый труд Ионина капитальным, а материалы, в нем собранные, драгоценными¹⁾. К сожалению, при жизни Ионина его труд остался не напечатанным вследствие тяжело сложившихся для него обстоятельств в последние годы его жизни. Напечатан он был уже только после его смерти в „Сибирском Архиве“ за 1913 год²⁾.

В 1894 году Отделом была снаряжена, под руководством Д. А. Клеменца, известная якутская, так наз. Сибиряковская, экспедиция для исследования жизни и быта якутов. Участники экспедиции поделили между собою предстоявший ей труд все-стороннего изучения населения якутского края, взяв на себя каждый обследование его в том или ином отношении. Из числа вопросов, занимающих нас, — член экспедиции Н. А. Виташевский занялся исследованием юридического быта якутов, между прочим и его исторического развития. Д. И. Мельников взял на себя изучение криминальной психологии якутов на основании архивных материалов местных судебных и административных учреждений. А. Г. Левенталь — изучение экономической жизни якутов и не только в современных ее формах, но также и ее исторического развития со времени первой ясачной комиссии. В. И. Иохельсон, работавший в течение нескольких лет вместе с В. Г. Богоразом в Колымском округе над изучением преимущественно этнографии бродячих племен этого края, в то же время собирал и историко-географические сведения, относящиеся до изучавшейся ими местности³⁾. Присоединившийся через некоторое время к экспедиции С. К. Ко-

¹⁾ Письма Ядринцева к А. А. Ионину за 1886—87 г. г. „Сиб. Арх.“ 1914 г. № 5, стр. 221—227.

²⁾ „Сиб. Архив“. 1913 г. № 9—11, стр. 424—502.

³⁾ Отчет за 1894 и 1895 г. г. стр. 1—10.

валик, которому Отделом было поручено изучение специального вопроса о влиянии золотопромышленности на быт якутов, занялся попутно ознакомлением также и с прошлым якутов Олекминского и Киренского округов, для чего им были обследованы некоторые местные архивы¹⁾.

Работы Сибиряковской экспедиции закончились в 1896 году; результаты, достигнутые ею были, весьма велики. Общий материал, собранный Н. А. Виташевским, главным образом обнимал собою современное обычное право якутов, но значительная часть этих материалов касается и истории якутского обычного права²⁾. Виташевский по окончании экспедиции уехал в Одессу и там уже занимался обработкой собранных им в Якутии материалов. Результатом этой работы явилось его большое и весьма серьезное исследование, носящее по преимуществу исторический характер, — „Якутские материалы для разработки вопросов эмбриологии права“³⁾. Данные, пригодимые в сочинении Виташевского, представляются особенно интересными при сравнении их с соответствующими явлениями из истории древнего русского права.

Л. Г. Леверталь, в связи с изучением им истории экономических стеснений якутов и в частности истории землепользования и обложения, собрал значительное количество материалов по интересовавшему его вопросу в улусных архивах⁴⁾.

Работавший в Колымском округе В. И. Иохельсон, наряду с антропологическими, лингвистическими и бытовыми исследованиями тунгусов, ламутов и юкагиров, населяющих этот округ, имел своей задачей собрать и исторические сведения об этих племенах. В этом отношении ему удалось добыть материалы о древней юкагирской семье и древних юкагирских верованиях⁵⁾.

И, наконец, что касается Ковалика, то им, помимо непосредственно возложенной на него задачи изучения влияния золотопромышленности на быт местного инородческого населения, был собран и обработан материал также и по истории Олекминских якутов⁶⁾.

В 1900 г. Отделом выпущено было два об'емистых тома „Трудов“, содержащих исследование о буддизме д. чл. св. И. А. Подгорбунского, являющегося известным знатоком буддизма и авторитетом вообще в области монголоведения. Пер-

1) Отч. за 1894 и 95 г.г., стр. 10, 45 и 46.

2) Отчет за 1896 г., стр. 9—11.

3) Отчет за 1901—1903 г. г., стр. 117. Это исследование Виташевского напечатано в „Изв.“ Т. XXXIX. Прилож. стр. 1—82 и т. XL. Прилож. стр. 83—114.

4) Отчет за 1896 г., стр. 17 и отчет за 1897 г., стр. 13.

5) Отчет за 1896 год, стр. 21 и 22.

6) Отчеты за 1896 г., стр. 26 и 27 и за 1897 г., стр. 12.

вый том сочинения Подгорбунского посвящен специально истории буддизма¹⁾).

В 1902 году состоялась, организованная Отделом экспедиция члена Отдела Ф. Я. Кона в почти совершенно еще не изученную в то время страну урянхайцев или сойотов. В программу исследования этого племени Кон включил между прочим собрание и исторических сведений о нем. Результаты экспедиции были весьма ценны; у восточных сойотов путешественник нашел, например, остатки таких интересных с точки зрения истории права и социологии институтов, как архаический коммунизм и патриархат²⁾).

Вопрос о необходимости изучения местных архивов, не раз ставившийся Отделом, в начале 900-ых годов вновь занял видное место среди его работ. В 1902 году в составе В.-Сибирского Отдела на ряду с другими секциями была образована особая архивная комиссия. Председателем этой комиссии был избран известный своими исследованиями в области сибирской церковной истории преподаватель Иркутской духовной семинарии свящ. И. Н. Дроздов. Кроме него в архивную комиссию вошли: Н. Н. Бакай, Н. Н. Козьмин, А. М. Станиловский, М. П. Овчинников, Я. А. Корейша и др. чл.; архивная комиссия взяла на себя заботы по охране, а также описание и изучение, местных архивов³⁾. Преимущественное же внимание членов комиссии привлекал архив б. иркутского магистрата, находившийся в ныне разобранных Московских воротах⁴⁾. Комиссией было задумано научное описание этого архива по образцу того, как велось „Описание документов и дел, хранящихся в архиве Синода“. Хотя выполнить описание не только всех местных архивов, но даже и одного архива Московских ворот, комиссии не удалось, но все же в области изучения истории края ею кое что было сделано. Наиболее существенными из числа работ комиссии являются несколько докладов самого И. Н. Дрозда. В одном из заседаний комиссии в 1904 году им был сделан доклад на тему „Из быта сибирского духовенства начала XVIII века“. Докладчик, на основании имевшихся в его распоряжении архивных данных, изложил интересную историю борьбы между известным в свое время архимандритом иркутского Вознесенского монастыря Антонием Платковским и провинциал-инкви-

¹⁾ „Труды“ ВСОРГО. № 3. Подгорбунский, И. А. „Буддизм, его история и основные положения его учения. Вып. I. Очерк истории буддизма“. Иркут. 1900 г., 248 стр.

²⁾ Отчеты за 1901—1903 г. г., стр. 70 и 115.

³⁾ Прот. засед. архив. ком. 24 янв. 1903 г. Архив ВСОРГО. Св. 18. Опись 323. Дело архив. ком. 1902—1905 гг. л. 1 и 6.

⁴⁾ Описание архива, находившегося в Московских воротах, см. Птицын Влад. „Архивы Вост.-Сибири“. „Вестник Археолог. и Историч.“. 1888 г. Вып. VII, стр. 199—200. В настоящее время сохранившиеся остатки этого архива находятся в Иркут. губ. архив. бюро.

зитором иеродиаконном Иевлевым, окончившейся растрижением последнего¹⁾. В следующем году Дроздов сделал весьма интересное сообщение „О жизни и нравах местного духовенства и общества в Камчатке конца XVIII века“. Докладчик, на основании неопубликованных архивных данных архива иркутской духовной консистории, нарисовал яркую картину своеобразных нравов захолустного камчатского духовенства того времени, напоминающую собою сцены из жизни русского духовенства XVI века, о которых с болью говорил на Стоглавом соборе Иван Грозный в своих известных речах. И. Н. Дроздов приводит в своем докладе между прочим и любопытные факты, свидетельствующие об эксплуатации, которой подвергалось местное инородческое население не только со стороны торговцев, но и со стороны духовенства и администрации. Поездка якобы с миссионерскими целями превращалась, по словам докладчика, в обирание инородцев. Не отставали и представители власти. Следствие, наряженное над одними из них, вскрыло существование целой организованной шайки²⁾. Доклад И. Н. Дроздова, как на это указал еще и сам докладчик, красноречиво свидетельствует о том богатстве исторического материала, который скрывается еще в местных архивах. Помимо Дроздова сделаны были в архивной комиссии доклады и некоторыми другими ее членами. Так, например, в 1905 году Н. Н. Козьмин прочел об организации продовольствия в Сибири XVII века посредством системы „отпусков с Поморья“³⁾, которая состояла в том, что за отсутствием в то время в Сибири собственного хлебопашества, снабжение ее хлебом и другими продовольственными продуктами в конце XVI-го и в начале XVII-го века возложено было на Поморские города с их уездами. Тяглое население Поморья обязано было на своих подводах отвозить в Сибирь хлеб, толокно, крупу и проч. Повинность эта была невероятно тяжелой. Само московское правительство в 1626 году признается, что „многие подводы назад от Сибири до поморских городов не дохаживали“. Тогда же член соревнователь А. И. Кытманов представил в Отдел извлеченные им из архива енисейского музея „Материалы для истории Енисейского округа“, заключающие в себе ряд указов Енисейской провинциальной канцелярии середины XVIII столетия⁴⁾.

Интересным моментом деятельности архивной комиссии В.-Сибирского Отдела является обсуждение ею вопроса об

¹⁾ Отчет за 1904 г., стр. 19.

²⁾ Цитир. дело архив. ком. л. 21.

³⁾ Отчеты за 1905—1906 г.г., стр. 9.

⁴⁾ Ibid., стр. 96 Напечатаны в „Изв.“ 1914 г. XIII, стр. 39—63.

организации охраны памятников местной старины. Вопрос этот был поднят вследствие предложения министерства внутренних дел обсудить, выработанный учрежденной при министерстве особой комиссией, проект основных положений об охране древних памятников и зданий. Архивная комиссия отметила, что имеющиеся в крае памятники старины не только не охраняются должным образом, но будучи разбросаны на больших пространствах, они не приведены даже в достаточную известность. Каких либо специальных органов, в число обязанностей которых входила бы подобная работа, как например ученые архивные комиссии, в то время в Сибири еще не существовало. Члены комиссии признали целесообразным предположение министерства учредить окружные охранительные органы, при чем они находили нужным разделить Сибирь на три округа зап.-сиб., вост.-сибирский и амурский в соответствии, во первых, с существующим административным делением Сибири и, во вторых, в соответствии с существующими отделами географического общества и их подотделами, на которые, а равно также и на музеи — тобольский, томский, минусинский, енисейский и нерчинский, комиссия полагала возложить, если не целиком, то хотя бы отчасти обязанности по охране памятников старины. Дабы работа этих органов в области охраны получила практическое значение, комиссия полагала при всех трех отделах общества учредить особые должности инспекторов археологов, на каковые должны были быть назначаемы лица со специальной научной подготовкой. Инспекторы-археологи организуют институт корреспондентов по охране памятников старины, которому в свою очередь предоставляются известные полномочия не только наблюдательного, но и исполнительного характера. Инспекторы — археологи имеют своей задачей не только охранение памятников, но и изучение их. Под их руководством создаются группы местных любителей-исследователей. Вместе с тем комиссия считала необходимой работу по широкому ознакомлению населения со значением памятников старины и важностью их сохранения, так как пока население не воспитает в себе уважения к памятникам, все отдельные меры, направленные на их охранение, будут иметь ничтожное значение. Сверх всего этого члены комиссии признавали необходимым условием возможности осуществления охраны памятников ассигнование с этой целью особых средств, т. к. без этого исключается какая либо возможность охраны¹⁾.

К вопросу об охране старины Отдел не раз возвращался еще и в последующее время. Значительный вклад в изучение

¹⁾ Отчет за 1905—1909 г., стр. 9—12.

истории Сибири сделал член отдела Н. Н. Козьмин, об одной из работ которого мы уже упоминали выше. Н. Н. Козьмину принадлежат следующие работы в области истории Сибири, написанные им в качестве члена В.-Сибирского Отдела и большая часть которых опубликована в его изданиях: „Хлеб за ясак¹⁾“, „Администрация государевой пашни в Сибири XVII в. (из истории русской колонизации)²⁾“ и уже упоминавшийся нами доклад „Организация продовольствия в Сибири XVII в.“. Помимо только что указанных трех статей, относящихся к экономической истории Сибири XVII в., Козьминым была опубликована в „Известиях“ в 1903 г. интересная работа „Из прошлого Сибири (бывший генерал-губернатор Восточной Сибири С. Б. Броневский и его мемуары³⁾“, для которой он использовал хранившиеся в Императорской Публичной Библиотеке обширнейшие записки самого Броневского. Броневский служил в Сибири с 1808 г. по 1837 г., причем последние три года был генерал-губернатором Восточной Сибири. Его мемуары содержат массу фактического материала и вследствие этого, особенно при скудости источников для истории Восточной Сибири и, в частности, самого Иркутска за первые десятилетия XIX века, имеют первостепенное значение. В вышедшем в 1916 году томе „Известий“, посвященном памяти Д. А. Клеменца, Козьминым была напечатана статья об историко-этнографических исследованиях Клеменца в Минусинском крае, в которой он останавливается на истории киргизов и на основании анализа источников вносит некоторые поправки в соображения, высказанные Клеменцом по данному вопросу⁴⁾. Затем Н. Н. Козьминым были составлены по поводу исполнившегося в 1901 году — 50-летия существования В.-Сибирского Отдела „Исторический очерк деятельности“ этого Отдела и по поводу исполнившегося в том же году 25-летия со дня смерти А. П. Шапова — речь „Афанасий Прокопьевич Шапов, его жизнь и деятельность“, произнесенная в общем собрании Отдела, посвященной памяти Шапова 4 марта 1901 года⁵⁾. И, наконец, в 1925 году Н. Н. Козьмин поместил в издаваемой Отделом „Сибирской Живой Старине“

¹⁾ Доклад, прочит. в 1897 г. в засед. секции этнографии. Отчет за 1897 г., стр. I. Напечатан в сб. статей Н. Н. Козьмина „Очерк прошлого и настоящего Сибири“ СПб. 1910 г., стр. 1—13. Реденз. этого сборника см. ст. Эть-Пэ „Прошлое Сибири (потребность в изучении его)“ Рус. Ст. 1912 г. июнь, стр. 551—554.

²⁾ Доклад прочит. в 1899 г. Отчет за 1899 г., стр. 3. Напечатан в „Изв.“ XXXIV. 1903 г. № 2, стр. 149—165 и затем перепечатан в указан. сборнике.

³⁾ „Изв.“ XXXIV 1903 г. № 1, стр. 69—97 и назв. сбор. ст., стр. 34—67.

⁴⁾ Козьмин, Н. Н. „Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае“. „Изв.“ XLV. 1916 г., стр. 35—64.

⁵⁾ Отчет за 1901 год, стр. 9—35. Очерк деятельности Отдела, напечатан в „Изв.“ XXXV. 1904 г., № 2, стр. 1—43. Речь о Шапове напечатана отдельной брошюрой и кроме того в назв. сб. статей Козьмина, стр. 102—160.

историко-этнографический очерк "К вопросу о времени водворения бурят около Байкала", в котором на основании изучения памятников "живой старины" бурят, а также и других источников, он приходит к выводу, что всего вероятнее — переселение бурят в Прибайкалье произошло в первой половине XIV-го века¹⁾.

Вернемся назад к 1905 году. После этого года в деятельности Отдела, по крайней мере в области рассматриваемого нами вопроса, происходит приблизительно лет на пять почти полная остановка. За целый ряд последующих лет мы не можем отметить в „Известиях“ Отдела ни одной статьи исторического содержания. Пробуждение этой заглушенной деятельности начинается лишь с 1910 года, когда в „Известиях“ появилась написанная И. И. Серебренниковым биография „Иркутского летописца П. И. Пежемского“, в которой автор собрал между прочим все имевшиеся сведения об иркутских летописях²⁾.

Следующий год в жизни Отдела ознаменовался выпуском в свет в виде отдельного издания „Иркутской летописи“ П. И. Пежемского и В. А. Кротова³⁾. Летопись Пежемского, как известно, начинается с 1652 года, когда сыном боярским Иваном Похабовым близь устья реки Иркут, на Дьячем острове, было построено зимовье для сбора ясака с окрестных бурят и для защиты от их набегов. Этот именно год и принято считать за год основания города Иркутска. Доводит свой рассказ летопись Пежемского до 1807 года, а с этого года начинается уже летопись Кротова, в свою очередь оканчивающаяся на 1856 году. Все интересующиеся историей города Иркутска должны быть чрезвычайно благодарны Вост.-Сибирскому Отделу Г.О. за это издание летописи Пежемского, так как пользоваться прежним ее изданием, разбросанным по массе номеров „Ирк. губ. вед.“ за целый ряд лет, было крайне затруднительно.

В том же году д. чл. Ф. К. Боржимский прочел доклад „Краткий исторический очерк Китая, его политическая жизнь, памятники старины, иероглифическая письменность и положение китайского языка среди языков мира⁴⁾“, а И. И. Серебренников сделал сообщение о памятниках старины в Приленском крае и о мерах к их сохранению. Как на наиболее

1) „Сиб. Жив. Стар.“ В III—IV. 1925 г, стр. 113—128.

2) „Изв.“ XII, стр. 1—9. Что касается работы Виташевского о якутских материалах эмбриологии права, печатавшейся в „Изв.“ за 1908 и 1909 г.г., то она, как мы уже знаем, есть результат работы прежних лет.

3) „Труды“ ВСОРГО. № 5. „Иркутская Летопись. (Летопись П. И. Пежемского и В. А. Кротова). С предисловием, добавлениями и примечаниями И. И. Серебренникова. Ирк. 1911 г. 418 стр.

4) Отчет за 1911 г., стр. 16.

ценные среди этих памятников докладчик указал на старинные шатровые деревянные церкви, уцелевшие еще во многих местах этого края, напр. в с. Верхоленском, Качуге, Знаменском и др. Интересными памятниками являются также старинные дома в целом ряде сел этого края, которые по мнению Серебренникова построены еще выходцами Вологодской губернии. Помимо архитектурных памятников докладчик сообщил и об осмотренных им нескольких старых волостных архивах, как, например, качугском, селкском и нек. др., могущих, по его словам, пролить много света на историю заселения Сибири¹⁾.

Весьма значительное оживление в работу Отдела в области интересующего нас вопроса внес 1912 год. В этом году членами Отдела был прочитан целый ряд публичных лекций и докладов, причем многие из них на темы, касающиеся истории Сибири. Так лекция В. М. Анучина была посвящена вопросу о „Сибири в прошлом и настоящем“, И. И. Серебренников прочел доклад „Иркутск в старину“²⁾. Г. Б. Бархиным был сделан доклад по вопросу об охране памятников старины и в частности о принятии мер к охранению иркутских Московских ворот³⁾.

Затем в общем собрании 27 октября 1912 года правителем дел Отдела Ф. Г. Ширяевым был прочитан составленный им по поручению Распорядительного комитета доклад на тему „Университет в Иркутске“, в котором докладчик изложил в общих чертах историю университетского вопроса в Сибири, а затем указал и на те современные условия жизни В.-Сибири, которые настоятельно требуют учреждения здесь своего университета⁴⁾. Доклад Ширяева вызван был возникшим в этом году предположением правительства учредить в Иркутске сельско-хозяйственный институт. Вопрос этот в Иркутске обсуждался в различных общественных организациях. Очень серьезно отнесся к нему и В.-С. Отдел Г. О., где он обсуждался довольно продолжительное время, причем часть членов Отдела считала вполне целесообразным открытие здесь сельско-хозяйственного института, большинство же членов полагало что, независимо от открытия в Иркутске того или иного специального высшего учебного заведения, необходимо было возбудить ходатайство об открытии здесь также и университета. Весьма любопытно отметить, что рассматриваемому

1) Прот. общ. собр. 5 нояб. 1911 г. Отчет за 1911 г., стр. 203.

2) Отчет за 1912 г., стр. 5—7, 81 и 114.

3) В несколько дополненном виде доклад Бархина, под заглавием „По вопросу о реставрации Московских ворот“ был напечатан в „Тр. Ирк. учен. арх. ком.“ Вып. I. 1913 г., стр. 146—161.

4) Отчет за 1912 г., стр. 12—14 и 115. Доклад Ширяева „Университет в Иркутске“ напечатан в „Изн.“ 1915 г. XLIV, стр. 239—266.

докладу суждено было сыграть известную роль в истории возникновения Иркутского университета. В деле архива б. Министерства Народного Просвещения с делом об учреждении иркутского университета подшит отдельный оттиск доклада В. Г. Ширияева с резолюцией министра народного просвещения гр. Игнатьева— „благодарить автора и приобщить к материалам об учреждении высших учебных заведений в империи¹⁾“. Этим докладом, мож о сказать, начинается вопрос об открытии университета в Иркутске и таким образом Вост.-Сибирский Отдел Русского Географического Общества внес свою лепту в дело создания университета в Восточной Сибири.

Все в том же 1912 году было выполнено членами Огдела и еще несколько и притом весьма важных исторических работ. Наш современный иркутский летописец Н. С. Романов закончил в этом году и представил в Огдел для напечатания составлявшуюся им в течение многих лет „Иркутскую летопись за 1857—1880 г.г.“, являющуюся продолжением „Летописи“ Пежемского и Кротова. „Летопись“ Романова вышла из печати в 1914 году и представляет собою объемистый том, свыше 400 страниц²⁾.

Затем, находившийся в то время в Иркутске в ссылке историк Н. А. Рожков на основании изучения материалов хранящегося в Огделе архива Макаровского волостного правления Киренского уезда написал и представил в Огдел свою работу „К истории народного хозяйства в Сибири. Экономический быт Макаровской волости Киренского уезда в конце XVIII и первой половине XIX века³⁾“. Исследование Рожкова представляет собою пример того, как много историк—специалист может извлечь из материала, казалось бы на первый взгляд, не заслуживающего никакого внимания. В результате изучения архива ничего не значущего волостного правления явилась интересная и приводящая к широким выводам работа по экономической истории Сибири.

Необходимо упомянуть об изданных Огделом в 1912-же году „Записках“ покойного его члена А. М. Станиловского. Будучи естественником по призванию, Станиловский в то же время интересовался местной историей и археологией. Среди оставшихся после него бумаг сохранилась между прочим программа истории Иркутска, очерк истории иркутской

¹⁾ Центр. архив, Ленинградск. отд. Ист.-культур. секция. Дело департ. нар. просв. М. Нр. Пр. 1915 г. № 156—„Об открытии университета в Иркутске“.

²⁾ „Труды“ ВСОРО № 8. „Иркутская летопись. 1857—1880 г. (Продолжение „Летописи“ П. П. Пежемского и В. А. Кротова)“. Составил Н. С. Романов. Под редакцией члена Огдела И. И. Серебrenникова. Ирк. 1914 г., стр. 410 XV. Реценз. „Летописи“ Романова см. Ист. В. 1915 г. март, стр. 996 и 997.

³⁾ Отчет за 1912 г., стр. 14 и 15. Исследование Н. А. Рожкова напечатано в „Изв.“ 1915 г. XLV, стр. 39—90.

Крестовской церкви и ее кладбища, описание некрополя Знаменского монастыря и пр. В самих „Записках“ помещены между прочим интересные заметки о раскопках, производившихся в 1902 году в Иркутске близ Спасской церкви около того места, где находился „рубленный город“. Здесь на глубине всего лишь 35 сантиметров было обнаружено старинное кладбище, относящееся по всей вероятности еще к первым десятилетиям существования Иркутска. Кроме того в „Записках“ напечатано было довольно много разобранных Станиловским столбцов XVII века, относящихся также к истории Иркутска¹⁾.

Все в том же 1912 году, оказавшемся столь продуктивным в отношении исторической работы, в Отделе снова был поднят вопрос о необходимости охраны и изучения памятников старины. По инициативе д. чл. И. Ф. Исцеленнова Распорядительный комитет Отдела в октябре этого года постановил организовать особую комиссию по изучению местных памятников старины под председательством самого Исцеленнова и при участии И. И. Серебренникова и Г. П. Бархина²⁾. Одним из результатов деятельности, если не всей комиссии, то по крайней мере одного из ее членов Серебренникова, явился изданный Отделом в 1915-м году альбом „Памятники старинного деревянного зодчества в Иркутской губернии“, снабженный статьей Серебренникова по истории церковной архитектуры в этой губернии³⁾.

Помимо всех выше уже отмеченных нами работ неутраченного И. И. Серебренникова⁴⁾ надо указать еще на его интересный по обилию собранного в нем исторического материала доклад „Первоначальное заселение Иркутской губернии“, прочитанный им в общем собрании членов Отдела весной 1914 года, а затем и напечатанный в „Известиях“⁵⁾. В Известиях за 1916 год обращает на себя внимание небольшая статья А. В. Пруссак „О несвободном населении Восточной Сибири во второй половине XVII века“. Из фактов, приводимых автором и относящихся преимущественно к Якутской области, видно, что здесь в указанном столетии было довольно широко распространено кабальное холопство инородцев, не

¹⁾ „Труды“ ВСОРГО. № 7. „Записки Антона Михайловича Станиловского. С биографическим его очерком“. Ирк. 1912 г. Предисловие и стр. 178—191.

²⁾ Отчет за 1912 г., стр. 105.

³⁾ Серебренников, И. И. „Памятники старинного деревянного зодчества в Иркутской губернии“. Ирк. 1915 г., изд. ВСОРГО, т. 4^е, стр. 11 + 10 лист рисунков.

⁴⁾ И. И. Серебренникову принадлежит целый ряд очерков по истории Иркутска и Иркутского края, напечатанных еще и в других изданиях помимо изданий ВСОРГО. Среди них наибольшее значение имеет его статья—„Иркутская губерния в изображении Чертежной книги Семена Ремезова“. „Сиб. Архив“ 1913 г. № 4, стр. 169—190.

⁵⁾ „Изв.“ XLIV. 1915 г., стр. 197—224.

смотря на неоднократные запрещения его московским правительством¹⁾.

Война 1914—18 г.г. и начало революции неизбежно и очень чувствительным образом отразились на работе Отдела. Исследовательская деятельность его приостановилась на несколько лет. Что касается вопроса об охране памятников старины, то этот вопрос, как мы уже видели, еще и до времени революции находился в крайне неудовлетворительном состоянии, с наступлением же гражданской войны большинство памятников старины оказались в опасном положении, ибо им каждую минуту могло угрожать совершенное уничтожение.

В эти годы погиб даже такой замечательный исторический памятник Восточной Сибири как Якутский острог, большая часть остатков которого, дожившая до наших дней с XVII столет., была в 1922 году распилена на дрова для местной электрической станции²⁾.

В июне 1922 года иркутским коммунальным отделом был поднят вопрос о сломке находившихся в Иркутске на берегу Ангары Триумфальных Московских ворот. Хотя в данном случае причиной необходимости сноса этого памятника явилась угроза их падения и в то же время невозможность уже приведения их в безопасное положение, но как бы то ни было подлежал уничтожению интересный архитектурный памятник иркутской старины и Отдел, конечно, не мог обойти молчанием этот факт³⁾. Неоднократно обсуждался этот вопрос с участием специалистов и приняты были все меры к их обмеру, зарисовке, фотографированию.

Сильно пострадали и краевые архивы. Не смотря на угрозы Революционной власти даже смертной казнью за расхищение архивов, некоторые из них за первые годы революции погибли бесследно. В числе их был уничтожен между прочим и киренский архив, о котором нам приходилось говорить уже выше, а также и некоторые другие⁴⁾.

В виду всех приведенных обстоятельств в одном из общих собраний Отдела в 1922 году было решено создать в составе Отдела особую историческую секцию, задачей которой должно было быть, во первых, изучение прошлого Сибири, а во

¹⁾ Изв. XV. 1916 г. стр. 212—218.

²⁾ „Ленский коммуналь“. 1922 г. № 55 (418). Хроника. Заметка—„На дрова“.

³⁾ Арх ВСОРГО. Св. 27. Опись 570. Дело 1922 г. № 14—„О сломке Московских ворот в Иркутске“.

⁴⁾ О судьбах сибирских архивов за годы революции на первом В. С. краеведческом съезде, происходившем в Иркутске в январе 1925 года, было сделано два доклада—Б. Г. Кубаловым, „Архивное дело в крае“ и В. П. Гирченко „Архивное дело в Бурятии“. „Бюлл. ВСОРГО“ № 6, 1925 г., стр. 71 и 137. См. также заметку Н. С. Романова о состоянии архивов в годы революции в Буравтобласти. „Этногр. Бюлл. ВСОРГО“ № 1, 1922 г., стр. 9—11.

вторых. охрана памятников местной старины, в чем бы они не заключались. Решив организовать специально историческую секцию с указанной компетенцией, Отдел рассчитывал на широкое участие в ее работах представителей открытого в Иркутске за несколько лет перед тем университета, среди профессорско-преподавательского состава которого были различные специалисты—историки, археологи, историки искусства и историки права, которые могли бы быть весьма полезны секции. 20-го октября 1922 года уже состоялось первое организационное заседание новой секции. Для выполнения возложенной на секцию задачи по охране памятников старины она согласно особого положения, составленного для нее, должна была:—1) собирать сведения о местах нахождения этих памятников, 2) регистрировать и изучать их и публиковать результаты своих исследований, 3) для пропаганды идей необходимости охраны памятников старины и в том числе архивов, а также и для распространения интереса к ним в широких кругах населения, секция должна была устраивать научно-популярные лекции, вести собеседования и т. п.¹⁾.

В начале 1923 года председателем секции был избран Б. Г. Кубалов, внесший в ее деятельность значительное оживление. Сам Кубалов в течение уже довольно многих лет занимался изучением вопроса о пребывании декабристов в Восточной Сибири. Этому вопросу и был преимущественно посвящен целый ряд докладов, сделанных им в заседаниях секции, а также и в общих собраниях Отдела. Так, напр., он прочел доклады: „А. Л. Кучевский и письма к нему декабристов“²⁾, „Особый Комитет 1826 г.“, „Амнистия 1856 г. и декабристы“, „Крестьяне в Восточной Сибири и декабристы“³⁾ и ряд других. По поводу празднования 100 летнего юбилея декабрьского восстания Кубаловым в общем собрании Отдела, посвященном этому событию, был сделан доклад „Сибирское общество и декабристы“⁴⁾. Ко дню этого юбилея ВСОРГО предполагало выпустить отдельной книгой все работы Б. Г. Кубалова о декабристах, но осуществить это издание не удалось и оно было сделано Ирк. губ. арх. бюро⁵⁾. Отделу же пришлось ограничиться изданием в виде отдельной брошюры статьи Кубалова „Декабристы в Иркутске и на ближайших к нему заводах“. Все работы Кубалова о декабристах написаны

¹⁾ Справка об организации, состоянии и работе исторической секции до 1 января 1923 г. Архив ВСОРГО. Св. 28. Опись 579. „Дело с перепиской с секциями“ л. л. 32—35.

²⁾ Напечат. в сб. „Тайные общества в России в нач. XIX ст.“ Истор. революц. биб. жур. „Каторга и ссылка“, № 1, М. 1926 г.

³⁾ Сб. „Сибирь и декабристы“ Ирк. 1925 г.

⁴⁾ „Кат. и Сс.“ 1925 г. № 8.

⁵⁾ Кубалов Б. „Декабристы в Восточной Сибири. Очерки“. Изд. Ирк. губ. архбюро. 1925 г. 216 стр.

им на основании богатых и почти ни кем до того времени еще неиспользованных материалов б. архива иркутского генерал-губернатора, в котором хранятся дела декабристов, бывших на каторге и в ссылке в Восточной Сибири¹⁾. В этой свежести сообщаемого материала и заключается главным образом ценность относящихся сюда работ нашего автора, вообще много потрудившегося для изучения сибирского периода жизни декабристов²⁾.

Кроме работ Б. Г. Кубалова за рассматриваемое время можно отметить еще целый ряд докладов, сделанных и другими членами исторической секции. Напр., доклады Н. С. Романова— „О сибирском библиофиле Юдине“ и о „Календарях старого Иркутска и записях в них“; К. П. Красильниковой— „Проекты колонизации Амура славянами“, А. Михайловской, М. К. Одинцовой и М. М. Трофимовой, посвященные декабристам, и др. Необходимо также упомянуть еще о совершенных за последние годы некоторыми из членов секции поездках и экскурсиях для изучения тех или иных вопросов, входящих в сферу научной деятельности секции. Так И. И. Веселов ездил в устье реки Селенги и в с. Лиственничное для изучения истории заселения этих районов; К. П. Красильникова ездила в Балаганск и Малышевку для сбора сведений о декабристах Тантыкове и Дружинине; В. Е. Дербина в село Олонки, Усолье и Александровский завод для сбора же сведений о декабристах Раевском и Громницком. Что касается экскурсий, то они предпринимались членами секции в расположенные вокруг Иркутска села и деревни, где жили на поселении декабристы, как напр., Урик, Большая и Малая Разводные, Смоленщина и др. Организатором и руководителем этих экскурсий был Б. Г. Кубалов. Нельзя не признать, что указанные экскурсии дали значительные результаты, были, напр., розысканы неизвестные до того или затерянные могилы братьев Борисовых и Бечастного; со слов стариков, помнящих еще декабристов, произведены записи о некоторых подробностях их жизни на поселении и таким путем собраны новые интересные данные о Юшневском, Муравьеве, бр. Борисовых и некоторых других декабристах³⁾.

И, наконец, говоря о занятиях членов исторической секции за последнее время, нельзя не сказать хотя бы лишь несколько слов еще об одной работе, которая, правда, пока

¹⁾ Описание дел декабристов, хранящихся в этом архиве, дано Б. Г. Кубаловым в статье „Архив декабристов“, напеч. в сб. „Сибирь и декабристы“. Иркут. 1925 г. стр. 183—207.

²⁾ См. рецензии его работ: Б. Николаевского в журн. „Былое“, за 1920 г. № 15; проф. В. И. Огородникова в „Сиб. Огнях“ за 1925 г. № 6; Полонского в журн. „Кр. Архив“ 1925 г. № 10; М. В. Нечкиной в журн. „Историк Марксист“ 1926 г. № 2, и мн. др.

³⁾ Отчет ВСОРГО с I/V. 1924 г. по I/X: 1925 г., стр. 172 и 175.

скрывается, т. сказ., еще в недрах секции, но возможно, что в скором времени уже и появятся ее результаты. Это работа по истории города Иркутска. Большинство наиболее крупных сибирских городов уже имеет свои истории. Иркутск же, не смотря на многие попытки в этом направлении, своей писаной истории еще до сих пор не имеет. Работой над этим вопросом заняты члены Отдела Н. С. Романов, а в известной степени также и автор настоящего очерка. Н. С. Романов, будучи иркутским старожилом и знатоком иркутской старины, за долгие годы своей жизни в Иркутске накопил много материалов по его истории¹⁾. За последнее время он приступил уже к приведению этого материяла в порядок, после чего рассчитывает приступить к писанию уже и самой истории Иркутска. Таким образом можно надеяться, что в недалеком будущем мы будем иметь историю Иркутска, хотя бы за первоначальное время его существования, написанную таким знатоком ее, как Романов.

Что касается автора настоящих строк, то он в течение последних двух—трех лет также собирает материалы по истории Иркутска. Им уже составлена, пока находящаяся в рукописи, библиография истории Иркутска от его возникновения до 60-х годов XIX столетия, а также собран и материал для этой истории за указанное время.

В таком виде в общих чертах представляются результаты 75-летней деятельности В.-Сиб. Отдела Р. Г. О. по изучению прошлого В. Сибири. Весьма интересным было-бы, сопоставить результаты, достигнутые в этом отношении ВСОРГО, с тем, что сделано в этой же области и за то же время вообще в русской исторической науке и таким образом определить долю участия членов ВСОРГО в общей работе по изучению истории Сибири. К сожалению, условия ограниченности места не позволяют нам сделать подобное сравнение. Но даже и без этого, если только вспоминать работы Сельского, Шапова, Вагина, Ионина, Щеглова, Виташевского, Серебренникова, Романова, Козьмина, Кубалова и нек. др. членов Отдела, то необходимо будет признать, что сделано им все же не мало. И особенно надо будет это признать, если принять во внимание, что специалистов среди членов Отдела было весьма немного.

¹⁾ Н. С. Романову принадлежит целый ряд очерков и заметок по истории Иркутска по большей части напечатанных в „Сиб. Архиве“ и „Сиб. Летописи“ под псевдонимом Н. Мокеев. Как, напр., „Пожар иркутский в 1879 г. и его предшественники“, „Периодическая печать г. Иркутска“, „Пасхальные увеселения в Иркутске“, „Иркутское Иерусалимское кладбище“ и др. На первом В. С. Краеведческом съезде Романовым был сделан доклад „Старый Иркутск“. „Бюлл.“ ВСОРГО. № 6, стр. 137.

Стремясь, даже и при этих условиях, к достижению наибольших результатов своей деятельности, историческая секция составила на предстоящее пятилетие план своей будущей работы. Этот план всесторонне охватывает изучение истории края и намечает ряд вопросов, которые должны быть проработаны членами секции в первую очередь. Равным образом названный план предусматриваемого и изучение памятников старины в нашем крае.

Для осуществления намеченного плана работ предположено составить для проработки виднейших групп вопросов особые инструкции, напр. по истории промыслов и промысловых сел и пр.

Надо надеяться, что при внесении в работу исторической секции подобной организованности и планомерности, и в то же время в виду принятия участия в ней за последнее время довольно многих представителей Иркутского университета, работа секции приобретает более интенсивный характер и будет еще более продуктивной, чем была до сего времени.

Краткий обзор ботанических исследований ВСОРГО в Восточной Сибири.

1851—1926.

Начало изучения обширной территории Восточной Сибири в естественно-историческом, в частности в ботаническом отношении, было положено знаменитыми путешествиями Гмелина, Крашенинникова, Стеллера, Георги, Палласа, Миддендорфа, Турчанинова и др.

Эти путешествия, давшие обширнейшие ботанические материалы и впервые познакомившие ботаников с флорой Восточной Сибири, были все же только первыми вехами в деле изучения края в ботаническом отношении и, конечно, не исчерпывали всего богатства его растительного мира. Огромные пространства Восточной Сибири к середине прошлого столетия все еще оставались вне круга научных исследований, представляя в полном смысле слова *terrae incognitae*.

Основанному в 1851 году Восточно-Сибирскому Отделу Русского Географического Общества открывалось, таким образом, обширное поле для научной работы и Отдел, как в лице своих отдельных членов, так и в работе снаряженных им экспедиций, сделал не мало в деле изучения природы нашей обширной окраины, оставив значительный след в истории изучения флоры Восточной Сибири ¹⁾.

Первой крупной экспедицией, снаряженной Восточно-Сибирским Отделом, в задачи которой входили и ботанические исследования, была Вилюйская экспедиция, под начальством Маака Р. К., совершенная им в 1853-54 году. Эта экспедиция была задумана Отделом еще в 1852 году, т. е. на второй год после учреждения Отдела. Побудительной причиной снаряжения экспедиции послужило предполагаемое богатство Вилюйского края железом, соляными залежами, драго-

¹⁾ При составлении настоящей статьи, наряду с оригинальными работами, мною были использованы работы: Литвинова—«Библиография флоры Сибири» и Бородина—«Коллекторы и коллекции по флоре Сибири».

ценными камнями и золотыми россыпями. На начальника экспедиции д. чл. О-ла Р. К. Маака была возложена обязанность исследовать край в естественно-историческом, этнографическом, статистическом и метеорологическом отношении. Кроме Маака в экспедиции приняли участие: топограф Зандгаген, ботаник Павловский и препаратор Фурман—участник Охотской экспедиции Миддендорфа. Два последние члена экспедиции, на ряду с другими работами, занимались сборами и ботанического материала (Подробный маршрут экспедиции см. статью проф. Лаптева в настоящем сборнике).

В результате работ Вилюйской экспедиции был собран обширный гербарий (2300 экз.), хранящийся в настоящее время в Бот. Музее Академии Наук, и сделаны многочисленные наблюдения над характером и распределением растительности в исследованном районе. Этот гербарий был обработан впоследствии хранителем Ботанического Музея Ак. Наук К. Ф. Мейнсгаузенем и результаты его обработки были опубликованы им в сводной работе по флоре Вилюйского края (Meinshausen K. F. Nachrichten über das Wilui-Gebiet in Ostsibirien gesammelt und zusammengestellt. St. Petersburg. 1871).

В этой работе в специальной ботанической части заключаются четыре статьи, из которых три написаны, главным образом, на основании данных Вилюйской экспедиции.

В первой статье (Reiseroute des K. Maak aus dessen botanischen Tagebuche) перечисляются многие из собранных экспедицией растений с заметками об условиях их нахождения. С некоторыми изменениями этот ботанический дневник был напечатан впоследствии по русски и вошел в труд Маака: „Вилюйский округ Якутской области“. Т. II.

В третьей статье (Pflanzensystematische, geographische und andere Notizen) сделаны сравнения флоры Вилюйского округа с флорами Германии, Скандинавии, Лапландии, Евр. России, Америки, Алтая и др. частей Сибири. Эта статья с небольшими сокращениями под заглавием: „Общий очерк растительности Вилюйского края“, была напечатана по-русски и также вошла в выше указанный труд Маака. И, наконец, в четвертой статье (Systematischer Bericht über die Flora des Wilui-Kreises) содержится список всех растений, собранных Мааком в Вилюйском округе, содержащий 352 вида, из которых два являются новыми.

К этим результатам трудов экспедиции, опубликованным впервые Мейнсгаузенем, Маак в своем отчете прибавил статьи: „Общий обзор растительности на пространстве между урочищем Тасом на Хаынгае и селом Сунтаром“ по путевому журналу Павловского и „Главнейшие виды древесных пород Вилюйского округа“. В последней им приводится много ин-

тересных данных о распространении девяти древесных пород в пределах Сибири и Вилюйского округа.

Из выше приведенного видно, как значительны были результаты ботанических исследований экспедиции Маака, касающиеся почти неисследованного до этого времени края. Вилюйский округ посещался исследователями гораздо менее других частей Якутской области. Он расположен в стороне от главных путей и поэтому попутные сборы и наблюдения в его пределах естественно не могли иметь места. Даже за тот промежуток времени, который прошел с 1854 г. до настоящих дней, несмотря на то, что целый ряд лиц производили здесь ботанические сборы, сведения о флоре Вилюйского округа более чем скудны. Поэтому труд Маака и до настоящего времени не утратил своего научного значения и является основным источником для познания флоры этого края.

Вернувшись в Иркутск в феврале 1854 г., Маак весной этого же года принял участие в экспедиции для исследования Амурского края, снаряженной В. С. О. Р. Г. О. на средства, пожертвованные золотопромышленником Соловьевым С. Ф.; спутниками его в этой поездке были Герстфельд (зоолог), Кочетов, топограф Зандгаген и препаратор Фурман. Экспедиция обследовала долину р. Амура от Усть-Стрелки до Мариинского поста.

Ботанические коллекции, собранные экспедицией, были обработаны академиками И. И. Максимовичем и Р. Ф. Рупрехтом. Результаты обработки древесных и кустарных пород были опубликованы Мааком в виде статьи „Обзор кустарных и древесных растений“, вошедший в его отчет об Амурской экспедиции. Эта статья содержит список 101 вида растений с указанием на их распространение. Многие из этих растений являются новыми видами.

Травянистые растения, собранные Мааком, были обработаны Максимовичем и вошли в его труд: „*Primitiae florae amurensis*“.

Кроме этого, в отчете Маака о работах экспедиции мы встречаем многочисленные указания о распределении отдельных растений в исследованном районе. Растения, собранные Амурской экспедицией Маака, хранятся в гербарии Ботанического сада, подлинники же новых видов, установленных Рупрехтом, вместе с дублетами остальной коллекции, в Ботаническом Музее Академии Наук.

В 1859 году Маак по поручению Сибирского Отдела совершил поездку в Уссурийский край. Спутником его в этой поездке был этнограф Брылкин. Экспедицией были обследованы долины рек Усури, Сунгари и берега озера Ханка (подробный маршрут см. ст. Лаптева). Экспедиция собрала об-

ширные ботанические коллекции и сделала много наблюдений над растительностью края. Ботанические коллекции были обработаны директором СПб. Ботанического сада Э. Л. Регелем и самим Мааком и результаты обработки в виде отдельной статьи Регеля „О растительности Уссурийской страны“ вошли в труд Маака „Путешествие по долине р. Уссури, по поручению Сибирского Отдела Имп. Русского Географического Об-ва“. Спб. 1861 г. Эта статья содержит список в 643 вида, с подробными данными о распределении этих растений. Приводится ряд новых видов. К этой статье Маак во втором томе своего труда прибавил еще статью под заглавием „Физиогномия растительности Уссурийской долины“, в которой подробно описывает топографию местности, характер растительности, распространение древесных пород и приводит ряд интересных сведений о культурных и дикорастущих полезных растениях. К работе приложена карта, где нанесены, на основании исследований экспедиции, границы распространения 14 видов растений в Уссурийском крае. Гербарии, собранные этой экспедицией, хранятся в Ботаническом саду и частью в Ботаническом Музее Академии Наук.

Результаты работ двух последних путешествий Маака являются весьма ценным дополнением к работам Максимова по флоре Амурского края.

Кроме этих трех крупных экспедиций, совершенных в первое 10-летие существования Отдела, нужно отметить еще работы д. чл. Отдела Павловского, экскурсировавшего в эти годы в Якутской области. Так, в 1857 году им была совершена поездка из города Якутска на Учурскую ярмарку. На обратном пути он поднялся вверх по р. Учуре, перевалил через горы и по рр. Чунигану и Маймакану спустился к месту впадения последней в реку Маю. Отсюда по реке Мае переехал на урочище Нелькан, находящееся на тракте из Якутска в Аян.

На этом пути им был собран гербарий, обработанный впоследствии Регелем и Гердером.

Следующее 10-летие в жизни Отдела ознаменовалось не менее интересной работой членов Отдела в области ботанических исследований.

В 1860 году Усольцев А. Ф., офицер межевого корпуса, бывший одно время правителем дел Отдела, экскурсируя в районе озера Ханка, собрал гербарий, переданный им в последствии Ф. Б. Шмидту.

В 1864 году он сопровождал Кропоткина в поездке по реке Сунгари, где так же занимался гербаризацией.

С 1860 по 1863 в Амурской области работала партия по описанию и таксации лесов края в составе: начальника экспедиции Будищева А. Ф. и его трех помощников топографов: Лубенского, Корзуна и Петровича. Ими была обследована местность ограниченной с запада течением реки Уссури, с севера течением реки Амура, с востока океаном и с юга нашей границей с Маньчжурией и Китаем.

Результаты исследования были напечатаны впервые в Записках Сибирского Отдела Р. Г. О. в работе Будищева: „Описание лесов части Приморской области“. Отдельные главы этой работы были написаны сотрудниками Будищева. Работа содержит ряд интересных сведений о месторождении некоторых древесных пород, сведений особенно ценных, если принять во внимание, что значительная часть маршрута Будищева, не была пройдена до него ни одним из исследователей этого края. Кроме того подробное описание местности, даваемое Будищевым дает возможность восстановить картину первоначальной растительности, в настоящее время измененной до неузнаваемости пожарами и сельскохозяйственной культурой.

В 1865 году И. С. Поляков, ученый хранитель при Зоологическом Музее Академии Наук и член Отдела, экскурсировал в окрестностях озера Байкала.

В июле этого года, проплыв на лодке от села Листвничного до устья реки Бугульдейки, он по ее долине поднялся на Байкальский хребет. Для изучения характера северо-западных склонов этого хребта он провел некоторое время в долине р. Голоустной и Куртуна, оттуда, перевалив через хребет, спустился в долину р. Ушаковки, по которой и возвратился в Иркутск. Общий характер исследованной местности в географическом, зоологическом и ботаническом отношении был им описан в Иркутских Губернских Ведомостях в 1865 и 1866 годах.

В 1866 году Отделом, на средства пожертвованные олекминскими золотопромышленниками, была организована Олекминско-Витимская экспедиция под начальством П. Крапоткина имевшая целью описание ското-прогонного пути из олекминских золотых приисков в Нерчинский край. Кроме Крапоткина в экспедиции принимали участие П. И. Машинский и И. С. Поляков, на которого были возложены ботанические и зоологические исследования. (Маршрут экспедиции см. ст. Лаптева) Из этой экспедиции Поляковым был вывезен гербарий (около 200 видов), обработанный потом консерватором Ботанического сада Т. П. Гленом, опубликовавшим результаты обработки в работе: Verzeichniss der im Witim-Olekma-Lande vorder Heren F. Poljakov und Baron Maydell gesammelten Pflanzen. Acta Horti Petrop. IV. В приводимом

в этой работе списке растений Полякова мы находим описание 4-х новых видов.

Из других исследователей этого 10-ти летия необходимо указать на барона Г. Майделя, который, находясь на административной службе и совершая служебные поездки, много гербаризировал в Якутской области. Так, в 1862 году он собирал растения по поручению Штубендорфа в Вилюйском Округе; в 1866 году—по пути из Средне-Колымска в Якутск; в 1867 году в Витимо-Олекминском крае, главным образом по реке Чаре. Сборы 1862 года и 1866 года были обработаны Гердером, сборы 1867 г., вместе с растениями Полякова (см. выше), Гленом. Большинство коллекций, собранных Майделем, сгорело во время иркутского пожара в 1879 году.

В 1868 году Майдель по поручению генерал-губернатора Восточной Сибири и Сиб. Отдела принимал участие в Чукотской экспедиции, на крайний северо-восток Якутской и север Приморской области. В экспедиции принимали участие еще астроном Нейман и топограф Афанасьев (маршрут см. ст. Лаптева). Во время экспедиции Майделем собирались растения по южному склону Станового хребта, к северу от Анадыра и вдоль последнего. Эти растения были обработаны Е. Р. Траутфеттером и опубликованы в работе „*Flora terrale Tochukschorum. Acta Horti Potrop. VI*“. Работа содержит перечень 180 форм, из которых 16 являются новыми. Гербарий этот был пожертвован Майделем Ботаническому саду. Кроме того в работе самого Майделя „*Reisen und Forschunhen im Jacutskischen gebiet ostsibiriens in den jahren 1861—1871*“ Bd. I. II. мы находим многочисленные замечания о распространении древесных пород на севере и подробности о северной границе леса в Якутской области с указанием многих ошибок в изображении ее на карте Норденшильда.

Из крупных экспедиций шестидесятих годов, интересных с ботанической стороны, нужно указать на экспедицию в Уссурийский край Н. Пржевальского. Эта экспедиция была совершена им по поручению генерал-губернатора В. Сибири и Сиб. Отдела, от которого он имел поручение собирать естественно-исторические коллекции (маршрут см. статью Лаптева). Ботанические коллекции, вывезенные Пржевальским из экспедиции, были не велики, так как он проявил себя больше зоологом, чем ботаником. Все таки в его труде „Путешествие в Уссурийский край в 1867—69 г.“ он дает ряд интересных описаний растительности посещенной им местности. Гербарий Пржевальского (около 200 видов) был обработан Максимовичем и хранится в Ботаническом саду.

В 1875 году Сибирскому Отделу было предложено командировать лицо, в качестве натуралиста, для участия в экспедиции двух военных крейсеров в Охотское и Камчатское море. Отделом в качестве такового был командирован Нейман К. К. (правитель дел Сиб. Отдела). В этой поездке им были собраны обширные естественно-исторические коллекции, судьба которых однако неизвестна. Вероятно они погибли при иркутском пожаре.

В 1876 году Сиб. Отдел командировал кандидата ест. наук Н. А. Гребницкого в Южно-Уссурийский край, главным образом для исследования края в колонизационном отношении. При этой поездке был собран гербарий, судьба которого так же неизвестна.

Впоследствии Гребницкий был долгое время начальником Командорских островов и, находясь в этой должности, не оставяя своих ботанических исследований. Так им был доставлен в иркутский музей гербарий, собранный на острове Беринга (99 №№); в Бот. сад с Командорских островов, собранный в 1894 году (550 №№).

В 1877 году дейст. чл. Отдела К. Н. Агапитов совершил поездку в Балаганский округ для производства почвенно-ботанических работ. Поездка имела целью исследование растительности степной части Иркутской губернии и изучение распределения чернозема в этом районе. Результаты поездки им напечатаны в Изв. ВСОРГО. Т IX. В отчете описан ряд растительных формаций и указывается на нахождение 3 видов ковыля, новых для данного района.

Заинтересовавшись вопросом о сибирском черноземе, Агапитов на следующий год совершил поездку в Тункинскую и Торскую котловину с теми же заданиями. Хотя ботанические сборы этой поездки были не особенно обширны, все же они познакомили нас с общим характером растительности и дали ряд форм, впервые находимых в Прибайкальи. Повидимому все коллекции его погибли во время иркутского пожара. Сам Агапитов впоследствии отдался этнографии и совершенно отошел от ботанических исследований.

В 1881 году Н. И. Витковский, консерватор ирк. музея, принимал участие в путешествии Черского в бассейн р. Селенги с ее притоками: Джидою, Чикоем и Хилоком. При этом было обследовано так же Гусиное озеро и берега Байкала между долиной Селенги и устьем реки Кики; во время этой поездки им собирался гербарий. Кроме этого Витковский экскурсировал в течении ряда лет в окрестностях города Иркутска и совершил поездку вниз по реке Ангаре с ботаническими целями. Им были доставлены в ирк. музей, в Ботани-

ческий сад и Акад. Наук обширные и ценные коллекции по флоре Ирк. г., Енисейской губ. и Забайкалья.

Среди членов Восточно-Сибирского Отдела, работавших в области ботанических исследований в восьмидесятых и девяностых годах, нужно отметить Я. П. Прейна, крайне живого и энергичного работника, оставившего значительный след своими работами в литературе по флоре В. Сибири. В течение ряда лет, начиная с 1884 г., он работал в пределах Иркутской и Енисейской губ., и значительно пополнил имевшиеся до него сведения по флоре названных губерний.

В 1883 и 1884 г. Преин производил ботанические исследования в окрестностях Красноярска и некоторых других частях Красноярского округа, а так же в Канском округе. Результаты этих исследований изложены им в двух статьях:

1) Список растений, собранных в 1882 году в некоторых местностях Енисейской губ. СПб. 1884 г. 2) Первое прибавление к списку растений Енисейской губ. (Изв. ВСОРГО Т. XIX) дополнение к предыдущей статье, содержащее перечисление 243 видов.

В 1887 г. Преин принимал участие в организованной Вос. Сиб. Отделом Саянской экспедиции под начальством подполковника Н. Бобыря. (Маршрут см. ст. Лаптева). О растениях собранных в этой поездке ничего не известно и в отчете Прейна, напечатаном в Изв. ВСОРГО Т. XIX, содержится лишь общее описание растительности Прикосоголья с подробной характеристикой степной растительности.

В 1888 г. по поручению Отдела на средства, ассигнованные ген. губ. Игнатьевым, Преин совершил поездку в Балаганский уезд Ирк. губ. для почвенно-ботанических исследований. Результаты исследования изложены им в работе „Предварительный отчет о ботаническом исследовании Балаганского округа и окрестностей г. Иркутска“ (Изв. ВСОРГО Т. XXIII). В этой работе описаны главнейшие растительные формации обследованного района со списками свойственных им растений. Перечисляется ряд найденных форм, не указанных Турчаниновым по зап. сторону Байкала. Дополнением к этой работе является его статья: Материалы для флоры Балаганского округа Ирк. губ. (Изв. ВСОРГО Т. XXI) содержащая список 324 видов растений, собранных во время поездки.

В 1892 году Преин, совместно с председателем Отдела В. Сукачевым совершил на пароходе поездку на остров Ольхон. Не смотря на то, что во время поездки было сделано всего три экскурсии в прибрежной полосе острова, исследование дало многое интересного. Был найден ряд форм, не отмеченных ранее для Ольхона ни Радде, ни Турчаниновым. Результаты-

поездки были напечатаны в статье: „Материал к флоре острова Ольхона на Байкале“ (Изв. ВСОРГО Т. XXV), где кроме списка, содержащего 155 видов растений, дано общее описание острова, характеристика лесных насаждений и степной растительности.

В остальную часть лета этого года Прейн экскурсировал в окрестностях Иркутска и по долине р. Олхи, притока Иркуты.

В 1893 г. Прейн работал в окрестностях г. Красноярска, исследуя интересное местонахождение липы по левому берегу Енисея. В своей работе „Предварительный отчет об исследовании липы в окр. Красноярска“ (Изв. ВСОРГО Т. XXV) он дает критическую сводку всех прежних указаний о нахождении липы в окр. Красноярска, подробно описывает найденное им местонахождение и отмечает, как и Крылов для Кузнецкого Алатау, наличие здесь ряда форм, свойственных широколиственному лесу и редких в Сибири.

В работе приводится список 157 видов растений, собранных им в районе обитания липы. К этой же теме он возвратился снова в 1904 г. в своей работе, „Дополнительные сведения о местонахождении липы в окрестностях Красноярска“, (Изв. Красноярского под-отд. РГО Т. I), где им указывается на два найденных им растения, известных до этого времени только в районе обитания липы в Кузнецком Алатау.

В 1894 году он продолжает свои ботанические исследования в районе р. Олхи. Результаты обработки гербария, собранного здесь в 1892 и 1894 годах, им приводятся в работе, „Материалы к флоре Иркутского округа“ (Изв. ВСОРГО XXVIII 1898 г.) В списке содержится перечень 424 видов растений.

В 1895 и 96 г. Прейн продолжает ботанические исследования в Енисейской губ. и Канском округе.

В 1902 году он экскурсировал по долине р. Хормы, притоку р. Бирюсы, протекающей в Нижнеудинском у. Иркутской губ. Перечень найденных им здесь растений (142 вида) опубликован им в Изв. Красноярского под-отд. РГО Т. I. 1904 г.

Перу Прейна принадлежат две интересные работы, посвященные водяному ореху (*Trapa natans* L.) В первой работе „К вопросу о *Trapa natans* L. в Сибири“ (Изв. ВСОРГО Т. XXII 1892 г.), содержится ряд замечаний о распространении *Trapa natans* L. в Енисейской губ.; во второй „Заметки о *Trapa natans* L. в Канском округе Енисейской губ.“ (Изв. ВСОРГО Т. XXIX), сообщается подробно о местах нахождения этого растения в окр. Канска и перечислены еще некоторые пункты нахождения его в Сибири.

Кроме этих работ, написанных на основании материалов, собранных им самим, Прейном был напечатан ряд работ, как результат обработки ботанических коллекций, собранных

различными лицами в Вост. Сибири. Так им были обработаны и опубликованы коллекции:

1. Е. Н. Клеменц, собранные ей в 1888 году в Ачинском и Минусинском округах Енисейской губ. и Мариинском и Кузнецком округах Томской губ. Список содержит 293 вида.

2. А. И. Кириллова, спутника Обручева по путешествию его в Олекминский округ Якутской области в 1891 году (116 видов).

3. М. Г. Юдиной, собранные в 1892 году в округе Леонидовского винокуренного завода в Балахтинской вол. Ачинского уезда Енисейской губ.

4. Витковского Н. И.—в окрест. с. Мальты Иркутской губ. в 1892 году (205 видов).

5) И. Д. Попова, собранные в 1895 году в 250 верстах к северо-востоку от г. Якутска, по берегам рек Таты (приток Алдана), Начмары и Кулады (приток Таты) и у озера Итык-Кел (114 видов).

Обширные ботанические коллекции, собранные Прейном, были переданы им в ирк. музей.

Из экспедиций, совершенных в девятисотых годах при содействии Отдела, нужно отметить экспедицию профессора Томского университета С. Коржинского в Амурскую область. Первоначально проектировалось организовать экспедицию для всестороннего обследования Амурской области с участием ряда лиц, но в конце-концов в таком виде она несостоялась и Отделом был командирован один лишь Коржинский для почвенно-ботанических исследований.

Им было обследовано три района Амурской области: 1) между Хабаровкой и хребтом М. Хинганом, 2) между Буреей и Зеей и 3) между Черняевой и Покровкой. Результаты работ экспедиции были им опубликованы в „Отчете об исследовании Амурской области, как земледельческой колонии“ (Изв. ВСОРГО. Т. XXIII). Этот отчет содержит подробное описание местности и характеристику растительности. Интересны приводимые описания лесной растительности Бурейских гор, описание так называемой „Средне-Амурской прерии“ и ряд замечаний о влиянии культуры на изменение растительного покрова. Большая часть статьи посвящена колонизационным вопросам края.

Результаты обработки богатых ботанических коллекций, вывезенных из экспедиции, были опубликованы Коржинским в другой статье: «*Plantas amurenses in itinere anni 1891 collectas enumerat notasque species describit*» (Act. H. Petrop XII). Здесь приведен список 698 видов с описанием многочисленных новых форм.

В конце девятнадцатых и в начале девятисотых годов д. чл. Отдела Перетолчин совершил ряд поездок в район озера Косогола, где наряду с физико-географическими исследованиями озера, занимался гербаризацией. Собранные им коллекции были обработаны Б. А. Федченко и в работе Перетолчина „Физико-географический очерк оз. Косогола“ (Тр. О-ва Естеств. при Импер. Каз. университете Т. XXXVIII) имеется прибавление, содержащее перечень найденных растений (81 вид).

Из других членов Отдела, работавших в области ботаники в конце девятнадцатых годов, нужно отметить В. Б. Шостаковича. Его работы относятся, главным образом, к нисшим споровым растениям. В ряде статей, напечатанных в немецком журнале *Berichte der Deutschen Bot. Gesellschaft* им дано описание ряда новых видов из рода *Mucor*, найденных в Иркут. губ.

После 1900 года деятельность Отдела значительно уменьшилась. За последнее 26-летие можно указать лишь очень небольшой список лиц, работавших в области ботанических исследований. Большие отдаленные экспедиции, которыми характеризуются первые десятилетия в жизни Отдела, здесь совершенно отсутствуют и работа отдельных членов, за немногими исключениями, приурочена, главным образом, к пределам Иркутской губ. Из лиц, работавших в этот период, нужно отметить Стопневича, Дорогостайского, Юринского, Яснитского.

В 1903 году А. Стопневич, во время своей поездки по Витимско-Олекминскому району, собрал небольшой гербарий (100 видов), определенный ботаником Спб. Бот. сада Палибиным И. В 1904 году в Изв. ВСОРГО Стопневичем была напечатана работа „Список растений, собранных летом 1903 года в Витимско-Олекминском золотоносном районе“, где мы встречаем ряд замечаний, касающихся древесной растительности района, и перечень собранных им растений. Этот список представляет значительный интерес, являясь дополнением к работам Прейна и Глена, касающимся растительности Витимо-Олекминского края.

К 1902 и 1903 годам относятся исследования Дорогостайского В. Ч. в районе оз. Байкала. Эти исследования интересны, как первая попытка детального изучения флоры водорослей этого водоема. В то время, как фауне Байкала был посвящен ряд работ Дыбовского, Горяева, Коротнева и др., показавших крайнее богатство ее и своеобразность, флора водорослей была почти не исследована. Отдельные указания о водорослях Байкала имелись лишь в двух работах Гутвинского. Исследования Дорогостайского значительно дополнили

этот пробел, отметив и здесь поразительное богатство форм и ряд особенностей. Кроме бассейна самого Байкала он своим исследованием захватил и ряд водоемов, прилегающих к названному озеру. Так, им было исследовано оз. Катамель, оз. Дикое, Туркинский минеральный источник, река Турка, р. Селенга, и ряд небольших горных речек, впадающих в Байкал.

Работа Дорогостайского по флоре Байкала первоначально вышла на французском языке в «Bull. Soc. d. Nat. de Moscou 1904», а затем была напечатана и по-русски в Изв. ВСОРГО. Т. XXXV.

В этой работе дается общая характеристика флоры водорослей оз. Байкала, имеются замечания о фитопланктоне и в общих чертах намечается зональное распределение водорослей в этом бассейне. К работе приложен список собранных водорослей (350 видов) с описанием ряда новых видов. Большинство растений, заключающиеся в списке, приводится для Байкала впервые. Работа Дорогостайского и до настоящего времени является одним из основных источников при ознакомлении с флорой водорослей бассейна Байкала.

Энергичную деятельность в области ботанических исследований в начале 1900 года проявил д. чл. Т. Юринский. С 1903 года им были организованы фенологические наблюдения в Вост. Сибири, которые и велись с 1903 г. Желая охватить этими наблюдениями наиболее широкий район, он, при содействии Шостаковича В., разослал свои инструкции для ведения фенологических наблюдений ряду лиц, состоявших корреспондентами Ирк. Метеорологической обсерватории.

Таким путем ему удалось получить данные о весенних фенологических явлениях из самых различных пунктов Вост. Сибири (Ирк. губ., Енисейск. губ., Амурской области, Якутской и Забайкальской областей). Эти данные послужили материалами к ряду статей, напечатанных им в Изв. ВСОРГО, рисующих наступление весны в Вост. Сибири в 1903, 1904, 1905 и 1906 годах.

Перу Юринского принадлежит еще ряд работ по флоре Иркутской губ. и Якутской области, написанных им на основании сборов ряда лиц. Так, им напечатано:

1) „Материалы к изучению флоры Иркутской губ.“ (Изв. ВСОРГО 1908 г.). Работа содержит список 104 видов растений, собранных Н. Сабуровым в 1890 и 1891 годах в трех пунктах Ирк. губ., неподалеку от г. Иркутска.

2) „Материалы к флоре Верхотурского округа“ (Извест. Якутского Отд. РГО 1915 г.). Приводится список растений, собранных исправником Н. Березкиным в долине р. Омоля (32 вида).

3) „Материалы к изучению флоры Якутской области“. (Тр. Бот. сада Юрьевского университета. Т. XII 1911 года). Приводится список 41 вида растений, собранных земским заседателем В. П. Мельниковым в низовьях р. Колымы.

4) „К флоре Якутской области“ (Вестник Русской флоры. Т. II, 1911 г.). Работа содержит перечень 88 растений, собранных Янчевским Ф., производителем работ лесоустроительной партии, и Гайдуковым в июле 1914 г. по р. Токко.

Кроме того, Юринским был собран в течение ряда лет обширный гербарий по флоре Ирк. губ., переданный им в иркутский музей.

С 1922 г. по 1925 г. д. чл. Отдела В. Яснитский занимался исследованием планктона и флоры водорослей оз. Байкала и ряда других водоемов Ирк. губ. В сборнике „Землеведение“, изд. ВСОРГО, им было напечатано две статьи, касающиеся планктона Байкала и некоторых рек бассейна р. Ангары. В первой работе „Планктон Байкала в районе Култука и Слюдянки“ дается характеристика планктона южной части Байкала и указывается на вертикальное распределение планктонных организмов; во второй статье дается характеристика планктона рек: Ангары, Каи, Иркуты, Белой и Мальтинки. Эти сведения являются первыми, так как вопрос о планктоне рек Иркутской губ. в литературе до настоящего времени совершенно не затронут.

Приведенный перечень экспедиций и исследований отдельных членов Отдела говорит красноречивее всяких слов о той колоссальной работе, которую проделал Вост. Сиб. Отд. РГО в области изучения флоры Вост. Сибири. В этом отношении ему принадлежит бесспорно одно из почетных мест среди других научных организаций, занимавшихся за последние 75 лет изучением нашего края. Собран огромный фактический материал, являющийся необходимым фундаментом для современных, более детальных ботанических исследований, преследующих иные задачи и имеющих иные методы.

Обширные коллекции, собранные членами Отдела, вошли частично в гербарии по флоре Сибири главнейших наших ботанических учреждений (Бот. сад, Бот. Муз. Акад. Наук). Обработкой этих коллекций занимались выдающиеся ботаники того времени, давшие в результате этой обработки ряд ценных трудов по флоре В. Сибири.

Помимо научной работы, нужно отметить еще одну сторону в деятельности Вост. Сиб. Отд. Различные экспедиции, организованные научными учреждениями центральной России, отдельные лица, приезжавшие в Вост. Сибирь для научных

исследований, всегда встречали со стороны Отдела самое деятельное участие, выразившееся не только в моральной поддержке, но зачастую и в материальной помощи. Успешное выполнение многих исследований было обусловлено в значительной мере энергичным содействием Отдела.

Открытие в 1918 г. Иркутского университета влило новые силы в ряды членов ВСОРГО и значительно оживило его деятельность, которая за последние 25 лет значительно упала в силу ряда обстоятельств.

Наличие в г. Иркутске университета, выпускающего новые кадры научных работников, идущих на смену старым краеведам, заставляет надеяться, что деятельность ВСОРГО, так блестяще начатая 75 лет тому назад, будет и в будущем расти и развиваться.

Деятельность Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества по изучению животного мира Сибири за 75 лет.

Первые научные сведения о животном мире, населяющем безграничные пространства Сибири, были доставлены путешественниками XVIII века: Гмелином, совершившим поездку через Иркутск, вниз по Лене до Якутска, Стеллером и Крашенинниковым, посетившими крайний Сев. Восток Сибири и Камчатку, Георги, исследовавшим Байкал и Прибайкалье, а в особенности гениальным натуралистом академиком Палласом.

Во время своего знаменитого путешествия, длившегося 5 лет (1769-1773) Паллас проехал всю Сибирь через Красноярск и Иркутск до Читы и Кяхты.

Природа В.-Сибири, а в особенности Забайкалья, произвела на него сильнейшее впечатление. В своем „Путешествии по разным провинциям Российской Империи“, изданном в 1771-76 г. г., он говорит: „Я должен признаться, что во всю мою Сибирскую дорогу... до Байкала столько нового и достопамятного из зверей и птиц не собрал, как на пограничных местах к Монголии и на Северной стороне Байкалом окруженной“...

Сначала в упомянутом „Путешествии“, а затем в капитальном труде „Zoographia Rosso Asiatica“, Паллас обобщил результаты своих обширнейших и долголетних исследований. Он первый сообщил точные сведения о Байкале, о живущих в нем нерпе и голомянке; открыл и описал самые характерные для Сибири виды животных, как например, из рыб: тайменя (*Hucho taimen*), ленка (*Brachimistax lenoc*), хариуса (*Thymallus arcticus*), омуля (*Coregonus migratorius*) и др.; из млекопитающих: горного волка (*Canis alpinus*), колонка (*Colonus sibiricus*), сибирскую косулю (*Capreolus pigargus*), монгольского зайца (*Lepus tolai*), полярную пищуху (*Ochotona hyperborea*), несколько видов полевок, около 60 видов птиц и много других, неизвестных науке того времени, животных.

Он же первый указал на особенности ихтиологической фауны бассейна Амура, имеющей в своем составе помимо сибирских, также китайские и европейские виды, отсутствующие в других реках Сибири.

После путешествий Палласа и Георги, в деле изучения Сибири наступает некоторое затишье, продолжавшееся до 40-х годов прошлого столетия, когда начинает свои многосторонние и обширные исследования академик Миддендорф. В начале 40-х годов этот ученый, по поручению Академии Наук, отправляется в большое путешествие по Сибири, во время которого он исследует нижнее течение Енисея до 70° с. ш., Хатангу, Таймырские тундры и Туруханский край; затем через Иркутск едет на Лену до Якутска, а оттуда, перевалив через Яблоновый хребет, попадает на побережье Охотского моря и на Шантарские острова. Обрато Миддендорф возвращается уже по южному склону Яблонового хребта. Исследования этого ученого дали много нового о живой природе Сибири, в особенности ее Северных и Северо-Восточных окраин. В своем труде „Путешествие на Север и Восток Сибири“, изданном на русском и немецком языках, Миддендорф дает глубокий анализ фауны Сибири, приводит массу ценных сведений об условиях и жизни животных глубокого Севера, о их распространении, периодических явлениях в их жизни и т. д.

Благодаря всем этим исследованиям, ко 2-й половине XIX века в науке составилось уже довольно полное и в общих чертах почти верное представление о характере фауны Сибири и об отношении ее к фауне Европы с которой, как было найдено, она имеет много общего; т. о. был заложен прочный фундамент для дальнейшего изучения живой природы нашей страны.

С открытием в 1851 году Сибирского Отдела Русского Географического Об-ва в г. Иркутске в дело изучения нашего края вливается новая и свежая струя. Научные изыскания в Сибири, производившиеся до открытия Отдела, несмотря на их грандиозность и блестящее выполнение, носили все же лишь рекогносцировочный характер, имея главною целью дать хотя бы общее представление о таинственной, суровой, необ'ятной окраине; теперь же явилась полная возможность изучать страну более детально и систематично, руководя исследованиями в самом центре В. Сибири—Иркутске и используя для них, насколько возможно, свои местные силы.

За время своего существования Сибирский Отдел, наряду с энергичным изучением географии страны, состава и быта ее населения и другими задачами, которые ему властно

диктовала жизнь, уделил не мало внимания и фаунистическим исследованиям.

В настоящем кратком очерке мы напомним лишь главные из этих исследований, произведенных трудами членов Отдела по его поручениям или при его энергичном содействии, начиная с момента его открытия в 1851 году до настоящего времени.

Вскоре после своего открытия и некоторого периода внутренней организационной работы, в 1854 году Отдел снарядил под начальством своего сочлена, учителя Иркутской гимназии Р. Маака, экспедицию для исследования Вилюйского края, природа которого до этого была почти совершенно неизвестна.

Экспедиция Маака собрала в бассейне Вилюя и в верховьях Оленека богатейшие зоологические коллекции и сделала массу наблюдений над биологией и географическим распространением обитающих там животных.

К сожалению, лишь 30 лет спустя Маак был в состоянии обнародовать результаты этого тяжелого путешествия в большом сочинении «Вилюйский округ Якутской области», последний том которого вышел в 1886 году. В этом сочинении Маак дает краткие описания Вилюйских животных, а именно: 32 видов млекопитающих (из них 2 ископаемых—носорог и мамонт), 121 вида птиц, 2 видов пресмыкающихся, 2 видов земноводных, 18 видов рыб, 4 видов ракообразных и наконец 9 новых для науки видов пауков, найденных исключительно в Вилюйском округе¹.

Среди многих интересных сведений, касающихся биологии и географического распространения представителей Вилюйской фауны, мы находим здесь любопытные факты о появлении некоторых видов в районах для них совсем необычных, например, о случайном появлении в 1852 году в верховьях Лены (близь села Устьилги) кабанов, обитающих, как известно, на Ю.-З. побережья Байкала и в Забайкалье, о забегах на Юг до р. Чоны песцов-типичных обитателей полярных тундр и т. д.

В эти же 50-е годы Сибирский Отдел успел снарядить еще 2 больших экспедиции: одну на Амур, другую в долину Уссури, обе под начальством того-же неутомимого и талантливого путешественника Маака. Амурский и Уссурийский край были в то время только что присоединены к русским владениям и в научном отношении были совсем неизвестны; т. о. работы обеих экспедиций охватили совершенно девственную

¹ Всего Мааком во время его путешествия по Сибири собрано 135 видов пауков, которых обработал Grube и нашел среди них $\frac{3}{4}$ европейских, а 36 новых, свойственных только Сибири.

для научных изысканий почву. Наиболее богатые результаты дала первая из этих экспедиций—Амурская, в состав которой в помощь Мааку, специально для зоологических исследований, был включен магистр зоологии Герстфельд, состоявший также членом Сибирского Отдела.

Богатейшие фаунистические сборы этой экспедиции подверглись затем специальной обработке виднейшими учеными того времени: академиком Брандтом (млекопитающие), Шренком (птицы), Менетрие и Бремером (бабочки), наконец упомянутым выше Герстфельдом (моллюски, черви, ракообразные и многоногие) и другими.

Общие результаты экспедиции были опубликованы Мааком в большом сочинении „Путешествие на Амур“, изданном в 1859 году. Однако, в фаунистической части этого сочинения мы находим краткие монографии не только обитателей Амура, но и всей Сибири, т. к. в основу ее Маак положил, как он сам говорит, „всю добычу зоологических поисков, которые он (автор) сделал во время пребывания в Сибири“. Т. о. названный труд является, по существу, сводкой всех известных науке того времени сведений о сибирской фауне. В нем, как и в Вилюйском обзоре, приведены сведения о ее видовом составе и биологии, о промысловом значении отдельных зверей и птиц, о способах охоты и т. д.

По этим данным Маака фауна Сибири имеет в своем составе 60 видов млекопитающих (в том числе 3 ископаемых—носорог, мамонт и первобытный бык), 211 видов птиц, 14 видов пресмыкающихся и земноводных и 142 вида бабочек. О других группах животных сведения не приводятся.

По данным новейшего времени видовой состав В.-Сибирской фауны значительно богаче, чем это видим мы у Маака, и цифры, приводимые им, необходимо увеличить почти в 2 раза для всех рассмотренных им групп животных. Кроме того, некоторые виды фигурируют у него под чужими научными названиями (крот, изюбрь, барсук, белка и др.), отождествляясь со своими европейскими сородичами, что, впрочем, мы находим, вследствие недостаточно тщательного изучения, почти у всех авторов XIX столетия. Но все это, конечно, несколько не умаляет значения разбираемой сводки, т. к. во времена Маака значительнейшая часть пространства В. Сибири, как, например, весьма интересный в фаунистическом отношении Колымский край и ряд других районов, не была изучена совершенно или была лишь только слегка затронута исследованиями. В основном же этот труд Маака, также, как и „Вилюйский округ“, является в сибирской зоологической литературе единственной более или менее полной сводкой, да-

леко не потерявшей свежести и значения для познания фауны Сибири и в настоящее время.

В том же труде „Амурская экспедиция“ помещены 2 извлечения из капитальных работ Герстфельда, изданных Академией Наук на немецком языке в 1858—59 г., одна из которых посвящена „плоскотелым, кольчатым, многоногим и ракообразным Сибири“, а другая „сухопутным и пресноводным мягкотелым Сибири и бассейна Амура“¹.

Герстфельд, как уже было указано, состоял участником экспедиции Маака и деятельным его помощником. Но в основание упомянутых работ он положил материал, собранный им не только на Амуре, но также и в других районах Сибири.

В первой из упомянутых работ Герстфельд приводит для Сибири: 7 видов многоножек, 10 видов ракообразных и около полутора десятков видов червей, при чем значительнейшая часть этих животных являются новыми для науки того времени². Во второй работе Герстфельд дает исчерпывающий для того времени обзор сибирских моллюсков. До опубликования этой работы было известно для Сибири, преимущественно по исследованиям академика Миддендорфа, всего около 50 видов наземных и пресноводных моллюсков. Труды Герстфельда увеличивают это число до 79, при чем 12 видов описываются им впервые. Из новых 12 форм 7 найдены в бассейне Амура, а 5 в Байкале и Ангаре. Эти последние 5 видов следующие: *Paludina* (*Eenedictia*) *baicalensis*, *Hydrobia* *angarensis*, *Ulvata* *baicalensis*, *Ancilus* *sibiricus* и *Choanophthalmus* *maakii*, при чем и род *Choanophthalmus* устанавливается впервые Герстфельдом по экземплярам из Байкала. Эти 5 форм, обитающих исключительно в Байкале и Ангаре, (в последней—кроме *Ben. baicalensis*), были первыми моллюсками, известными в то время для Байкала.

В заключение последней работы Герстфельд дает интересные сведения о географическом распространении изученных им животных. Он указывает, что „Амурский край, относительно фауны сухопутных и пресноводных моллюсков, составляет нераздельное целое с собственно Сибирью“, а последняя—с фауной северной Европы, т. к. из 79 известных в его время для Сибири видов (включая Амур), около $\frac{3}{4}$ водятся в то-же время и в Европе.

¹ Gerstfeld G. Veber einige zym Theil neue Arten Platoden, Anneliden, Myriapoden und Crustaceen Sibiriens, 1858 г. Mem. des sav. etr. T. VIII.

Тоже Veber Land und Süßwasser—Mollusken Sibiriens und des Amur—Gebietes 1859 Mem. T. IX.

² Герстфельд описывает здесь, как новые виды: 5 видов многоножек (*Lulus amurensis* *L. armatus*, *Craspedosoma dahuricum* и др.), 6 в. ракообразных (*Gammarus Maakii*, *G. cancelloides*—оба из Ангары и др.), и несколько видов червей (*Planaria angarensis*, *P. guttata*—оба вида из Ангары, *Lumbricus brevispinus*—из бассейна Амура и др.).

Хотя,—говорит он,—фауна Камчатки, побережий Охотского моря и Амурского края имеет сходство с такою-же фауной Северной Америки, тем не менее, „всю Северно-Азиатскую фауну сухопутных и пресноводных моллюсков нужно считать частью Северно-Европейской фауны, т. к. большинство сибирских форм имеют облик европейских видов“.

Т. о. мы видим, что эти капитальные труды Герстфельда, в значительнейшей своей части основанные на материалах экспедиций Сибирского Отдела, содержат в себе первые основательные и серьезные сведения о фауне беспозвоночных Сибири, до этого времени очень мало затронутой исследованиями.

Вторая из упомянутых выше экспедиций Сибирского Отдела—Уссурийская была совершена Мааком, в сопровождении 2-х сотрудников, летом 1859 года. Несмотря на кратковременность работ и множество неблагоприятных для тщательного исследования края обстоятельств, сведения, собранные Мааком во время этого смелого путешествия, дают впервые ясное представление о характере и составе Уссурийской фауны, до тех пор совершенно неизвестной.

В большом сочинении Маака „Путешествие по долине реки Усури“ (СПБ 1861 г.) более половины места отводится обзору животного мира Уссурийского края под скромным заголовком „Материалы для фауны Уссурийской долины“.

Уже из этих „Материалов“ можно видеть, насколько богата и своеобразна фауна этого интереснейшего края, заслуживающего самого серьезного изучения. В них мы читаем о сибирских соболе (*Mustela zibellina*) и колонке (*Colonicus sibiricus*), делящих свою добычу с непальской куницей (*Mustela flavigula*), о тибетском медведе (*Ursus tibetianus*) и о нашем типичном сибирском буром медведе (*Ursus arctos*), о тигре и барсе и о северной рыси, живущих рядом друг с другом, о рябчиках и фазанах и т. д...

Всего для Уссурийского края Маак приводит 50 видов млекопитающих (с домашними), 132 в. птиц, 13 видов пресмыкающихся и земноводных, из которых добрая половина новых для науки, как например, черепаха (*Trionix maakii*), амурский уж, полоз и др. и 21 вид рыб.

Все эти сведения, вместе с ценными замечаниями о биологии, распространении и промысловом значении некоторых животных, послужили основой для дальнейшего изучения фауны Уссурийского края, несмотря на рекогносцировочный характер Уссурийской экспедиции.

Не ограничиваясь организацией самостоятельных исследований, Сибирский Отдел с первых же лет своего существо-

вания принимал деятельное участие в работах экспедиций, снаряжаемых в Сибирь такими центральными научными учреждениями, как Академия Наук и Русское Географическое Об-во, а также оказывал всевозможное содействие ученым путешественникам, посещавшим Сибирь для научных исследований. Так, например, значительное содействие со стороны Отдела было оказано академику Шренку, путешествовавшему одновременно с экспедицией Маака по Амурскому краю и описавшему множество новых для науки видов животных, преимущественно птиц, как по материалам собственных сборов, так и по сборам Маака.

Но особенно большое содействие было оказано т. н. „Сибирской экспедиции“ Русского Географического Об-ва, работавшей в Сибири во второй половине 50-х годов, за что Отделу была официально объявлена особая благодарность от Географического Об-ва.

В качестве натуралиста в состав этой экспедиции входил ученый зоолог Radde, который в течение 1855—1859 г.г. исследовал побережья Байкала, Забайкалье—от Яблонового хребта до Монгольской границы, окрестности Косогола, Тункинский край и другие районы Ю. Сибири. Этот ученый собрал здесь огромное количество зоологического материала и сделал массу наблюдений над биологией и распространением сибирских животных.

Сибирский Отдел всячески содействовал Радде в его исследованиях, оказывая ему даже материальную помощь из своих средств³.

Результаты своих обширных исследований Радде опубликовал в 4-томном труде «Reisen in Suden von Ost-Sibirien in Jaren 1855—59, SPB», который и по настоящее время является фундаментальным для познания фауны Ю.-В. Сибири.

Кроме систематического обзора и описания новых видов, Радде приводит здесь подробный анализ забайкальской фауны, в результате которого разбивает ее на 3 части: 1) Собственно сибирская, южная граница обитания которой совпадает с границей распространения сибирского кедра и северного оленя; 2) Степная—монгольская, характерная по присутствию в ее составе большого количества типичных монгольских степняков и 3) Северно-маньчжурская; при этом последние две занимают узкие полосы в 20—40 верст шириною, тянущиеся вдоль границы с Китаем.

Фаунистические исследования Отдела в 60-е и 70-е годы, как мы увидим ниже, были не менее богаты и плодотворны.

³ В 1859 году Сибирский Отдел выдал Radde из своих средств 300 рублей в знак признания его заслуг по изучению природы Сибири.

В этот период времени среди членов Отдела выделяются новые крупные деятели, а именно: известный впоследствии путешественник и доктор зоологии Петербургского университета И. С. Поляков, энтомолог Пуцилло и, наконец, знаменитый Дыбовский со своими сотрудниками.

Кроме того Отдел оказывает деятельное содействие всемирно известному исследователю Азии Н. М. Пржевальскому, совершившему в 1867 году свое первое научное путешествие в Уссурийский край.

И. С. Поляков был учителем Иркутской начальной военной школы. Благодаря энергии и исключительной трудоспособности, под покровительством Сибирского Отдела начал свои зоологические исследования, не получив вначале высшего специального образования. Лишь несколько лет спустя, после целого ряда ценных работ по исследованию Сибири, он переселяется в Петербург и поступает там в университет.

Из его исследований мы отметим лишь те, которые были произведены им по поручению Сибирского Отдела или при его содействии, а именно: путешествие его совместно с П. А. Кропоткиным от устья Витима до Читы, затем поездку в Саяны и Тункинский край и небольшую экскурсию на с.-з. побережье Байкала.

Исследования, произведенные Поляковым во время путешествия с П. А. Кропоткиным в 1866 году, охватили совершенно неизвестный до того район: верховья Лены от Качуга до устья Витима, Патомское нагорье, т. н. Олекминско-Витимскую горную страну, Муйские хребты и, наконец, Витимское плоскогорье до Читы.

Зоологические результаты этого предприятия были опубликованы Поляковым в сочинении под названием „Географическое распространение животных в юго-восточной части Ленского бассейна“ (СПБ 1873 г.), для которого были использованы также материалы его Саянской экспедиции и экскурсии на с.-з. побережье Байкала. Подчеркивая прямую связь между физико-географическими условиями страны и характером населяющей ее фауны, Поляков делит охваченный его исследованиями район на 3 части: 1) Ленская плоская возвышенность, 2) Витимское плоскогорье (между 52° и 56° с. ш.) и 3) Олекминско-витимская горная страна (к северу от 56° с. ш. до Патомского нагорья). На всем этом пространстве Поляков насчитывает 107 видов птиц и 39 видов млекопитающих. Из последних лишь 14 общи всем трем районам, а именно: росомаха, медведь, соболь, горностай, ласка, колонок,

волк, белка, летяга, бурундук, заяц-беляк, горная пищуха, кабарга и сев. олень.

Наиболее близки между собой по физико-географическим условиям Ленская возвышенность, обнимающая верхнее и среднее течение Лены до устья Витима, и Витимское плоскогорье. В том и другом районе встречаются, наряду с чисто горным ландшафтом и дремучей низменной тайгой, значительные луговые и лесостепные участки; соответственно этому они и населены более богатой и разнообразной фауной. Напротив, Олекминско-Витимская горная страна весьма однообразна и сурова по своей природе, а потому и населена скудно: так, например, там отсутствуют лось, изюбрь, коза и мн. др. животные, весьма обыкновенные как по Лене, так и на Витимском плоскогорье.

Кроме этих общих выводов о характере фауны ю.-в. части бассейна Лены. Поляков дает довольно много интересных сведений из биологии сибирских животных и их распространении в Прибайкалье.

Энтомологические исследования Пуцилло, начатые им в 1867 году, продолжались несколько лет. Для сборов насекомых Пуцилло совершил ряд экскурсий на побережье Байкала, в Тунку, на Хамар-Дабан, Нуку-Дабан и в другие места. Многочисленные коллекции, собранные им, поступили в музей Сибирского Отдела, а частью были отосланы для обработки в центральные научные учреждения.

Обширные и многолетние исследования сосланных в Сибирь польских ученых—доктора Дыбовского Б. И. и его товарища и сотрудника Годлевского—были начаты ими в 1865 году. Первые два года пребывания в Сибири эти ученые исследовали некоторые районы по течению р. Ингоды и Туры, правого притока Ингоды. Но в 1867 году они переселяются в село Култук, лежащее на ю.-з. берегу Байкала и отдаются тщательным исследованиям фауны Байкала и его побережья.

В Июле 1868 года Дыбовский случайно получает возможность совершить кратковременную поездку в Амурский край, будучи прикомандирован к комиссии генерала Сколкова, но, по возвращении оттуда, вновь работает на Байкале. В начале 1872 года Дыбовский, вместе с Годлевским и новым товарищем Янковским, опять путешествует по Амуру, Уссури и побережью Японского моря. Зима 1875 года вновь была проведена исследователями на Байкале до 1876 года, когда они, получив разрешение возвратиться на родину, уехали в Варшаву ¹⁾.

¹⁾ Б. И. Дыбовский, Автобиография. Юбилейный сборник под редакцией Коротнева. Киев, 1901 г.

В начале эти ученые вели свои исследования на собственный риск и страх, без всякой поддержки со стороны какого бы то ни было научного учреждения. Но вскоре Сибирский Отдел принял их под свою защиту, начал оказывать им материальную поддержку, выхлопотал им, вместо предполагаемой ссылки в Якутск, право жительства в Култуке и снабдил их кой-какими инструментами. В дальнейшем такая помощь и крайне необходимая для загнанных повстанцев моральная поддержка со стороны Сибирского Отдела не прекращалась.

Результаты работ этих неутомимых и талантливых ученых были поразительны.

Особенно неожиданны были открытия, сделанные ими на Байкале. До исследований Дыбовского принято было считать, что фауна низших животных Байкала до крайности бедна. Такое мнение было высказано Палласом, Миддендорфом, Георги и даже Радде, пробывшим на Байкале около 10 месяцев. Такой скептический взгляд на возможность присутствия в Байкале богатства форм безпозвоночных разделял и Сибирский Отдел, вначале поэтому сдержанно относившийся к работам польских ученых. Но уже в отчете о своей деятельности за 1869 год Отдел отводит видное место этим работам, подчеркивая, что „еще в 1-й раз Байкал исследуется с такой глубиной и тщательностью“.

Насколько богатыми оказались результаты исследований Дыбовского можно видеть из такого сопоставления:

До Дыбовского было известно из Байкала:

ракообразных 6 в., после его исследования	191 в.
моллюсков 5 в. „ „ „ . . .	40 в.
губок 1 в. „ „ „ . . .	4 в.
рыб 12-13 вид. „ „ „ . . .	21 в.
и т. д.	

Добавим к этому, что огромное большинство найденных форм оказались совершенно новыми для науки, нигде на земном шаре, кроме Байкала, не встречающимися. Кроме того, Дыбовский сделал многочисленные наблюдения над биологией байкальских животных, изучил голомянку (*Comerphorus baicalensis*) и нерпу (*Phoca baicalensis*), которую он не считает идентичной Европейской *Ph. annulata*, как до него думали. Кроме *Phoca baicalensis* Дыбовский различает в Байкале еще разновидность ее — *Phoca b. micropeza* — нерпа малоногая¹⁾. Мнение о существовании этой разновидности, несмотря на

¹⁾ См. отчет Сиб. Отд. за 1869 год.

некоторые возражения, не оставлено Дыбовским и по настоящее время.

Из всего сказанного ясно видно, что *Байкал в фаунистическом отношении был открыт Дыбовским.*

Присутствие в Байкале таких животных, как нерпа и губки родов *Veluspa* и *Lubomirskia*, преобладание среди ракообразных группы *Amphipoda* и ряд других соображений позволили Дыбовскому присоединиться отчасти к мнению Гумбольдта-Пешеля, что Байкал когда-то был фиордом Ледовитого океана, от которого и получил свою фауну, впоследствии изменившуюся под влиянием опреснения ²⁾).

Богатейшие сборы Байкальских животных были разосланы Дыбовским в различные музеи Европы и приковали к себе внимание всего ученого мира. Сам же он обработал рыб, ракообразных, ²⁾ частично моллюсков и некоторые другие группы.

Результаты исследований этими учеными сухопутной фауны Прибайкалья были также весьма богаты.

Тщательно изучив окрестности Култука, они собрали здесь материал по разнообразнейшим группам животных, но больше всего по птицам и млекопитающим.

В первые же годы пребывания в Забайкалье и Култуке Дыбовский нашел и описал замечательного сибирского тритона *Salamandrella keiserlingii*

В последующие годы район исследований сухопутной фауны Прибайкалья был значительно расширен: ученые посетили Прибайкальские хребты, верховья Иркута и оз. Косогол. Эти экскурсии, помимо богатых коллекций, дали много новых сведений о географическом распространении и систематическом составе животных Прибайкалья, которые и были опубликованы в статье под названием „Материалы к зоографии В. Сибири“ (т. XI Зап. Сиб. Отд.).

Все эти исследования позволили увеличить список птиц для южной части Иркутской губернии вдвое против приводимого Радде, т. е. до 291 вида, а млекопитающих до 30 видов.

На основании своих сборов, Дыбовский делает заключение, что фауна Прибайкалья не менее богата, чем в соответствующих широтах Европы, но в то же время резко от европейской отличается.

Население рек и озер Прибайкалья было также охвачено исследованиями. Особенно большое внимание было уделено рыбам Байкальского бассейна. В работе „Рыбы системы вод Байкала“ (Изв. С. О. т. VII 1876 г.) Дыбовский приводит

¹ Dybowski, Verh. zool. bot. Gesellsch. Wien 1870.

² Гаммариды оз. Байкала. В. И. Дыбовского. Изв. С. О. т. 6, 1875 г.

29 видов из этого бассейна, из которых 10 описываются им впервые.

Исследования в Амурском и Приморском крае были не менее плодотворны.

Еще будучи на Ингоде, Дыбовский собрал большой материал по фауне этой части Забайкалья, который достаточно убедительно показал, что мнения его предшественников о большом сходстве фаун В. Сибири и Европы слишком преувеличены. Тогда же были изучены Дыбовским рыбы бассейнов р. р. Ингоды и Онона.

Исследования ихтиофауны Амура и рек его бассейна дали новый интересный и обширный материал. В большой сводной работе „Рыбы системы вод Амура“, опубликованной в „Известиях Сибирского Отдела“ за 1877 год, Дыбовский приводит 53 вида рыб из бассейна Амура, против 17 Палласа и 21 Маака,³ из которых более 30 описываются впервые⁴. Конечно невозможно в кратком очерке дать хоть сколько-нибудь полную характеристику всех исследований Дыбовского и его сотрудников в Сибири. Мы можем сказать лишь одно, что сделанная ими работа огромна, но, однако, без содействия, горячего участия и прямой помощи Сибирского Отдела вряд ли она могла развернуться в столь широких размерах и иметь такие блестящие результаты, которым нам приходится лишь удивляться.

Огромные сборы Дыбовского и его сотрудников в значительной части были представлены ими в музей Сибирского Отдела в Иркутске. Но, к несчастью, во время пожара в 1879 году все это, как равно и богатейшие сборы Маака и др. исследователей Сибири, погибли в огне.

В конце 60-х и в начале 70-х годов, т. е. почти одновременно с Дыбовским, начинает свою кипучую деятельность в Сибири другой талантливый ученый И. Д. Черский.

Будучи по специальности геологом и палеонтологом, Черский весьма интересовался также и современной фауной Сибири, особенно млекопитающими.

При непосредственной и значительной поддержке Сибирского отдела Черский с большой тщательностью и исключительным талантом изучает геологию Восточной Сибири, главным образом Прибайкалья, и высказывает новый взгляд на происхождение Байкала и его животного населения. Он считает

³ В настоящее время в бассейне Амура найдено 84 вида.

⁴ Правда, более половины этих новых видов, как оказалось впоследствии, были уже известны в науке и описаны до Дыбовского из китайских рек, о чем он не мог знать не имея соответствующей литературы, но заслуга Дыбовского этим нисколько не умаляется, т. к. описания и измерения рыб, приводимые в его работе настолько точны и тщательны, что всегда можно понять, о каком именно виде идет речь.

мало обоснованным рассматривать Байкал, как остаток фиорда Ледовитого океана. Напротив, по его мнению, Байкал-искони пресноводный бассейн, а его морская фауна могла проникнуть из океана по таким могучим речным системам, как Ангара, которая в глубокой древности была во много раз более многоводна, чем теперь.

Исследования Черского о потретичной фауне Восточной Сибири и его блестящая попытка воспроизвести физико-географические условия, господствовавшие здесь в постплиоценовую эпоху, остаются и до настоящего времени фундаментальными для понимания далекого прошлого животного мира Сибири.

Из работ Черского о современной фауне необходимо отметить его „Естественно-исторические наблюдения от Иркутска до села Преображенского“, напечатанные в „Изв.“ ВСОРГО за 1885 г.

Здесь он приводит обзор млекопитающих, обитающих в бассейне верхнего течения Н.-Тунгуски и средней Лены и дает целый ряд интересных сведений зоогеографического характера. Так, мы узнаем, что изюбрь водился раньше по крайней мере до 61° с. ш., но уже давно исчез из этих широт, что коза доходит на север до верховьев реки Непы, что, с другой стороны, обитатель полярных тундр песец забегает иногда на юг по Н.-Тунгуске до 60° с. ш.

Отметим еще, что значительная часть коллекций млекопитающих, собранных Дыбовским и др. исследователями Сибири и доставленных ими в музей Сибирского Отдела, также были обработаны Черским.

Деятельность Отдела по изучению сибирской фауны в 80-е и 90-е годы была несравненно слабее, чем в предыдущий период времени. Остро чувствовался недостаток лиц со специальным образованием, крайне необходимым для серьезных зоологических исследований. Помимо этого, к началу 20 века, круг деятельности В. Сибирского Отдела вообще значительно сузился, т. к. под влиянием растущей потребности детальнейших исследований страны к этому времени открылись и начали функционировать в Сибири целый ряд провинциальных научных учреждений, как, например, музеи: Ачинский, Красноярский, Енисейский, Минусинский, Якутский, Нерчинский, а в 1900 г. открыл свои действия, при ближайшем участии ВСОРГО, и его Красноярский подотдел.

Подобные же учреждения возникают также и в городах Дальнего Востока.

За эти годы заслуживают внимания исследования члена Отдела В. Е. Яковлева по ихтиофауне р. Ангары, наблюде-

ния Иохельсона над промысловыми зверями Колымского края, а также фенологические наблюдения члена Отдела Т. Ю. Юринского.

Яковлев нашел в Ангаре 4 вида рыб, до него неизвестных в бассейне Байкала, один из которых (*Cottus inermis*) оказался новым для науки и описан Яковлевым в работе, помещенной в „Известиях“ ВСОРГО за 1890 г.

Иохельсон был участником Колымекой экспедиции 1894 года и доставил много сведений о биологии и распространении промысловых зверей этого интересного края, опубликованных им в работе „Очерк зверопромышленности Колымского края“.

Кроме того, Отдел продолжает оказывать содействие тем ученым путешественникам, которые работали в Сибири в этот период времени по заданиям центральных учреждений: энтомологу Гансу Ледер, исследовавшему энтомофауну Саян и Монголии, проф. В. Вагнер, изучавшему фауну Байкала и др.

Из деятельности В. Сибирского Отдела в самом конце 900-х годов и в первом десятилетии XX века мы должны отметить фаунистические исследования членов Отдела В. Н. Гаряева на Байкале и В. Ч. Дорогостайского в Северо-Западной Монголии.

Деятельность Гаряева, между прочим, связана с первой попыткой основания на Байкале биологической станции. Попытка эта заключалась в следующем. Летом 1897 г. студент Московского университета И. А. Пятидесятников основал на личные средства в селении Голоустном на Байкале метеорологическую станцию. Туда же поехал для фаунистических работ на Байкале и Гаряев, оборудовавший там зоологическую лабораторию. Осенью 1897 года все это предприятие было передано в распоряжение Восточно-Сибирского Отдела. К сожалению в 1898 г., когда Гаряев уехал в Казань для продолжения образования, Отдел не смог отпустить для приглашения нового зоолога средств и зародившаяся биологическая станция прекратила свое существование.

В 1899 г. Гаряев снова производит свои исследования фауны Байкала, но уже на средства Казанского университета. Но в 1900 г. Отдел вновь нашел возможным оказать посильную помощь Гаряеву, который в это время работал уже в составе Байкальской экспедиции проф. Коротнева, снаряженной на средства Министерства Земледелия. Трехлетние исследования Гаряева и труды экспедиции проф. Коротнева, который также состоял действительным членом Сибирского Отдела, дали много нового для познания фауны Байкала. Так, к многочисленным видам *Amphipoda*, описанным Дыбовским, прибави-

лось более 60 новых форм, к 9 видам планарий прибавилось более 25 новых, впервые было обнаружено присутствие в Байкале—5 форм машанок и т. д.

В 1905-12 г.г. действительный член Отдела В. Ч. Дорогостайский совершил по поручению центральных научных учреждений несколько путешествий по С.-З. Монголии. Одно из них, а именно путешествие в 1908 году на озеро Косогол, было совершено при непосредственном содействии и частью на материальные средства В.-Сибирского Отдела. В результате—В. Ч. Дорогостайским была составлена карта озера Косогола и произведены значительные фаунистические сборы, представленные им в Зоологический Музей Академии Наук.

В период войны и революции мы не видим в деятельности Отдела сколько-нибудь заметного внимания к фаунистическим исследованиям. Но в последние годы, в связи с открытием Иркутского университета, Отдел обогатился целым рядом новых сил, что, конечно, не замедлит сказаться благотворно в самом ближайшем будущем на его деятельности по изучению животного мира Сибири...

Подводя общий итог фаунистическим исследованиям Сибирского (а затем В.-Сибирского) Отдела Р. Г. О., празднующего ныне 75 летний юбилей своего существования, мы должны признать, что работа, произведенная им в этом направлении, весьма велика. Исследованиями Отдела были охвачены как центральные части страны, так и ее окраины, а именно: бассейн Вилюя и верхнего течения Оленека, бассейн верхнего и среднего течения Лены, бассейн Витима, Прибайкалье, бассейн Ангары и Нижней Тунгуски, бассейн Амура от верховьев до устья, бассейн Уссури, отчасти крайний С.-Восток Сибири и пограничные части Монголии и наконец Байкал. Собрано огромное количество фаунистических коллекций, хранящихся в различных научных музеях и служащих и по настоящее время предметом тщательного изучения учеными; открыто множество новых „Сибирских“ форм; произведены ценные биологические наблюдения над многими животными, намечены естественные границы распространения отдельных видов и т. д.

Исследования, произведенные в Сибири за это же время центральными научными учреждениями, несколько не затмевывают деятельности Отдела; напротив, если в настоящее время в науке установилось более или менее отчетливое представление о характере фауны, населяющей безграничные пространства Сибири, то мы обязаны этим больше всего ВС. Отделу и его деятелям.

Но все же изучение такой огромной страны, как Сибирь, конечно, далеко еще не может считаться законченным. Много еще есть таких углов, не только на окраинах, но даже в центре страны, которые ни в какой степени до сих пор не захвачены исследованиями; еще недостаточно тщательно изучен видовой состав сибирской фауны, сравнительно мало известна ее биология и не выяснены многие важные детали географического распространения животных; еще очень мало затронута исследованиями фауна беспозвоночных животных Сибири, а на этом пути, вероятно, предстоит еще много неожиданных и важных открытий; еще много тайн хранит в своих глубинах Байкал... Таким образом, перед научными учреждениями Сибири стоят еще большие, важные, но до сих пор далеко не разрешенные задачи. Но мы твердо убеждены, что в ближайшие годы эти задачи будут разрешены силами все более и более развивающихся и крепнущих научных учреждений Сибири, между которыми В.-С. Отдел, по примеру своего прошлого, будет занимать достойное место.

Исторический очерк музея ВСОРГО. (1854 г.—1920 г.)

Иркутский музей является одним из старейших музеев Сибири; он был основан иркутским губернатором Ф. Н. Кличкою в 1782 г.

История возникновения музея рисуется в таком виде.

Ф. Н. Кличка, по прибытии на место новой службы в Иркутск, узнав об отсутствии в городе удобного помещения для библиотеки, пригласил жителей и объявил им о необходимости выстроить для этой цели особенное каменное здание. В 1780 г. было приступлено к постройке, а к третьему декабря 1782 года в этом огромном по тому времени, трехэтажном каменном, здании была открыта библиотека.

С открытием библиотеки было положено и основание „музеуму“. В музеуме „предполагалось сохранять и собирать все естественные произведения здешнего края, иметь модели разных земледельческих орудий, физические инструменты, модели судов, употреблявшихся в Охотском море и озере Байкале“. Составление музеума было возложено на почетного члена Академии Наук Ерика Лаксмана.

Несколько лет библиотека и музеум находились в ведении г. г. Карамышева и Лаксмана, которые их значительно увеличили книгами и коллекциями. По отъезде первого в Европейскую Россию библиотекарем определился член приказа Никитин, очевидно, мало понимавший в музейном деле или не любивший его; публичная библиотека в 1789 г. при переходе в ведение главного народного училища оказалась в ужасном беспорядке: многих книг вовсе не было, иные отданы были без расписки, многие—изорваны, замараны; в музеуме чучела были попорчены, растения сгнили.

В 1792 г. музеум обогатился коллекцией минералов, собранных маркшейдером Губановым в Барнаульских рудниках.

В последствии в 1804 г. коллекции пополнились приобретением „натурального кабинета, оставшегося в Иркутске по смерти академика Лаксмана“, состоявшего из 300 штук

минералов и 860 раковин. По „высочайшему соизволению“ за коллекции г. Лаксмана было уплачено 3.500 рублей.

В 1805 году с открытием Иркутской губернской гимназии коллекции поступили в ведение последней, при чем учреждение это было названо „музеем“.

В 1816 году „некоторые любители учености из здешних чиновников представили 500 рублей на украшение гимназического музея; на пополнение физических инструментов купец В. И. Патюков пожертвовал 1 тыс. рублей“.

В 1824 году музей имел:

1. „Минеральный кабинет“ из 1135 штуфов местных ископаемых, 2. „Раковинный кабинет“ из 950 раковин Восточного и Южного океанов, 3. Библиотека имела более 1000 сочинений на разных европейских языках и большое собрание книг на китайском, манчжурском, японском и татарском языках, 4. „Собрание ландкарт, планов, эстампов, математических и физических инструментов, моделей, редкостей с островов восточного океана, состоящих в естественных произведениях, одежде и разных орудиях, употребительных у тамошних народов“.

Возможно, эти коллекции и послужили основанием „музея естественных предметов“ при Главном управлении восточной сибирей, открытого в сороковых годах по предложению министра внутренних дел.

Распорядителем этого музея был избран инспектор Иркутской губернской гимназии В. И. Седаков, который деятельно трудился над созданием музея. Он „составил руководства для собирания, препарирования, хранения и пересылки предметов, заготовлял все нужные препараты и посуду и входил в сношения с корреспондентами, отыскивая их во всех углах Сибири“. Плодом его усилий было создание музея, в котором уже в 1850 году было собрано до 650 предметов.

17(29) ноября 1851 года в Иркутске „появился новый краеведческий очаг, привлекий к себе все немногочисленные местные научные силы и развернувший собственную собирательскую и исследовательскую работу“—это Сибирский Отдел Русского Географического Общества.

Отдел в первые годы деятельности, за отсутствием средств и специального помещения, не приступал к открытию своего музея и члены Отдела для своих научных работ пользовались коллекциями музеума Главного управления Вост.-Сибири, куда они имели свободный доступ, тем более, что „в умножении и устройстве музеума“ участвовали преимущественно члены Отдела.

Непосредственная и живая связь Сибирского Отдела с музеем вскоре побудила Главное управление В.-Сибири передать музею Отделу, что и было исполнено в 1854 году*).

Музей с момента перехода в ведение Отдела, благодаря нравственной и материальной поддержке местного общества и членов Отдела, быстро стал пополняться коллекциями.

Одним из первых поступлений в музей была интересная коллекция медных, железных, и других древних вещей из Минусинского края.

Но однако более всего способствовали притоку коллекций экспедиции и отдельные поездки членов, организованные Отделом.

Из таких наиболее известных экспедиций отметим:

Экспедиция Р. Маака в Вилуйский край (1853—1855 г.г.), на Амур (1855—1856 г. г.) и Уссури (1859 г.). Эти экспедиции дали музею богатейший материал по этнографии, зоологии, геологии, орнитологии, ботанике и др. Насколько был ценен этот материал, видно из того, что обработка его по просьбе Отдела производилась в Петербурге известными учеными академиками Брандтом, Менетрие, Бремером, Рупрехтом, Веселовским и др.

Туруханская экспедиция А. П. Шапова и И. А. Лопатина (1866 г.), давшая ценный материал по геологии, фауне, флоре и этнографии. **Олекминская экспедиция И. А. Лопатина**, давшая материал по геологии, **Олекминско-Витимская экспедиция П. А. Кропоткина и И. С. Полякова**, экспедиция **А. Л. Чекановского** и др.

Много способствовали притоку коллекций исследования ссыльных: В. И. Дыбовского, В. Годлевского, геологов Меглицкого, Пермикина, Башкевича и в особенности многолетние исследования по изучению геологии В.-Сибири **И. Д. Черского** **А. Л. Чекановского**. Благодаря работам в музее последних исследователей впервые были приведены в определенную систему остеологические материалы музея, ранее значившиеся только под общим странным термином „кости допотопных животных“.

Вообще геологии, зоологии и палеонтологии В.-Сибири особенно посчастливилось в первые десятилетия по открытии музея.

*) В „Очерках двадцатипятилетней деятельности Сибирского Отдела“ Ирк. 1876, стр. 3-4 упоминается, что музей Главного управления В. Сибири был передан Отделу в 1851 году, — повидимому произошла ошибка.
(См. Отчет Сибирского Отдела за 1852 г. и др., Записки Сиб. Отд. 1866, кн. I-II).

Коллекции по флоре поступали также от Юринского с Онона, от Будищева, Агапитова и др.

В это же время в музей поступили коллекции буддийских божеств, а также коллекции по археологии.

В конце семидесятых годов коллекции музея были настолько обширны, что музей имел возможность принимать участие на многих выставках.

В 1868 г. музей экспонировал свои коллекции на сельскохозяйственной выставке в Иркутске, в 1876 г.—на выставке конгресса ориенталистов, в 1877 году—на археологической выставке в Казани, в 1879 г.—на Московской Антропологической выставке и др. На Антропологической выставке Отдел занял одно из самых видных мест и во многом способствовал успеху выставки.

Но, однако, большим препятствием росту музея служила теснота и непригодность помещения. Еще в 70-х годах вопрос о постройке здания музея настойчиво выдвигался и собирались средства на расширение здания.

В 1873 году велись переговоры с Иркутской городской думой о перестройке помещения музея. Городское управление соглашалось, ставя условиями: 1) сообщение плана постройки, 2) приспособление здания для городской библиотеки и квартиры библиотекаря, 3) доступность библиотеки Отдела для посетителей городской библиотеки.

Этот вопрос, однако, не был разрешен до лета 1879 г.

Дни 22—24 июня 1879 года были роковыми днями для Отдела—это были дни известного иркутского пожара.

Во время пожара в музее погибли: богатая библиотека, заключавшая в себе 10.227 книг, погибли 22.330 экземпляров различных естественно-исторических, этнографических и археологических предметов, масса старых дел различных учреждений Сибири, драгоценных свитков, относящихся к царствованию Иоанна Грозного и т. п. Тут же погиб превосходный труд А. П. Шапова о Туруханском крае.

Но, однако, в такую годину бедствия распорядительный комитет уже через месяц собирается на заседания, стараясь „воскресить из пепла дорогое для края ученое учреждение“.

В это время остатки коллекций, а также и канцелярия Отдела помещались где то в двух низких небольших комнатах „в сравнительно уединенной части города“.

Началась кипучая деятельность по восстановлению музея и сбору коллекций. Отдел встретил большое сочувствие и необычайную отзывчивость со стороны местного общества в деле восстановления музея и возобновления своей научно-исследовательской деятельности.

От разных лиц и организаций стали поступать коллекции, книги для библиотеки и денежные пожертвования. „Нес всякий, что мог“. Поступление коллекций носило самый разнообразный характер.

Генерал-губернатор В.-Сибири Д. Г. Анучин, желая оказать содействие Сибирскому Отделу по восстановлению музея и библиотеки,—обратился к местным представителям торгово-промышленного сословия с письмами о материальном содействии Отделу. Таким путем было собрано до 12.500 рублей.

Пришли на помощь и научные учреждения; Академия Наук, Вольно-Экономическое Общество, Географическое Общество, Петербургский Ботанический Сад, Главная физическая Обсерватория, Общество Любителей Естествознания, Общество Московских Натуралистов и др., узнав о постигшем музей несчастье, выслали свои издания, пожертвовали дубликаты коллекций и т. д.

Н. М. Мартыанов прислал коллекцию минусинских растений и друг. предметов.

На собранные средства Отдел в сентябре 1882 года приступил к постройке нового (современного) здания. Здание строилось хозяйственным путем Н. И. Витковским по проекту архитектора бар. Розена. Место для музея (угол Большой и Набережной) было специально отведено министерством внутренних дел.

6 октября 1883 года состоялось торжественное открытие нового двух-этажного каменного здания, построенного в мавританском стиле.

Фасад музея отделан красным кирпичем и отчасти песчаником; во фризе здания на каменных досках помещены фамилии лиц, прославившихся учеными исследованиями Сибирского края, а именно: Беринга, Гмелина, Палласа, Георги, Миллера, Врангеля, Гумбольдта, Миддендорфа, Крашеникова, Мессершмидта.

Впоследствии известным жертвователем Сиверсом было пожертвовано еще 15.000 рублей на постройку новых зал, носящих его имя.

Первое десятилетие после открытия музея ознаменовалось поступлением разнообразных богатейших коллекций, доставленных Г. Н. Потаниным из его известных экспедиций в китайскую провинцию Гансу, в Тибет и Монголию, Саянской экспедиции Н. П. Бобыря, инженера Л. Ячевского, ботаническими коллекциями Я. Прейна, геологическими коллекциями В. А. Обручева, археологическими—И. Т. Савенкова, Н. Н. Агапитова, Еленева, зоологическими—В. Яковлева и других.

Этнографические исследования и приток в музей этнографических коллекций особенно усилились с прибытием в Иркутск Г. Н. Потанина и Д. А. Клеменца, принявших деятельное участие в работе Отдела.

Г. Н. Потанин вместе с И. Н. Подгорбунским вскоре же организовал выставку принадлежностей буддийского культа, впервые ознакомившую публику с внешней стороной буддизма.

Благодаря энергии и инициативе Г. Н. Потанина и Д. А. Клейменца широко развился интерес к изучению местных туземных народностей.

В деятельности Отдела стали принимать живейшее участие такие исследователи бурят как: М. Н. Хангалов, П. П. Боторов, Я. Чистохин, Я. И. Дуброва, И. А. Подгорбунский, В. Л. Приклонский и другие.

Отдел за это время обогатился лучшими работами по этнографии края, а музей приобрел богатейшие этнографические коллекции; коллекции по буддизму и шаманству были пожертвованы Д. Гомбоевым, М. Н. Хангаловым, Вамбоцыреновым, Пандером, Лумбуновым и мн. друг. Постепенно пополнялся музей и археологическими коллекциями. В этой области оказали большие услуги члены Отдела: Н. Н. Агапитов, Еленев, Н. И. Витковский, И. Т. Савенков, Д. А. Клеменц, И. С. Поляков и впоследствии М. П. Овчинников.

Собственно Н. И. Витковский и М. П. Овчинников являются создателями археологического отдела музея. Особенно ценны поступления Н. И. Витковского из раскопок могильников на левом берегу реки Ангары, при устье реки Китоя, где им найдены были полные костяки человека ново-каменного периода со всей погребальной обстановкой.

В 1889 году музей уже имел 9048 экземпляров.

Постепенно налаживалась и научно-популярная деятельность Отдела и музея. Стали устраиваться воскресные лекции и делаться объяснения коллекций.

Лекторами выступали: И. Подгорбунский, Д. П. Першин, Н. И. Попов, А. И. Кириллов, Н. П. Левин, Д. А. Клеменц и др.

В 1889 году Иркутская городская дума, идя на встречу просветительной деятельности Отдела, ассигновала 600 рублей „с тем условием, чтобы эти деньги употреблялись на развитие общеобразовательной части музея и на организацию объяснений коллекций сведущими лицами при посещении музея публикой“.

Насколько эти чтения отвечали насущной потребности и способствовали росту значения Отдела и его музея, видно из

числа посещений: в 1877 году—музей имел 1300 посетителей, (пропускаем первые годы после пожара), в 1885 г. имеем—1764 лица, в 1888 г.—2826 лиц, в 1889 г.—2019 лиц, а после открытия чтений в музее: в 1891 г.—5922 л., в 1892 г.—6734 л., в 1895 г.—9980 л., в 1899 г.—12651 л., 1900 г.—15716 л., в 1901 г.—15622 л. и т. д.

Эти данные наглядно показывают значение просветительной работы и развитие популярности музея.

В конце 1891 г. музей имел возможность более просторно разместить свои отделы. В это время была закончена пристройка двух новых зал имени Сиверса. Этнографический Отдел был помещен во второй зал верхнего этажа, естественно-исторический и археологический отделы—в двух нижних залах.

Музей уже обладал более 10.000 экз. предметов и более 10.000 книг.

Вскоре отделы музея еще пополнились богатыми и разнообразными коллекциями, доставленными членами известной Сибиряковской экспедиции В. Иохельсоном, В. Богоразом и др., и разнообразными коллекциями от Д. А. Клеменца, как-то: геологическими—из Монголии и Ачинского округа, палеонтологическими—с р. Чулыма, ботаническими—из Забайкалья и Енисейского края, этнографическими—из различных мест Восточной Сибири и археологическими из Забайкалья. Несколько позднее в музей поступают известная тунгусская коллекция С. А. Под'яконова, большая археологическая коллекция от М. П. Овчинникова и Протасова, разнообразные коллекции (зоологические, ботанические и др.) от Г. Н. Потанина, А. М. Станиловского, Я. Прейна, В. Ч. Дорогостайского и др.

Одновременно начинается приведение коллекций в определенную систему и описание их. Этой работой музей обязан членам Отдела Д. А. Клеменцу, Д. Першину, Н. И. Витковскому, М. Н. Хангалову (ценны его описания шаманства бурят), И. Кириллову, Г. Н. Потанину, В. А. Обручеву, М. П. Овчинникову и мн. др.

В этих же годах музей Отдела принимал участие на Нижегородской Всероссийской выставке, организовав для этой цели ряд специальных поездок в различные места Восточной Сибири.

Наличие при Отделе специалистов по различным отраслям знания позволило широко развернуть участие Отдела на этой выставке. Отдел экспонировал следующие коллекции: 1) дендрологическую, состоявшую из 100 образцов древесных и кустарных пород, 2) коллекцию горных пород, 3) коллек-

цию промысловых зверей и птиц, 4) модели различных сельскохозяйственных орудий, 5) Фотографические снимки и изображения сельско-хозяйственного быта, промыслов, занятий населения и др., 6) орографические, гидрографические и административные карты.

За участие на этой выставке Отделу была присуждена высшая награда—диплом первой степени (см. „Отчет по устройству выставки“, помещенный в Отчете Отдела за 1896 г.).

В 1898 году Отдел принимал участие своими коллекциями на Всемирной выставке в Париже. Повидимому часть экспонатов с этой выставки не была возвращена в Отдел.

К концу XIX столетия музей уже имел до 20.000 предметов.

Начало XX столетия ознаменовалось рядом экспедиций, организованных Отделом, а вместе с тем и поступлением новых коллекций. В 1900—1910 г.г. в музей поступают наиболее ценные коллекции: геологическая, минералогическая и зоологическая коллекции с Косокола от Перетолчина; геологическая—Львова А. В., Я. Фризера; этнографическая из Урянхы от Ф. Кона; этномологическая от Суетина, большая коллекция по каменноугольной промышленности от Цетнерович, минералогическая от А. Детинцева (Хамар-Дабан), геологическая—от В. А. Обручева, зоологическая от В. Горяева, археологические коллекции от М. П. Овчинникова, И. А. Кириллова, А. М. Станиславского и мн. других.

В 1901 г., во время подготовительных работ по устройству юбилейных торжеств у Отдела возникла мысль об устройстве научно-промышленной выставки. Целью выставки ставилось „ознакомление с результатами научных исследований Сибири, с ее естественными богатствами и с состоянием ее промышленности и торговли“. Подготовительная работа велась в течении 2 лет и только в 1903 году „проект положения о Сибирской научно-промышленной выставке в Иркутске“ был утвержден.

В последствии мыслилась даже организация постоянной выставки с целью ознакомления населения с производительными силами Сибири.

По примеру прошлых лет музеем были организованы систематические об'яснения коллекций, устраивались почти каждое воскресенье лекции и об'яснительные чтения с демонстрированием диапозитивов, организовывались экскурсии, устраивались художественные и фотографические выставки и пр. В это же время было открыто особое отделение учебных пособий по естественным наукам, истории и технике. Коллекции этого отделения были подвижные и выдавались во вре-

менное пользование в учебные заведения для публичных чтений и для целей самообразования.

Говоря о научно-просветительной деятельности музея, нельзя не отметить неустойчивую работу таких деятелей, как А. М. Станиловского, Д. Першина, В. Б. Шостаковича, Н. П. Гаряева, М. П. Овчинникова, В. Копылова и мн. др.

Увеличилась вместе с тем и посещаемость музея; в 1902 году она доходит до 27.000 лиц, а в 1907 г. и последующие годы до 30.000 лиц в год.

В 1907 году при музее была образована особая музейная комиссия, на обязанности которой лежали все заботы об улучшении библиотеки и музея, составление списков коллекций, каталога библиотеки и музея и путеводителя по музею, который помог бы посещающей музей публике ознакомиться с его коллекциями. Комиссия должна была по мере возможности путем организации платных чтений и другими способами заботиться об увеличении средств музея. Консерватор музея был подчинен этой комиссии, которая руководила его работами.

Из работ музейной комиссии следует упомянуть: приведение в порядок и разборка по семействам (по системе Engler'a) В. Ф. Поповым гербария балаганской флоры, собранного Н. И. Мальцевым и определенного Литвиновым (Академия Наук), работу г. Аккерер, приводившей в порядок под руководством С. А. Щеголькова коллекции насекомых, работу В. Ч. Дорогостайского над определением и каталогизацией птиц и обработкой семейства хищников, работу К. Ф. Егорова по составлению коллекции сибирских минералов, работы Н. Н. Карамзинского, Ф. И. Солдатов, П. П. Лопатина и Б. Л. Биржанского по проверке коллекций этнографического зала. Консерватор музея проверил старые определения и снабдил новыми этикетками коллекцию млекопитающих.

К 1 января 1913 года музей располагал следующим и коллекциями:

а) по зоологии	3.358	предметов.
б) „ ботанике	2.890	„
в) „ геологии и палеонто-		
логии	7.680	„
г) „ этнографии	8.470	„
д) „ археологии	1.665	„
е) „ нумизматике	815	„

За это же время при музее была организована при содействии М. М. Холодковского лаборатория для производства различных сложных химических анализов.

В начале 1909 года Отдел приступил к организации при музее астрономической обсерватории, которая была открыта 7 февраля 1910 года. Заведывал обсерваторией инициатор ее Р. С. Пророков. В ведении его обсерватория находится и по настоящее время.

Период 1910—1920 г. г. обогатил музей весьма ценным гербарием из различных мест Восточной Сибири: от Д. Першина (из Монголии), Р. Беляева (Иркутская губерния), И. В. Ларина и А. В. Боголепова (Иркутская губерния, Забайкалье и Якутская губерния), Г. Каневского и И. Х. Петелина (Иркутская губерния) и друг.

В это же время в музей поступили богатые этнографические коллекции от Н. И. Бавли из Китая и Монголии, от М. П. Трубачевой, М. Н. Хангалова и П. П. Баторова по материальной культуре и шаманству бурят и этнографическая коллекция из Якутской области от А. В. Боголепова.

При таком непрерывном притоке коллекций в музей явилась сама собой необходимость расширить его здание, так как не было никакой возможности развернуть все коллекции и приступить к их научной обработке.

Многие коллекции вследствие тесноты помещения были помещены в холодном надворном здании, другие были свернуты в магазинах.

Распорядительный комитет всеми мерами стремился к расширению здания и еще в 1913 году городским архитектором Г. Б. Бархиным был составлен проект нового здания музея (см. Доклад распорядительного комитета Сибирского Отдела Р. Г. О-ва о расширении здания музея. Ирк. 1913 г.)

Неоднократно Отдел обращался к правительству с ходатайством об отпуске средств на расширение музея—но безрезультатно. Делались даже попытки к сбору пожертвований.

В конце 1920 года музей ВСОРГО перешел в ведение Восточно-Сибирского исследовательского филиала Сибоно; а через некоторое время в ведение Отдела Народного Образования Иркутского Губернского Исполнительного Комитета.

К моменту сдачи коллекции музея состояли из следующих категорий:

1) **Ботанические** коллекции, состоящие из гербария мхов, лишайников, грибов, водорослей, семян и др., характеризующих флору Восточной Сибири, Монголии, Дальнего Востока и частично Туркестана. Гербарии в большинстве случаев определены специалистами.

2) **Зоологические** коллекции по позвоночным и беспозвоночным животным. Особенно ценны чучела, коллекции птиц из известной Ганьсуйской экспедиции Г. Н. Потанина и

Березовского, коллекции гнезд, яиц, коллекция рептилий и земноводных. Фауна Байкала была представлена голомянкой, бычками, губками, ракообразными и др. характерными для этого озера формами.

Из остеологических коллекций наиболее интересны: части скелета стеллеровой коровы, сивуча, медведя, нерпы и др. животных, части скелета мамонта, ископаемого носорога, первобытного быка и др. Разнообразные коллекции по этномологии Восточной Сибири.

3) Геологические коллекции заключали в себе разнообразные минералы и полезные ископаемые, окаменелости, характеризующие Вост. Сибирь, Якутскую область, Монголию, Урянхайский край, Саяны, Енисейский край, частично Урал.

Наиболее ценны коллекции по золото—и каменноугольной промышленности. Этот отдел был снабжен многим фотографией, чертежами, диаграммами и пр. пособиями.

4) Археологические коллекции были представлены: палеолитом, неолитом, бронзой и железом.

Палеолит представлен коллекциями со стоянки „Верхотенская Гора“ М. П. Овчинникова, неолит—коллекциями костяной и кремневой индустрии, нефритовым изделиями, керамикой и др. материалами, в значительной степени ясно отражающими ново-каменный период Прибайкалья. Особенно ценны материалы из раскопок Китайских могильников Н. И. Витковского (см. выше). Бронзовый период представлен разнообразными предметами обихода, вооружения, культа, искусства из Минусинского края и Восточной Сибири; железный период—представлен разнообразными коллекциями (орудиями, кариминой, украшениями, предметами земледелия и т. п.) из различных мест Восточной Сибири и Монголии. Особенно ценны предметы из раскопок Баллода по реке Хара в Монголии.

5) Антропологические коллекции можно разбить на две группы: а) материал из раскопок погребений новокаменного и железного периодов и б) материал случайный. Черепов неолита—29, они в большинстве доставлены М. П. Овчинниковым из окрестностей Иркутска, И. Кирилловым из Тунки и Н. Витковским из раскопок Китайского могильника.

Китайские погребения, раскопанные Н. И. Витковским—как известно, обратили внимание европейских ученых и послужили темой докладов на 5 с'езде археологов в 1882 году.

Кроме того, в этом отделе находятся около 40 черепов бурят, тунгусов, якутов и др. народностей В.-Сибири.

6) Этнографические коллекции можно разбить на следующие группы: буряты, монголы, якуты, тунгусы, коряки, юкагиры, гольды, алеуты, чучки, качинские татары, сойоты,

китайцы, корейцы и японцы. Коллекции содержат предметы обихода, одежду, орудия охоты, жилища, средства передвижения и др. стороны быта и жизни этих народностей. Наиболее полно представлены буряты, якуты, и тунгусы. Большую ценность представляют коллекции по шаманству якутов, тунгусов и бурят, а также коллекции по ламаизму.

Русское население представлено коллекциями моделей средств передвижения, сельско-хозяйственными орудиями, моделями построек и предметами домашнего обихода.

7) Фотографии и рисунки. Фотографические снимки, портреты, диапозитивы—представляют большую ценность музея. Они охватывают разнообразные стороны жизни, хозяйства и верований русского и туземного населения Вост. Сибири. Наиболее полно представлены буряты и русские сторожилы. Интересны также виды Иркутска, рисунки орнамента забайкальских бурят и рисунки по доисторическому прошлому края.

8) Старинное огнестрельное и холодное оружие представлено: коллекцией пищалей, самопалов, пистолетов различных систем, пушками с XVIII стол. шлемами, кольчугами, шишаками и др. предметами вооружения.

9) Нумизматические коллекции, состоящие из русских и иностранных монет, жетонов, билетов и пр. предметов.

Наконец, в музее в это время хранилось богатейшее собрание образцов монгольской народной словесности, сочинений исторических, географических, альбомов и пр. на монгольском и тибетском языках.

Из этого краткого перечисления коллекций видно, какую громадную ценность для изучения Восточной Сибири они представляют.

Литература о музее ВСОРГО.

1. **Азиатская Россия.** Изд. Перес. Управ. Главн. Управ. Земледелия и Землеустройства. СПб., 1914, т. I, стр. 309.
2. **Вагин. В.** Старое время Сибирского Географического О-ва. (Сиб. Сборн. 1897, в. I).
3. **Ватин В. А.** Возникновение музея в Иркутске. (Сибир. Архив, 1914, № 5).
4. **В. С.** В музее. (Вост. Обозрение, 1892, № 47, стр. 10—11).
5. **В Географическом Обществе.** (Вост. Обозрение, 1892, № 18, стр. 8—9).
6. **Вакуловский Н.** День празднования юбилея Сиб. Отдела. (С.-Петербургские Ведомости, 1876, № 280).
7. **Вакуловский Н.** 25 лет Сиб. Отдела. (Биржевые Ведомости, 1876, № 214).
8. **Восточно-Сибирский Отдел Р. Г. О-ва и его деятельность.** (Сиб. Вестник, 1893, Приб. № 13).
9. **Грачев Вл.** К вопросу о создании в Иркутске педагогического музея. (Сиб. Архив, 1913, № 2).
10. **Доклад распорядительного комитета Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества о расширении здания музея.** Ирк., 1913 г.
11. **Закладка здания музея.** (Сибирь, 1882, № 40).
12. **Заметки об иркутском музее.** Этнографическое Обозрение 1890, №3; 1891, № 2, стр. 214; Сиб. Жизнь, 1914, № 109; Жив. Старина, 1908, в. IV, стр. 506; Сиб. Вопросы, 1909, № 10, стр. 25; Сибирь, 1916, № 259; Богульник, 1915—1916, № 3; Сиб. Летопись, 1916, № 6—8, стр. 246, № 9—10, стр. 479—483; Сиб. Архив, 1913, № 6—8, 1914, № 7—8.
13. **Журнал торжествен. собрания Восточно-Сибирского Отдела Р. Г. О-ва 17 ноября 1891 г. по случаю освящения новых зал музея.** Ирк., 1891.
14. **Казаринов П. К.** Три четверети века. К юбилею ВСОРГО. (Сиб. Жив. Старина, 1926, в. VI).
15. **Козьмин Н. Н.** Исторический очерк деятельности Восточно-Сибирского Отдела Р. Г. О-ва за пятьдесят лет. (Изв. ВСОРГО, 1904, XXXV, № 2).
16. **Копылов В.** Закладка нового здания в Иркутске для помещения Восточно-Сибирского Отдела Р. Г. О-ва и речь по этому поводу. (Ирк. Епарх. Вед. 1882, № 44, стр. 571—579).
17. **Копылов В.** Торжество по случаю освящения нового здания Восточно-Сибирского Отдела. (Ирк. Епарх. Вед. 1883, № 47).
18. **Краткий Обзор** действий Сибирского Отдела в первое десятилетие его существования с 1851 по 1861 г. (Зап. Сибирского Отдела Р. Г. О-ва, 1864, кн. 7, стр. 1—30).
19. **Кроль М. А.** О задачах Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Ирк., 1913.

20. **Кузнецов А. К.** Речь, произнесенная по случаю пятидесятилетия Р. Г. О-ва 21 января 1896 г. (Зап. Читинского Отд. Приамурского Отдела Р. Г. О-ва, 1897, в. 2).
21. **Линьков А.** О не порядках в иркутском географическом музее. (Сиб. Летопись, 1916, № 11—12).
22. **Линьков А.** Из жизни Иркутского Географического О-ва. (Сиб. Архив, 1914, № 10).
23. **Место под музеем.** (Сибирь, 1879, № 48).
24. **Мокеев (Н. С. Романов).** Пожар иркутский в 1879 году и его предшественники. (Сиб. Архив, 1913, № 4).
25. **Н. Г.** Пятидесятилетие Восточно-Сибирского Отдела Р. Г. О-ва (очерк). (Сиб. Наблюдатель, 1901, № 11—12).
26. **Научные предприятия Восточно-Сибирского Отдела.** (Изв. О-ва Истории, Археологии, Этнографии при Казанском Университете, 1903, т. XI, в. 4).
27. **Н и С—ка.** Иркутск. (Дорожник по Сибири и Азиатской России, 1899, кн. 2, стр. 25).
28. **Обручев В. А.** Краткий обзор экспедиций, снаряженных Р. Г. О-вом для исследования Азии. (Изв. Р. Г. О-ва, 1896, XXVII, № 1).
29. **Обручев В. А.** Краткий очерк 50 летней деятельности Р. Г. О-ва по исследованию Азии. (Сиб. Сборн., 1896).
30. **Овчинников М. П.** Из моих встреч с Д. А. Клеменц. (Сиб. Архив, 1915, № 11, стр. 403—506).
31. **Овчинников М. П.** Витковский Н. И. (Сиб. Архив, 1911, № 1).
32. **О результатах 25-летней деятельности Сибирского Отдела Р. Г. О-ва.** (Сибирь, 1876, № 38).
33. **Освящение здания музея.** (Сибирь, 1883, № 46).
34. **Открытие нового здания музея.** (Отчет ВСОРГО за 1883 г. стр. 10—12).
35. **Очерк двадцатипятилетней деятельности Сибир. Отдела Р. Г. О-ва,** (Ирк. 1876, с картой В.-Сибири с показанием экспедиций, совершенных с открытия Сиб. Отдела с 1851 по 1876 г.),
26. **Першин Д. П.** Краткий очерк 50 летней деятельности Русского Географического О-ва по этнографии в пределах Азии (Изв. ВСОРГО, 1896, XXVII, № 1, стр. 41—85).
37. **Письмо правителя дел Географическо О-ва И. И. Серебренникова.** (Сибирь, 1916. № 259).
28. **Потанин Г. Н.** Города Сибири. (Сборн. „Сибирь, ее современное состояние и ее нужды“. 1908, СПб, стр. 239—243).
39. **Пруссак А.** Описание рукописей XVII—XVIII в.в. в иркутском музее. (Сиб. Летопись, 1917, № 1—2, стр. 66—76).
40. **Пятидесятилетие (1851—1901 г.г.) Восточно-Сибирского Отдела.** Юбилейный сборник, под редакцией проф. **А. Коротнева.** „Фауна Байкала“. Результаты зоол. экспед. 1900—1901 г.г., снаряжен. под руководством проф. А. А. Коротнева Киев, 1901, стр. 1—76.
41. **Речь правителя дел ВСОРГО Н. Н. Агапитова** по поводу открытия нового здания музея (Изв. ВСОРГО, 1883, XIV, № 4—5).
42. **Розен Г. В.** Краткий отчет о постройке здания Отдела. (Изв. ВСОРГО, 1883, XIV, № 3).
43. **Романов Н. С.** Сибирские Архивы. (Труды Иркутской ученой архивной комиссии, 1913, в. I, ст. 225—226).
44. **Романов Н. С.** Иркутская летопись. (1857—1880 г.г.). Труды ВСОРГО, 1914, № 8, Ирк.

45. **Сукачев В. П.** Первая публичная библиотека и музей в Сибири. (Сибир. Вопросы, 1906, прил. к № 2 сборн.).
46. **Т. Иркутский музей.** (Изв. О-ва истории, археологии и этнографии при Казанском университете, 1892, X, в. 2—3).
47. **У. А. Ф.** Историческая записка о произведенных в В.-Сибири ученых исследованиях. (Приложение к Отчету ВСОРГО за 1868 г. стр. 247—258).
48. **У страха глаза велики.** Корреспонденция из Иркутска. (Сиб. Вопросы, 1909, № 10).
49. **Учреждение Сибирского Отдела Р. Г. И-ва.** (Современник, 1851, т. 29, стр. 24—26).
50. **Щеглов И. В.** Хронологический перечень важнейших событий из истории Сибири. Ирк., 1883.
51. **1851—1911 гг.** Шестьдесят лет ВСОРГО. (Голос Сибири, 1911, — 257).

Коллекции музея ВСОРГО на выставках.

52. **Выставка** изобразительных искусств монголо-бурят., устроенная ВСОРГО. (Красн. монголо-бурят, 1922, № 36).
53. **Выставка** костюмов бурят, устроенная ВСОРГО в 1903. (Вост. Обозрение, 1903, № 54).
54. **Гурьев Н. А.** Сибирские выставки. (Дорожник по Сибири и Азиатской России, 1899, № 3).
55. **Д—В.** Обзор выставки изобразительных искусств монголо-бурят, устроенная ВСОРГО (Этн. Бюлл., 1922, № 1).
56. **Иркутская промышленная сельскохозяйственная выставка.** 1911 г. (Ирк., 1912).
57. **Кустарно-промышленная выставка** в Петербурге. (Известия ВСОРГО, 1904, XXXV, № 1).
58. **Мнение особой комиссии** по вопросу об участии ВСОРГО на Уральской выставке в Екатеринбурге. (Изв. ВСОРГО, 1886, XVII, № 1—2, стр. 184—187).
59. **Молодых И. А. и Кулаков П. Б.** Труды по участию ВСОРГО на Всероссийской выставке в 1896 г. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губ., СПб. 1896.
60. **Н. А. Г.** Сибирь на предстоящей Парижской выставке. (Дорожник по Сибири и Азиатской России, 1899, кн. IV).
61. **На выставке в музее.** (Сибирь, 1984, № 4—5).
62. **Отчет** делегата местного комитета по организации В.-Сиб. группы на выставке в Нижнем-Новгороде в 1896 г. Составил А. П. Молодых. (Изв. ВСОРГО, 1897 г. XXVIII, стр. 73—81).
63. **Отчет** по участию В.-Сиб. Отдела на Всероссийской выставке. Составил Д. П. Першин. (Изв. ВСОРГО, 1897, XXVIII, № 3, стр. 53—72).
64. **Проект** положения о Сибирск. научно-промышл. выставке в Иркутске (Отч. ВСОРГО 1901 г. и Изв. ВСОРГО 1904, XXXV, № 1, стр. 121—182).
65. **Путеводитель по Сиб. Отд. Всеросс. промышл. и художественной выставке в Н.-Новгороде в 1896 г.** Москва. 1896.
66. **Сибирская Научно-Промышленная выставка.** Описание экспонатов Сибири, Степного края и Д. Востока в связи с общим состоянием промышленности и торговли Сибири. Томск. 1897 г.
68. **Список** экспонатов Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Н.-Новгороде, удостоившихся похвальных наград. СПб. 1896 г.

69. **Турунов А. Н.** Буддийское влияние в народном орнаменте бурят. (Этн. Бюллетень, 1922 г. № 1).

70. **Указатель** по отделам Всероссийск. промысл. и худож. выставки в 1896 г. в Н.-Новгороде. Отд. XIII. Сибирский. В. Сибирь. М. 1896.

71. **Участие Отдела** на Нижегородской выставке и о присуждении ВСОРГО высшей награды. (Отчет ВСОРГО за 1891—1892 г.г. стр. 50, 54 и Отчет ВСОРГО за 1896 г. стр. 46).

72. **Хороших П. П.** Выставка искусств туземного населения Средней Сибири, устр. ВСОРГО. (Красн. бурят-монгол, 1922, № 17).

73. **Хороших П. П.** Задачи изучения изобразительного искусства бурят. Верхнеудинск. 1925 г.

74. **Этнографический бюллетень ВСОРГО № 1.** 1922 г. Иркутск. (О выставке монголо-бурят).

Каталоги, инструкции, правила, описи коллекций музея ВСОРГО.

75. **Детинцев А. П.** Доклад о работах по минералло-геологическому отделению музея ВСОРГО в течении 1911 г. (Отчет ВСОРГО за 1911 г. стр. 53—60).

76. **Дыбовский В. И.** Алфавитный список байкальских гаммарид. (Изв. Сиб. Отд. Р. Г. О-ва 1875. VI, № 1—2).

77. **Еленев А. С.** Опись гербария, собранного во время поездки в Туружанский край (Изв. ВСОРГО 1893, XXIV, № 3—4).

78. **Еленев А. С.** Каталог предметов, найденных в бирюсинских пещерах. (Изв. ВСОРГО 1886, XVII, № 3—4).

79. **Инструкция для музейной комиссии.** (Отчет ВСОРГО за 1905—1909 г.г. стр. 97—98).

80. **Инструкция консерватору музея.** (Отчет ВСОРГО за 1911 г.).

81. **Каталоги** выставок картин, рисунков, скульптур и др. произведений искусства, устраив. музеем ВСОРГО за период 1909—1915 г. Иркутск.

82. **Каталог орнитологической коллекции музея, составл. В. Ч. Дорогоостайским.** (Изв. ВСОРГО, 1912, XIII).

83. **Каталог геологических коллекций Иркутского музея ВСОРГО.** (Изв. ВСОРГО, 1911, XII, стр. 1—96, прил.).

84. **Каталог минерал. коллекций горных пород и окаменелостей, пожертв. в Сибирский Отдел Р. Г. О-ва г. Седаковым.** Ирк. 1867.

85. **Козьмин Н. М.** Список костям, найденным по р. М. Патом. (Изв. ВСОРГО, 1899, XXIX, № 1).

86. **Коллекции Д. А. Клеменц** в сибирских музеях. (Изв. ВСОРГО, 1916, XV).

87. **Обручев В. А.** Доклад распорядительному комитету ВСОРГО об устройстве минералогических и геологических коллекций музея, читанный в заседании распорядительного комитета 7 ноября 1891 г. (Изв. ВСОРГО, 1892, XXIII, № 4, стр. 33).

88. **О приведении в порядок геологических и минералогических коллекций Черским, Чекановским, Обручевым и Цетнерович.** (Отч. ВСОРГО 1869, стр. 98; 1891, стр. 16—17; 1911 г. стр. 52—60).

89. **Отчет** члена Отдела **И. И. Манухина** по приведению в порядок зоологических коллекций музея ВСОРГО. (Отчет ВСОРГО, 1911, стр. 63—68).

90. **Подгорбунский И. А.** Каталог буддийских коллекций ВСОРГО. Отд. XVII. Стр. 1—83. Ирк. 1908 г.

91. **Подгорбунский И. А. и Потанин Г. Н.** Каталог выставки предметов внешней обстановки жизни лам. Ирк. 1888, стр. 76.

92. **Подгорбунский И. А. и Потанин Г. Н.** Каталог музея ВСОРГО. Ирк. 1888, стр. 59.

93. **Правила** пользования необработанными коллекциями, поступившими в музей ВСОРГО. (Календарь-справочник по г. Иркутску и Ирк. губ. за 1914 г. и Отчет ВСОРГО за 1911 г.).

94. **Правила** пользования имеющимися при ВСОРГО научным инструментами, приборами и коллекциями. (Отч. ВСОРГО 1911 г. стр. 78—81).

95. **Прейн Я. П.** Первое прибавление к списку растений Иркутской губернии. (Изв. ВСОРГО 1888, XIX, № 2).

96. **Прейн Я. П.** Список растений, собранных в 1883 г. в некоторых местах Енисейской губ. СПб. 1884 г.

97. **Прейн Я. П.** Список растений в окрестностях с. Мальтинского. (Изв. ВСОРГО, 1894, XXV, № 2—3).

98. **Прейн Я. П.** Список растений, собранных И. Кирилловым в 1884 г. в Олекминско-Витимском крае. (Изв. ВСОРГО, 1892, XXIII, № 2).

99. **Савенков И. Т.** Описание черепа собаки древне-абаканской породы. (Изв. ВСОРГО, 1905 г. XXXVI, стр. 48—77).

100. **С п и с о к** монет, шкурок, мехов и чучел, украденных из музея 25 мая и 12 июня 1905 г. (Отчет ВСОРГО 1905—1909 г. Иркутск, 1912 г.).

101. **Стопневич А.** Список растений, собранных в 1903 г. (Изв. ВСОРГО 1904, XXXV, № 3).

102. **Троицкий И. С.** Протокол осмотра и вскрытия двухголового теленка, доставленного в музей. (Изв. ВСОРГО, XXVIII № 2).

103. **Черский И. Д.** Составление каталогов остеологической коллекции Иркутского музея. (Отчет ВСОРГО, 1871 г. Ирк. 1872).

104. **Черский И. Д.** Описание головы сибирского носорога, найденного в 1877 г. в Верхоянском округе (Изв. ВСОРГО 1879, IX, № 5—6; X, 1—2).

105. **Юринский Т. И.** Материалы к изучению флоры Иркутской губернии (список растений). (Изв. ВСОРГО, 1905 г., XXXVI, стр. 1—6).

106. **Янковский М.** Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на берегу Амурского залива на полуострове, лежащем между Славянской бухтой и устьем р. Сидели. (Заметка, приложенная к археолог. древностям, пересланным в музей ВСОРГО). (Изв. ВСОРГО, 1881 г. № 2—3).

Программы для сбора коллекций для музея.

107. **Агапитов Н. Н.** Опыт программы для изучения верований инородцев Сибири. Ирк. 1884, стр. 1—16.

108. **Общие правила** для собирания геолог. келлекций для музея ВСОРГО. (Изв. ВСОРГО, 1908 г. XXXIX, стр. 90—92).

109. **Потанин Г. Н.** Программа для собирания сведений о сибирском шаманстве. Ирк. 1888.

110. **Программа Ф. Кона** о тува-сойотах. (Изв. ВСОРГО, 1904 г. XXXV, стр. 26—28).

111. **Программа** для собирания этнографических предметов для музея ВСОРГО. (Изв. ВСОРГО, 1883, XIV, № 1—2).

112. **Программа** сведений, необходимых для составления подробного описания настоящего состояния сельско-хоз. промышленности в В. Сибири. (Прилож. к отчету за 1868 г. стр. 274—282).

113. **Программа** для ботанико-географических исследований в Сибири, составл. проф. С. Коржинским. Ирк. 1891, 12 стр.

114. **Программа** экспедиции в Урянхайскую землю Ф. Я. Кона и Г. П. Сафьянова. (Изв. ВСОРГО, 1904 г. XXXV, № 4, стр. 72—91).

115. **Программа** для собирания сведений о деревенском быте, составл. Г. Н. Потаниным. (Изв. ВСОРГО, 1904 г. XXXV, № 2).

116. **Станиловский А. М.** Программа для собирания предметов по ботанике, зоологии, географии, археологии, этнографии, технологии и пр. для музея ВСОРГО. Иркутск. 1902 г.

Содержание

	стр.
Г. С. Виноградов. Этнографические изучения Восточно-Сибирск. Отдела Р. Г. О-ва 1851—1926 .	3—37
О. М. Блюменфельд. Этнографические экспедиции и поездки, организованные Восточно-Сибирск. Отд. Р. Г. О-ва	38—41
А. В. Попов. Очерк палеонтологических исследований и достижений ВСОРГО за 75 лет (1851—1926 г.)	43—59
В. С. Манассеин. Очерк исторической деятельности ВСОРГО за 75 лет его существования . .	61—94
В. Яснитский. Краткий обзор ботанических исследований ВСОРГО в Восточной Сибири . . .	95—108
М. Кожов. Деятельность Восточ.-Сибирск. Отдела Р. Г. О-ва по изучению животного мира Сибири за 75 лет	109—124
П. П. Хороших. Исторический очерк музея ВСОРГО (1854—1920 г. г.)	125—142

